

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ

№ 1 (98) / 2019

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. Г. Задворная,
Т. П. Карпилович, Г. Ф. Лепесская, Ю. В. Овсейчик,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Гребень Т. Н.</i> Синтаксический аспект реализации принципа языковой экономии в современном медийном дискурсе.....	7
<i>Дубасова А. В.</i> К описанию акцентных парадигм литовского языка	13
<i>Дудина А. М.</i> О широкозначности глагольных единиц в диахроническом аспекте (на материале французского и белорусского языков).....	20
<i>Зуевская Е. В.</i> Средства выражения отрицания в белорусском языке и особенности их перевода на немецкий язык	26
<i>Субота К. І.</i> Структурная організацыя складаных парцэлятаў у беларускай і англійскай мовах	33
<i>Хомцова Е. В.</i> Метафорическое моделирование концепта «животное» в аспекте антропоцентризма в русском и английском языках	39
<i>Шилей Е. В.</i> Коммуникативные стратегии организации и языковые средства их реализации.....	46

Романское и германское языкознание

<i>Будникова Е. И.</i> Метафоро-метонимические бленды в значениях английских устойчивых выражений	53
<i>Зиневич Н. В.</i> Интенциональность и субъектность научного дискурса в аспекте их взаимодействия	61
<i>Котов К. А.</i> Португальские заимствования в современном английском языке: лексико-семантический аспект	67
<i>Курганова Н. И.</i> К выделению ключевых концептов общественно-политического дискурса	73
<i>Лешкевич И. В.</i> Взаимодействие категорий модальности и оценочности в англоязычной аналитической статье.....	80
<i>Лойша М. М.</i> Риторический образ Т. Мэй в парламентском дискурсе	86

<i>Орлова М. В.</i> Значение цвета <i>зеленый</i> в слоганах политической партии Германии «Die Grünen»	91
<i>Сидоревич-Стахнова О. В.</i> О культурно-исторических особенностях лексических средств выражения вежливости в современном испанском языке	97
<i>Соловьева М. А.</i> «Аббатство Даунтон» как прецедентный текст англоязычного дискурса	104
<i>Тропец Т. В.</i> Формирование денотативного компонента семантики англицизмов в итальянском языке	110
<i>Чельцова Т. Н.</i> Выделительные конструкции в специальных текстах.....	118
<i>Черенда А. Э.</i> Становление инактивной структуры с глаголами звучания в английском языке	124
<i>Чистая С. Ф.</i> Научно-популярный текст как дискретная единица англоязычного медиадискурса	130
<i>Шабашева Л. А.</i> Глагольные формы и их роль в создании импрессионистичности текста Ги де Мопассана	136

Проблемы прикладной лингвистики

<i>Зыгмантович Н. В.</i> Автоматическое создание обратного словаря текста	143
<i>Яркова Е. М.</i> Психолингвистический эксперимент в исследовании билингвального восприятия стилистически маркированных высказываний в мультимедийном контексте	150

Литературоведение

<i>Зелезинская Н. С.</i> Типология мотива самоубийства в трагедии У. Шекспира «Отелло»	159
<i>Ламеко Н. В.</i> Поэтика симультанности в творчестве Дж. Джойса и П. Пикассо	164
<i>Ревуцкая Е. А.</i> Пространство <i>отсутствия</i> в поэзии Пьера Реверди.....	170
<i>Судленкова О. А.</i> Вымышленная автобиография Пенелопы Лайвли	176
<i>Наши авторы</i>	182

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Hreben T. N.</i> The Syntactic Aspect of the Language Economy Manifestation in Modern Media Discourse	7
<i>Dubasova A. V.</i> Towards a Description of the Accentual Classes in the Lithuanian Language	13
<i>Dudina A. M.</i> On the Broad Meaning of Verbs in a Diachronic Aspect (on the material of French and Belarusian languages)	20
<i>Zuevskaya E. V.</i> Means of Expressing Negation in the Belarusian Language and Specifics of their Translation into German	26
<i>Subota K. I.</i> The Structural Organization of Complex Fragmentary Sentences in the Belarusian and English Languages	33
<i>Khomtsova E. V.</i> Metaphorical Modeling of the Concept “Animal” in the Aspect of Anthropocentrism in Russian and English	39
<i>Shylei A. V.</i> Communicative Strategies of a Business Company and Linguistic Means of their Realization	46

Romance and Germanic Linguistics

<i>Budnikova A.</i> Metaphor-Metonymy Interaction in the Meanings of English Set Expressions	53
<i>Zinevich N. V.</i> Intentionality and Subjectivity of the Scientific Discourse the Aspect of their Correlation	61
<i>Kotov K. A.</i> Portuguese Borrowings in Modern English: Lexical-Semantic Aspect	67
<i>Kurganova N. I.</i> Identifying the Key Concepts of the Social-Political Discourse	73
<i>Leshkevich I. V.</i> The Interaction of the Categories of Modality and Evaluation in British Analytical Articles	80
<i>Loisha M. M.</i> T. May’s Rhetorical Image in the Parliamentary Discourse	86
<i>Arlova M. V.</i> The Value of Colour <i>Green</i> in Slogans of the Germany Political Party «The Greens»	91

<i>Sidorevich-Stakhnova O. V.</i> Cultural and Historical Peculiarities of the Lexic of Politeness in Modern Spanish	97
<i>Soloviova M. A.</i> «Downton Abbey» as a Precedent Text of Discourse in the English Language	104
<i>Trapets T. U.</i> Formation of the Denotational Component of Semantics of Anglicisms in the Italian Language	110
<i>Cheltsova T. N.</i> Emphatic Structures in Special Texts	118
<i>Cherenda A. E.</i> Formation of the Inactive Structure Containing Verbs of Sound in English.....	124
<i>Chystaya S. F.</i> Texts of Popular Science as Discrete Units of Media Discourse in English Speaking Countries.....	130
<i>Shabashova L. A.</i> Verb Forms and their Roles in the Creation of an Impressionistic Effect in Guy de Maupassant’s Texts	136

Applied Linguistics

<i>Zigmantovich N.</i> Automatic Creation of Text Reverse Dictionary	143
<i>Yarkova Y.</i> Psycholinguistic Experiment in a Research into Bilingual Comprehension of Stylistically Marked Utterances in the Multimedia Context..	150

Literary Studies

<i>Zelezinskaya N. S.</i> Typological Features of the Motif of Suicide in <i>the Tragedy of Othello</i> by William Shakespeare	159
<i>Lameka N. U.</i> Poetics of Simultaneity in James Joyce’s and Pablo Picasso’s Works	164
<i>Revutskaya A. A.</i> The Poetics of <i>Absence</i> in Pierre Reverdy’s Poetry	170
<i>Sudliankova V. A.</i> Penelope Lively’s Fictitious Autobiography	176
<i>Our authors</i>	178

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**Т. Н. Гребень****СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРИНЦИПА ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ
В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ**

В контрастивном аспекте исследованы разговорно-синтаксические средства языковой экономии в современном медиадискурсе на белорусском и английском языках, установлен общий перечень таких единиц, а также выявлена их употребительность. Подробно рассмотрены синтаксические средства количественной и качественной экономии в медиадискурсе на двух языках, определены их частотность, сходства и различия в употреблении. Отмечается, что к основным факторам, обуславливающим выявленные общие и специфические черты, относятся особенности письменного медийного дискурса как продукта массовой коммуникации, разноструктурный характер исследуемых языков, а также своеобразие белорусской и британской лингвокультур.

Характерной чертой продуктов медийного дискурса является их ограниченный объем, который обусловлен продолжительностью эфирного времени или размерами газетных и журнальных страниц. В этой связи перед авторами стоит задача приведения текстов к краткому и простому для восприятия виду, поскольку газеты и журналы читаются, как правило, выборочно, бегло, а теле- и радиопередачи не дают возможности вторичного просмотра или прослушивания. Несмотря на это, задача воздействия на адресата не должна отойти на второй план: чтение должно иметь вполне конкретные последствия в виде той или иной реакции адресата.

В сложившейся ситуации одним из способов построения эффективной коммуникации можно считать сокращение и упрощение синтаксических форм в медиадискурсивном пространстве, что, однако, может сделать язык СМИ сухим и невыразительным, а значит, неинтересным потенциальному адресату. В этой связи современная тенденция к активному использованию в медиадискурсе средств разговорного синтаксиса представляется абсолютно обоснованной: такие языковые единицы, во-первых, являются маркированными на фоне своего более нейтрального окружения, во-вторых, значительная их часть характеризуется экономностью – одной из неотъемлемых черт разговорной речи.

Начало систематического исследования языковой экономии в лингвистике принято связывать с работами П. Пасси, Г. Суита, О. Есперсена, В. Уитнея 80-х гг. XIX в., в которых данное явление рассматривалось в качестве фактора развития естественного языка. Сегодня языковая экономия тесно связана с понятием *разговорная речь*, под которой, согласно представителям Московской школы функциональной социолингвистики, понимается некодифицированная разновидность литературного языка, используемая «в ситуациях неподготовленного, непринужденного общения при непосредственном участии говорящих в акте коммуникации» [1, с. 5].

Исследователи-коллоквиалисты неоднократно отмечали наличие противоположных тенденций в разговорной речи, «наиболее ярко выделяющих ее специфические особенности» [2, с. 6]. В большинстве работ, посвященных комплексному изучению разговорной речи с выявлением ее специфики, внимание ученых справедливо обращено к таким разнонаправленным свойствам, как тенденция к *экономии* и *избыточности*.

В связи с несовпадением интересов говорящего и слушающего В. Д. Девкин уделял особое внимание данной оппозиции и отмечал, что наличие антиномии «экономия» – «избыточность» вызвано тем, что интересы слушающего сдерживают стремление говорящего к сокращению и упрощению сообщения. Слушающий же, в свою очередь, «устанавливает этому предел, переступить через который уже означало бы нарушить понимание» [3, с. 57]. Другими словами, адресант тяготеет к упрощению своей задачи за счет сокращения количества слов, использования разнообразных окказионализмов, однако в процессе общения он вынужден учитывать степень информированности и подготовленности адресата с целью обеспечения успешности коммуникативного акта.

Критические замечания по поводу данной оппозиции были вызваны тем, что первоначально В. Д. Девкин применял термины *экономия* и *избыточность* к описанию характерных черт разговорной речи только на уровне синтаксиса, в то время как Ю. М. Скребнев настаивал на возможности «объединения любых специфических явлений разговорной речи в рамках одной обобщающей оппозиции» [4, с. 64]. Такой оппозицией у него выступает *экспликационная* и *импликационная* специфика разговорной речи. Универсальность данного противопоставления заключается в его действии на любом уровне языковой иерархии с наибольшей степенью проявления в синтаксисе [Там же, с. 65–66].

Схожая по степени охвата языковых уровней, но отличающаяся в терминологическом плане, антиномия разговорной речи была предложена авторами фундаментального исследования «Русская разговорная речь». Члены оппозиции в данной работе именуется *тенденцией к синкретизму* и *тенденцией к аналитизму* [5]. Не все исследователи-коллоквиалисты считают данные термины удачными, однако при этом отмечают универсальный характер предложенной оппозиции [4, с. 64].

Ввиду того, что настоящее исследование посвящено синтаксическим разговорным средствам, считаем целесообразным придерживаться терминов *экономия* и *избыточность*, которые также нашли применение в ряде лингвистических работ [3; 6; 7]. С целью установления специфики реализации принципа языковой экономии посредством разговорносинтаксических единиц в современном медиадискурсе на белорусском и английском языках был проведен контрастивный и контекстуальный анализ 200 очерков и репортажей, отобранных из таких периодических изданий, как «Народная газета», «Звезда», «Настаўніцкая газета», «Культура», «The Guardian», «The Independent», «The Telegraph», «The Observer». В результате анализа было установлено, что в материале исследования средства разговорного синтаксиса, способствующие языковой экономии, представлены достаточно

широко – 63 % в белорусскоязычном и 47 % в англоязычном медиадискурсе (от общего числа выявленных разговорносинтаксических средств на каждом языке). Меньший удельный вес таких единиц в британском медиадискурсе объясняется лаконичной природой английского языка, что несколько снижает необходимость целенаправленного сокращения размеров публикаций за счет разговорносинтаксических средств экономии.

Рассматривая языковую экономию необходимо отметить, что она проявляется по-разному. Так, различают количественную (квантитативную) и качественную (квалитативную) [3]. Проведенный анализ показал, что в медиадискурсе на двух языках преобладают разговорносинтаксические средства количественной экономии (99 % в белорусскоязычном и 96 % в англоязычном), которая строится на сокращении числа эксплицитно выраженных языковых элементов. Наиболее ярким и широкоупотребительным образцом квантитативной экономии является эллипсис. Например: *Пра елкі асобна* (Звезда, 5.01.2013); *У гэтым выпадку, выглядае, хвілін 40. На справе – нават менш* (Звезда, 11.09.2010). Здесь в результате пропуска строевых элементов предложения приобрели компактный вид, что, в свою очередь, привело к утилитаризации языкового сообщения. В англоязычном портретном очерке, посвященном британскому интервьюиру Д. Фросту, встретился эллиптический вопрос *Exciting? ‘Захватывающе?’* (The Telegraph, 25.09.2011). Чисто теоретически полное предложение может быть представлено множеством вариантов, поскольку подлежащее в приведенном примере не вербализовано. Однако контекст, в котором речь идет о процессе интервьюирования, делает данный вопрос, даже в его «экономной» форме, дешифруемым для читателя: *Do you find interviewing exciting? ‘Вы находите процесс интервью захватывающим?’* Другой пример эллипсиса *And Greg? ‘А Грэг?’* (The Guardian, 1.12.2012) также представляется весьма лаконичным по сравнению со своим полным вариантом (*And what will happen to Greg? ‘А что будет с Грэггом?’*). Таким образом, при количественной экономии «наблюдается асимметрия формы и содержания за счет имплицитности некоторой части передаваемого смысла» [3, с.148], что также придает таким «экономным» единицам статус выделенности в медийном дискурсе.

Другим средством разговорного синтаксиса, в котором наблюдается названная асимметрия, является незавершенное предложение. Например: *Падземны шлях спецыяльна абсталяваны для невідушчых людзей – на гэта паказваюць адмысловыя ярка-жоўтыя парэнчы. Але...* (Звезда, 15.01.2013); *“It’s necessary to accept that a balanced budget is a necessary for a balanced life, and the same applies to the nation as a whole. That’s just ...” There follows one of his immense pauses as he moulds his frustration into words ‘«Надо признать, что сбалансированный бюджет необходим для сбалансированной жизни, то же самое относится и к нации в целом. Это просто...»* И далее следует одна из тех значительных пауз, дающих возможность подумать над выражением своего разочарования в словах’ (The Guardian, 30.11.2012). Несмотря на лаконичность незавершенных предложений, представляется, что данная особенность не является основной причиной их употребления в современном медийном дискурсе. Главное преимущество использования рассматриваемых

единиц в материале исследования заключается в их способности провоцировать читателя на дальнейшие рассуждения и вызывать у него определенные чувства в отношении происходящего.

Случаи изолированного употребления придаточных предложений также представляют собой экономию количественного характера, поскольку способствуют сокращению числа языковых знаков. Так, в следующем примере пожелание, мечта профессора А. И. Мальдиса выражена без главного предложения: *Каб у сутках было не 24, ну а хоць 25–26 гадзін – каб паспець яшчэ больш* (Народная газета, 7.08.2012). В англоязычном медиадискурсе встретился следующий пример рассматриваемого средства: *...all the studios wanted to see me. ‘Oh, show me your teeth.’ As if I were a horse, you know? ‘...все студии хотели видеть меня у себя. “Ой, а покажи мне свои зубы”. Как будто я лошадь, понимаешь?’* (The Guardian, 6.12.2012). В таких единицах разговорного синтаксиса смысл невербализованного главного предложения становится очевидным для адресата благодаря опоре на контекст.

Присоединительные конструкции, широко представленные в медийном дискурсе как на белорусском, так и на английском языках, являются интересным феноменом с точки зрения антиномии *избыточность – экономность*. Дело в том, что большинство существующих в научной литературе определений рассматриваемых конструкций указывает на добавочный характер присоединяемых элементов, что свидетельствует в пользу их избыточности. И действительно, конструкции, присоединяемая часть которых выражена простым, осложненным или сложным предложением, весьма громоздки и вряд ли могут быть расценены как средство языковой экономии: *Рамантаваць яго няма сэнсу, бо новыя апараты нашмат магутнейшыя. Ды і пераход на лічбавае тэлебачанне не за гарамі* (Звезда, 9.01.2013); *Сама ж крама фабрыкі прапануе даволі шмат разнастайнай прадукцыі. Праўда, упор зроблены на дарагія рэчы ручной (або з элементамі ручной) работы* (Звезда, 2.10.2012); *...Arthur, whom she’s described as terrifying her into scuttling away during mealtimes to look up facts in the encyclopaedia, forgoing her food rather than incurring his wrath. And yes, she admits a few minutes later, she is extraordinarily like him* ‘...Артура, которого она описала как человека, вселяющего в нее такой ужас, что она во время приема пищи со всех ног бежала смотреть факты в энциклопедии, жертвуя едой, чтобы только не вызвать его гнев. И да, несколько минут спустя она признает, что чрезвычайно на него похожа’ (The Guardian, 22.10.2011).

В то же время, конструкции с присоединяемыми элементами в виде словоформ или словосочетаний всегда очень компактны и могут быть отнесены к средствам экономии. Ср.: *Ён наведаміў, што прынята рашэнне аб узнагароджанні «касмичнага скульптара» ордэнам Юрыя Гагарына. І невыпадкова* (Звезда, 22.02.2012). – *Ён наведаміў, што прынята рашэнне аб узнагароджанні «касмичнага скульптара» ордэнам Юрыя Гагарына. І рашэнне гэта прынята невыпадкова; And I find that worrisome. Really worrisome* ‘И меня это беспокоит. Очень беспокоит’ (The Guardian, 13.01.2013). – *And I find that worrisome. I find that really worrisome* ‘И меня это беспокоит. Меня это очень беспокоит’. Присоединяемые элементы в приведенных примерах,

хотя и оформлены в отдельные предложения, однако каждый из них является неотъемлемой содержательной частью своей конструкции. Использование такого приема позволяет авторам не только добиться желаемой экономии на количестве знаков, но и оказывать воздействие на адресата за счет создания непринужденности повествования, имитации потока сознания, что достигается путем последовательной подачи информации за счет смещения семантического фокуса на новый аспект речи.

Качественная экономия строится на «рационализации средств выражения» [3, с. 58], т.е. на трансформации высказывания, замене сложных структур на качественно иные, более простые единицы. Такая симплификация в материале исследования реализуется посредством небольшого количества разговорно-синтаксических единиц (1 % в белорусскоязычном медиадискурсе и 4 % в англоязычном), и ее примером могут послужить вопросительные предложения с порядком слов, свойственным для утвердительных предложений. Это особо актуально для языков аналитического строя, в которых построение особой синтаксической структуры вопроса требует от адресата больших усилий, чем использование вопросительной интонации в устной речи или вопросительного знака на письме. Ср.: *Chimps have no sense of humour?* ‘У шимпанзе нет чувства юмора?’ (The Guardian, 23.11.2012) и *Don't chimps have sense of humour?*; *You walked from JFK?* ‘Ты шел пешком из аэропорта?’ (The Guardian, 2.02.2013) и *Did you walk from JFK?*; *You're heading for the ferry at Red Hook?* ‘Вы направляетесь к парому в Ред Хуке?’ (The Guardian, 2.02.2013) и *Are you heading for the ferry at Red Hook?*. В материале исследования такие вопросы встретились только в рамках прямой речи, что создает впечатление достоверности повествования за счет сохранения речевых особенностей коммуникантов.

В ряде случаев индикаторами вопросительности выступают лексемы типа *right* ‘верно’, *no* ‘(разве) нет’ и т.д., что также свидетельствует об использовании в таких предложениях ресурсов качественной экономии. Например: *But it is against them, right?* ‘Но оно [время. – Т. Г.] работает против них [людей. – Т. Г.], верно?’ (The Guardian, 13.01.2013); *It's difficult, no?* ‘Это сложно, разве нет?’ (The Guardian, 6.12.2012). Нерациональным с точки зрения экономии было бы использование разделительных вопросов *But it is against them, isn't it?* и *It's difficult, isn't it?* соответственно. Как демонстрируют данные примеры, качественная экономия – это экономия не на количестве знаков, а на умственных усилиях, которые понадобились бы для продуцирования «неэкономных» структур.

Выражение оценок и эмоций языковыми средствами в целях экономии может быть замещено звуковыми и интонационными средствами, которые на письме передаются графически, например, в рамках вставных конструкций: *У 1922 годзе дэмабілізаваўся (?) і пераехаў у Петраград* (Культура, 1.09.2012). Здесь при помощи вставной конструкции со знаком вопроса в кратком виде представлено авторское сомнение по поводу приведенного факта демобилизации в указанном году. Помимо вопросительного знака, в материале исследования были выявлены вставные конструкции с восклицательным знаком: *І тады 12-гадовы (!) Антон сам змайстраваў ветравы*

генератар (Звезда, 29.11.2012). В данном примере знак восклицания, во-первых, выступает в качестве средства привлечения внимания к находящейся перед ним информации, во-вторых, в очень экономной форме маркирует положительную эмоциональную оценку героя очерка. Проведенный анализ показал, что такое средство квантитативной экономии не характерно для британского медиадискурса. Полученный результат может быть связан с особенностями данной лингвокультуры, для которой свойственна бóльшая эмоциональная сдержанность по сравнению с белорусскоязычной.

В целом статистические данные свидетельствуют о том, что в медийном дискурсе на двух языках количественная экономия по своей численности значительно превосходит качественную (99 % против 1 % на белорусском языке и 96 % против 4 % на английском). Получение такого результата объясняется материалом исследования: для письменного медиадискурса рационализация средств выражения не столь актуальна, поскольку у авторов имеется возможность предварительного обдумывания сообщения. Количественная экономия, напротив, очень важна для письменного медийного дискурса, что связано с необходимостью передать значительный объем информации на сравнительно небольших газетных страницах.

Таким образом, результаты проведенного анализа позволяют говорить как об общих, так и специфических чертах медиадискурса на двух языках с точки зрения разговорносинтаксических средств экономии. Наличие общей тенденции к активному употреблению данных единиц в материале исследования обусловлено стремлением к лаконичности, а также ориентацией медийного дискурса на адресата с целью оказания воздействия. Ввиду того, что материалом исследования послужил письменный медиадискурс, большинство выявленных разговорносинтаксических структур способствуют количественной экономии. При этом специфика употребления рассматриваемых средств затрагивает качественную сторону экономии и связана, во-первых, с разноструктурным характером исследуемых языков, во-вторых, с особенностями белорусской и британской лингвокультур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Земская, Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения : учеб. пособие / Е. А. Земская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 239 с.
2. *Земская, Е. А.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
3. *Девкин, В. Д.* Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика / В. Д. Девкин. – М. : Междунар. отношения, 1979. – 254 с.
4. *Скребнев, Ю. М.* Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев ; под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 210 с.
5. Русская разговорная речь / Е. А. Земская [и др.] ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Наука, 1973. – 485 с.

6. Бускунбаева, Л. А. Закономерности речевой экономии и их отражение в башкирском языке / Л. А. Бускунбаева. – Уфа : Гилем, 2008. – 140 с.

7. Федосова, О. В. К вопросу о языковой избыточности испанской разговорной речи / О. В. Федосова // Альм. современной науки и образования. – 2012. – № 2, ч. 3. – С. 220–223.

The paper deals with the contrastive study of syntactic colloquial means in modern media discourse and their role in language economy. Some common and specific features in a number of such units in the Belarusian and English media discourse are revealed. Two types of language economy and the means of their manifestation are defined. The determining factors of the revealed similarities and peculiarities are established.

Поступила в редакцию 10.10.2018

А. В. Дубасова

К ОПИСАНИЮ АКЦЕНТНЫХ ПАРАДИГМ ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА

В статье на материале «Частотного морфемного словаря литовского языка» описываются акцентные парадигмы литовских существительного и прилагательного: указываются базовые свойства литовского ударения, схемы его перемещения при словоизменении, общие характеристики акцентных парадигм. Подробно рассматриваются омонимичные и потенциально омографичные окончания: приводятся их грамматические и акцентные свойства, а также статистические данные.

Устройство литовского языка традиционно вызывает особый интерес у специалистов в области сравнительно-исторического индоевропейского языкознания, а также типологии и общего языкознания. Тем не менее до настоящего времени существует крайне мало работ, посвященных описанию акцентных парадигм литовского языка. Так, классическая работа Б. Стунджи [1] остается недоступной для исследователей, не читающих на литовском языке. Другие работы, как правило, рассматривают литовскую акцентуацию в широком контексте [2, с. 96–100; 3, с. 79–85; 4, с. 173–181].

Кроме того, нам не удалось обнаружить подробного описания акцентных характеристик окончаний литовских имен существительных и прилагательных; как правило, авторы концентрируются на свойствах приставок и суффиксов. С нашей же точки зрения, без показа особенностей отдельных окончаний невозможно говорить о полном описании акцентных парадигм литовского языка. Отсюда вытекает цель настоящего исследования – представить базовое устройство ударения литовского существительного и прилагательного, выделить и охарактеризовать потенциально омографичные окончания.

Материалом для настоящего исследования послужили имена существительные и прилагательные, отобранные из «Частотного морфемного словаря литовского языка» [5; 6], с частотностью 5 и выше (итого проанализировано

2 246 существительных и 406 прилагательных). Приводимые в статье статистические данные рассчитаны на материале указанного словаря. Для проверки ударения и акцентных парадигм использовались ресурсы [7; 8; 9].

Литовское ударение является свободным и может быть подвижным или неподвижным. Слоги могут быть краткими или долгими; ударение на кратких слогах обозначается грависом (˘), на долгих – акутом (˙, нисходящее ударение) или циркумфлексом (˜, восходящее ударение); разница между нисходящей и восходящей интонацией лучше всего слышна на дифтонгах. Безударные слоги интонаций не имеют.

Место ударения может различать как отдельные лексемы, так и грамматические формы одного и того же слова: *kal̃ba* ‘говорить, 3 л. наст. вр.’ – *kalbà* ‘язык’; *sūnùs* ‘сын, им. п. ед. ч.’ – *sūnus* ‘сын, вин. п. мн. ч.’.

Способность литовского ударения различать грамматические формы слова во многом вызвана омонимичностью и потенциальной омографичностью окончаний. Так, у слов на *-a(-ia)*, составляющих примерно 24 % всех существительных, окончание *-os* потенциально омографично в 25 % случаев.

По способу акцентуации существительные и прилагательные делятся на 4 акцентные парадигмы (АП). АП определяет, в каких словоформах ударение перемещается на окончание, а в каких остается на основе. Так, существительные на *-as* ведут себя следующим образом в зависимости от АП (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Склонение имен существительных на *-as*

Падеж	Акцентная парадигма			
	1-я	2-я	3-я	4-я
	Единственное число			
именительный	<i>koncèrt-as</i>	<i>banān-as</i>	<i>ādres-as</i>	<i>stāl-as</i>
родительный	<i>koncèrt-o</i>	<i>banān-o</i>	<i>ādres-o</i>	<i>stāl-o</i>
дательный	<i>koncèrt-ui</i>	<i>banān-ui</i>	<i>ādres-ui</i>	<i>stāl-ui</i>
винительный	<i>koncèrt-ą</i>	<i>banān-ą</i>	<i>ādres-ą</i>	<i>stāl-ą</i>
творительный	<i>koncèrt-u</i>	<i>banan-ù</i>	<i>ādres-u</i>	<i>stal-ù</i>
местный	<i>koncèrt-e</i>	<i>banan-è</i>	<i>adres-è</i>	<i>stal-è</i>
звательный	<i>koncèrt-e</i>	<i>banān-e</i>	<i>ādres-e</i>	<i>stāl-e</i>
	Множественное число			
именительный	<i>koncèrt-ai</i>	<i>banān-ai</i>	<i>adres-aĩ</i>	<i>stal-aĩ</i>
родительный	<i>koncèrt-ų</i>	<i>banān-ų</i>	<i>adres-ũ</i>	<i>stal-ũ</i>
дательный	<i>koncèrt-ams</i>	<i>banān-ams</i>	<i>adres-áms</i>	<i>stal-áms</i>
винительный	<i>koncèrt-us</i>	<i>banan-ūs</i>	<i>ādres-us</i>	<i>stal-ūs</i>
творительный	<i>koncèrt-ais</i>	<i>banān-ais</i>	<i>adres-aĩs</i>	<i>stal-aĩs</i>
местный	<i>koncèrt-uose</i>	<i>banān-uose</i>	<i>adres-uosè</i>	<i>stal-uosè</i>
звательный	<i>koncèrt-ai</i>	<i>banān-ai</i>	<i>adres-aĩ</i>	<i>stal-aĩ</i>

По начальной форме производного слова определить АП, за редким исключением, нельзя. Однако АП имеют свои свойства, которые обобщенно представлены в табл. 2.

Свойства акцентных парадигм

Свойство	Акцентная парадигма			
	1-я	2-я	3-я	4-я
Ударение неподвижно	да	нет	нет	нет
Количество слогов основы	любое	любое	любое	у сущ. и прил. на <i>-as</i> обычно 1
Тип ударения последнего слога основы	акут	не акут	акут	не акут
Ударные слоги	кроме окончания	последний основы или окончания	первый основы или последний окончания	последний основы или окончания
Самый частотный ударный слог	второй с конца основы	последний основы	последний окончания	последний окончания
Падежи с ударным окончанием (сущ.)	–	в ед. ч.: • им. п. сущ. на <i>-a</i> ; • твор. п.; • местн. п. сущ. на <i>-as</i> ; во мн. ч.: • вин. п.	в ед. ч.: • им. п., кроме сущ. на <i>-as</i> ; • твор. п. сущ. на <i>-is, -us</i> ; • местн. п.; во мн. ч.: • им. п. сущ. на <i>-as, -us</i> ; • остальные, кроме вин. п.	все ударные 2 и 3-й АП
Падежи с ударным окончанием (прил.)	–	в ед. ч.: • твор. п.; во мн. ч.: • вин. п.	в ед. ч.: • им. п. ж. р. прил. на <i>-as</i> ; • род. п., кроме <i>-o</i> ; • дат. п. м. р.; • местн. п.; во мн. ч.: • им. п. м. р. прил. на <i>-as</i> ; • остальные, кроме вин. п.	все ударные 3-й АП, а также: в ед. ч.: • им. п. прил. на <i>-us</i> ; • твор. п. во мн. ч.: • вин. п.
Невозможные склонения (сущ.)	<i>-is (m.), -us, -us</i>	<i>-is (f., m.), -us, -uo</i>	<i>-is, -ius</i>	<i>-is, -ius, -uo</i>
Склонения (прил.)	кроме <i>-us</i>	только <i>-is</i>	кроме <i>-is</i>	кроме <i>-is</i>

П р и м е ч а н и я

1. Внутри АП перемещение ударения при словоизменении происходит между ударными слогами. На другие слоги ударение переходить не может.

2. В настоящей работе не рассматриваются местоименные прилагательные.

Существительные 1 и 2-й АП в литовском языке преобладают, составляя примерно 78 % от общего числа.

Независимо от АП, всегда безударны:

- окончание им. п. ед. ч. *-as* и все окончания им. п. мн. ч., за исключением *-ai/-iai* (сущ.) и *-i* (прил.).

- окончание род. п. ед. ч. *-o/-io*;

- все окончания вин. п. ед. ч.;

- все окончания дат. п. ед. ч. прил. ж. р. и сущ.;

- окончания зват. п. ед. ч. *-e, -ai, -a, -as, -us, -i*.

Рассмотрим основные омонимичные и потенциально омографичные окончания.

Окончание *-as*:

а) показатель им. п. ед. ч. м. р. – в этом случае окончание всегда безударно: *aguĩ kas* ‘огурец’, *mãžas* ‘маленький’;

б) показатель вин. п. мн. ч. ж. р. – окончание может быть ударно или безударно в зависимости от АП; ср. *knugàs* ‘книга’ (2-я АП), но *lóvas* ‘кровать’ (1-я АП); *mažàs* ‘маленький’ (4-я АП), но *báltas* ‘белый’ (3-я АП);

в) показатель зват. п. прилагательных – окончание безударно.

Форморазличительная функция здесь есть только у окончаний прилагательных 4-й АП, так как форм **agurkàs, *knỹgas, *lovàs, *baltàs* в литературном языке не существует.

Окончание *-a* (ж. р. ед. ч.):

а) показатель им. п. – окончание может быть ударно или безударно; ср. *knugà* ‘книга’ (2-я АП), но *lóva* ‘кровать’ (1-я АП); *mažà* ‘маленький’ (4-я АП), но *energìnga* ‘энергичный’ (1-я АП);

б) показатель зват. п. – окончание безударно, например, *mãma* ‘мама’, *mãža* ‘маленький’; место и тип ударения различают формы им. п. (если ударно окончание) и зват. п.;

в) показатель твор. п. – ударение такое же, как в им. п., кроме слов 3-й АП, где ударение выполняет форморазличительную функцию. Ср. *dovanà* ‘подарок, им. п.’ и *dòvana* ‘подарок, твор. п.’; *baltà* ‘белый, им. п.’ и *bálta* ‘белый, твор. п.’.

Окончание *-ai*:

а) показатель дат. п. ед. ч. ж. р. – окончание безударно;

б) показатель им. п. мн. ч. м. р. существительных – ударение зависит от АП (окончание безударно у 83 % существительных), ср. *aguĩ kai* (2-я АП), но *vaikaĩ* ‘дети’ (4-я АП).

Окончание *-us* (м. р.):

а) показатель им. п. ед. ч. – ударение зависит от АП (окончание ударно у 80 % существительных и 96 % прилагательных), ср. *turĩ gus* ‘рынок’ (2-я АП), но *sũnũs* ‘сын’ (3-я АП), *áiškus* ‘ясный’ (3-я АП), но *gražũs* ‘красивый’ (4-я АП);

б) показатель вин. п. мн. ч. – ударение зависит от АП (окончание ударно у 70 % существительных и 33 % прилагательных), ср. *turgùs* (2-я АП), но *sùnus* (3-я АП), *mažùs* (4-я АП), но *báltus* (3-я АП);

в) показатель зват. п. ед. ч. у прилагательных – ударение только на основе (*áiškus*, *grāžus*).

Окончание *-i* (прилагательные):

а) показатель им. п. ед. ч. ж. р. – окончание ударно в 96 % случаев, ср. *graži* (4-я АП), но *áiški* (3-я АП);

б) показатель им. п. мн. ч. м. р. – окончание ударно в 64 % случаев¹, ср. *maži* ‘маленький’ (4-я АП), *energingi* ‘энергичный’ (1-я АП);

в) показатель зват. п. ед. ч. – окончание всегда безударно (*energingi*, *grāži*).

Окончание *-is*:

а) показатель им. п. ед. ч. м. р. – у существительных окончание ударно или безударно в зависимости от склонения (и отсюда – АП)², ср. *brólis* ‘сын’ (2-я АП), но *žvèris* ‘зверь’ (3-я АП); у прилагательных окончание всегда безударно (*vidutinis* ‘средний’);

б) показатель им. п. ед. ч. ж. р. существительного – окончание ударно в 87 % случаев – *váltis* ‘лодка’ (1-я АП), *širdis* ‘сердце’ (3-я АП);

в) показатель вин. п. мн. ч. ж. р. существительного – окончание ударно или безударно – *váltis*, *širdis* (по сравнению с им. п. ед. ч. разница в ударении есть только у слов 3-й АП).

Окончание *-ys* (существительные):

а) показатель им. п. ед. ч. м. р. – окончание всегда ударно (*obuolÿs* ‘яблоко’);

б) показатель им. п. и зват. п. мн. ч. ж. р. – окончание всегда безударно (*pilys* ‘замок’).

Окончание *-os* (ж. р.):

а) показатель род. п. ед. ч. – окончание ударно или безударно, ср. *matõs* (4-я АП), но *knÿgos* (2-я АП), *mažõs* (4-я АП), но *energingos* (1-я АП);

б) показатель им. п. и зват. п. мн. ч. – окончание всегда безударно (*mãmos*, *knÿgos*, *mãžos*, *energingos*).

Окончание *-ès* (ж. р.):

а) показатель род. п. ед. ч. – у существительных окончание ударно или безударно, ср. *gèlès* ‘цветок’ (4-я АП), но *bùlvès* ‘картофель’ (1-я АП); у прилагательных окончание всегда безударно – *vidutinès* ‘средний’;

б) показатель им. п. и зват. п. мн. ч. ж. р. – окончание всегда безударно (*gèlès*, *bùlvès*, *vidutinès*).

Окончание *-ų*:

а) показатель вин. п. ед. ч. м. р. – окончание всегда безударно (*tuř gų sùnu*);

¹ На процент повлияло большое количество слов 1-й АП в корпусе литовского языка, однако в разговорной речи и текстах бытового характера, по-видимому, преобладают прилагательные 3 и 4-й АП с ударным окончанием.

² Слова мужского рода на безударный *-is* принадлежат к 3-му склонению (таких 99 %), а на ударный – к 10-му (классификация по [10]). При этом слова 3-го склонения могут быть только 1 и 2-й АП, а слова 10-го – 3 или 4-й.

б) показатель род. п. мн. ч. – у существительных окончание безударно в 76 % случаев, у слов на *-us* возможны пары форм, различающиеся только ударением, ср. *sūnų* (вин. п.) – *sūnų̃* (род. п.). У неприсоединенных прилагательных окончание всегда ударно.

Перечень рассмотренных окончаний представлен в табл. 3. Потенциально омографичные окончания выделены подчеркиванием. Здесь не учитываются межчастеречные омографы: например, форма *māžai* считается не омографичной, поскольку формы прилагательного *mažaĩ* не существует (однако существует наречие *mažaĩ* ‘мало’ и глагольная форма *mažaĩ* от *mąžti* ‘убывать’). Процент ударных окончаний указан в рамках склонения (первая цифра – существительные, вторая – прилагательные).

Т а б л и ц а 3

Основные омонимичные и потенциально омографичные окончания

Окончание	Значение	Примеры	% ударных окончаний
<i>-as</i>	Им. п. ед. ч. м. р.	<i>aguĩ kas; māžas</i>	0
	Вин. п. мн. ч. ж. р.	<i>knygàs, lóvas; <u>mažàs</u>, báltas</i>	46/33
	Зват. п. ед. ч. м. р. прил.	<i><u>māžas</u></i>	0
<i>-a</i>	Им. п. ед. ч. ж. р.	<i>knygà, lóva; <u>mažà</u>, tìpiška</i>	60/64
	Зват. п. ед. ч. ж. р.	<i><u>māma</u>; <u>māža</u></i>	0
	Твор. п. ед. ч. ж. р.	<i>knygà, dóvana; <u>mažà</u>, <u>bálta</u></i>	46/33
<i>-ai</i>	Дат. п. ед. ч. ж. р.	<i>knỹgai; māžai</i>	0
	Им. п. мн. ч. м. р. сущ.	<i>vaikaĩ, aguĩ ka.</i>	17
<i>-us</i>	Им. п. ед. ч. м. р.	<i>sūnùs, tur̃ gũs; <u>gražùs</u>, áiškus</i>	80/96
	Вин. п. мн. ч. м. р.	<i>turgùs, sūnus; <u>mažùs</u>, báltus</i>	70/33
	Зват. п. ед. ч. м. р.	<i><u>gražus</u>, áiškus</i>	0
<i>-i</i>	Им. п. ед. ч. ж. р. прил.	<i><u>gražì</u>, áiški</i>	96
	Им. п. мн. ч. м. р. прил.	<i>mažì, tìpiški</i>	64
<i>-is</i>	Им. п. ед. ч. м. р. (3-е скл.)	<i>brólis</i>	0
	Им. п. ед. ч. м. р. (10-е скл.)	<i>žvèris</i>	100
	Им. п. ед. ч. м. р. прил.	<i>vidutinis</i>	0
	Зват. п. ед. ч. м. р. прил.	<i>vidutini, <u>grāži</u></i>	0
	Им. п. ед. ч. ж. р. сущ.	<i>širdis, <u>váltis</u></i>	87
	Вин. п. мн. ч. ж. р. сущ.	<i>širdis, <u>váltis</u></i>	43
<i>-ys</i>	Им. п. ед. ч. м. р. сущ.	<i>obuolỹs</i>	100
	Им. п. и Зват. п. мн. ч. ж. р. сущ.	<i>pĩlys</i>	0
<i>-os</i>	Род. п. ед. ч. ж. р.	<i>mamòs, knỹgos; <u>mažòs</u>, tìpiškos</i>	35/64
	Им. п. и Зват. п. мн. ч. ж. р.	<i>māmos, knỹgos; <u>māzos</u>, tìpiškos</i>	0
<i>-ės</i>	Род. п. ед. ч. ж. р.	<i>gėlės, bũlvės; vidutinės</i>	18/ 0
	Им. п. и Зват. п. мн. ч. ж. р.	<i>gėlės, bũlvės; vidutinės</i>	0
<i>-ų</i>	Вин. п. ед. ч. м. р.	<i>tur̃ gũ, sūnų; <u>gražų</u>, áiškų</i>	0
	Род. п. мн. ч.	<i>sūnų, tur̃ gũ; <u>mažų</u>, tìpiškų</i>	24/64

Таким образом, мы рассмотрели основные омонимичные и потенциально омографичные окончания литовского языка, указав их акцентные свойства. Можно видеть, что процент омонимичных и омографичных окончаний достаточно высок. Отсюда вытекают проблемы автоматической расстановки ударения морфологически не аннотированных текстов, машинного перевода, а также проблемы усвоения литовской акцентуации иностранцами. Подробное описание и учет акцентных свойств окончаний, как и других морфем, может содействовать решению этих проблем.

Представленная работа является шагом на пути к более полному описанию устройства литовского ударения. Помимо упомянутой практической пользы, оно было бы интересно исследователям, занимающимся реконструкцией праиндоевропейской и балтославянской просодики, в том числе и для изучения того, как развивались реконструируемые праиндоевропейские акцентные классы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Studžia, B.* Lietuvių bendrinės kalbos kirčiavimo sistema / B. Stundžia; VU Baltų filologijos katedra. – Vilnius: Petro ofsetas, 1995. – 214 p.
2. *Дини, П. У.* Балтийские языки / П. У. Дини. – М. : ОГИ, 2002. – 544 с.
3. *Красухин, К. Г.* Введение в индоевропейское языкознание / К. Г. Красухин. – М. : Издат. центр «Академия», 2004. – 320 с.
4. *Гард, П.* Ударение / П. Гард; отв. ред. Ю. А. Клейнер. – СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2015. – 200 с.
5. *Rimkutė, E.* Dažniniis lietuvių kalbos morfemikos žodynas : I dalis / E. Rimkutė, A. Kazlauskienė, G. Raškinis. – Kaunas: VDU, 2011. – 801 p.
6. *Rimkutė, E.* Dažniniis lietuvių kalbos morfemikos žodynas : II dalis / E. Rimkutė, A. Kazlauskienė, G. Raškinis. – Kaunas: VDU, 2011. – 357 p.
7. *Mikulėnienė, D.* Bendrinės lietuvių kalbos kirčiavimo žinynas / D. Mikulėnienė, A. Pakerys, B. Stundžia; ats. redaktorius A. Pakerys. – 2-asis pataisytas leidimas. – Vilnius: VPU, 2008. – 302 p. + CD.
8. Mokojoji tarties ir kirčiavimo programa [Elektroninis resursas] / VDU. – Prieigos režimas : tartis.vdu.lt. – Prieigos data : 25.11.2018.
9. Kirčiavimas internetu [Elektroninis resursas] / VDU. – Prieigos režimas : http://donelaitis.vdu.lt/main.php?id=4&nr=9_1. – Prieigos data : 25.11.2018.
10. Lithuanian Grammar / ed.: V. Ambrazas. – Vilnius : Baltos lankos, 2006. – 802 p.

The article describes the accentual classes of the Lithuanian noun and adjective on the material of the “Frequency morphemic dictionary of the Lithuanian language”: the basic properties of the Lithuanian stress, the patterns of stress shift and the properties of the classes. Homonymous and potentially homographic endings are considered in detail; their grammatical and accentual properties, as well as statistical data, are discussed.

Поступила в редакцию 14.12.2018

А. М. Дудина

О ШИРОКОЗНАЧНОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ
В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(на материале французского и белорусского языков)

В статье рассматриваются особенности семантики и функционирования эврисемичных глаголов французского языка *avoir* и *faire* и их белорусских аналогов *мець* и *рабіць*. Приводятся данные сопоставительного анализа словарных значений глаголов *avoir/мець* и *faire/рабіць* в разные периоды эволюции французского и белорусского языков. Исследование показывает, что значение каждого из указанных глаголов остается практически неизменным, растет только сфера их употребления. Подтверждается мысль о том, что глаголы широкой семантики актуализируются не в виде лексико-семантических вариантов. В речи реализуется их широкое значение, которое принадлежит уровню языка.

Явление широкозначности (эврисемии¹) неоднократно становилось объектом исследования лингвистов (Н. Н. Амосова, Л. В. Барсук, С. Н. Димова, В. К. Колобаев, Э. Я. Медникова, А. М. Плотникова, П. С. Федюк и др.). Под широкозначными принято понимать такие лексические единицы, значения которых характеризуются широкой денотативной отнесенностью и контекстуальной обусловленностью. Объектом внимания в данной статье является эволюция семантики слов широкого значения на материале неродственных языков – французского и белорусского. Данный аспект эврисемичных единиц представляется недостаточно изученным.

Практически все исследователи признают, что широкозначности присуще закрепление в сигнификате минимального количества признаков, которые оказываются далее неразложимыми. Это позволяет соотнести данный минимум признаков с практически неограниченным кругом денотатов при сохранении во всех разнообразных и многочисленных употреблениях единого очень обобщенного значения [1, с. 103].

Явление широкозначности зачастую рассматривается в тесной связи с многозначностью (или полисемией). В современной лингвистике отчетливо обозначились два направления в исследовании проблемы соотношения данных лексико-грамматических категорий. Представители первого направления признают сосуществование данных явлений в рамках одной языковой единицы (С. Н. Димова, А. А. Уфимцева и др.). Они трактуют широкозначность и многозначность как корреляцию широкозначных и узких лексико-семантических вариантов (ЛСВ) в семантической структуре многозначной языковой единицы. Представители второго направления (Н. Н. Амосова, В. К. Колобаев, Е. И. Малютина, А. М. Плотникова и др.) рассматривают широкозначность как особую лексико-семантическую категорию, объеди-

¹ Термин *широкозначность* был предложен Н. Н. Амосовой, понятие *эврисемия*, также используемое для обозначения данного явления, введено позднее Л. Я. Гросулом и В. Я. Плоткиным.

няющую специфическую группу слов¹. А. М. Плотникова подчеркивает, что понятия *широкозначность* и *широко развитая многозначность* не являются синонимами. Первый термин указывает на семантический аспект явления (обобщенный характер семантики, широкую референцию, зависимость значения от контекста, эксплицитно не выраженные связи между значениями), а второй – на количественный аспект (наличие у слова множества значений) [3].

Семантическая структура многозначного слова представляет собой совокупность определенного количества ЛСВ, соединенных деривационной связью с основным номинативным значением слова [4, с. 219]. Любой ЛСВ обладает как сигнификативным, так и денотативным значением. Семантика каждого из них конкретна, в отличие от «размытого» значения вариантов широкозначного слова, конкретизация которых происходит лишь в речевом употреблении. Поэтому неправомерно представлять структуру эврисемичного слова в виде совокупности ЛСВ.

Таким образом, широкозначность и многозначность следует рассматривать как две различные лексико-семантические категории, каждой из которых присущ ряд специфичных признаков. Многозначность развивается за счет метафорической и метонимической деривации от исходного значения и может быть разложена на отдельные семантические сегменты, не сводимые к единому значению. Широкозначность сохраняет семантический инвариант в различных употреблениях; вариативность широкого значения может выходить за рамки лексической однозначности, когда в широкозначных словах на первый план выступают не их лексические, а грамматические свойства, и они начинают выполнять служебную функцию; важнейшим условием «декодирования» значения и функции широкозначного слова является контекст, ограниченный одним предложением, фрагментом текста или ситуацией общения [5, с. 11].

К основным признакам широкозначных слов относятся: *полиденотативность* – способность обозначать большое количество неоднородных предметов и явлений; *синкретизм значения* – неразложимость значения эврисемичного слова на составляющие, недифференцированность значения; *синсемантия* – способность выразить свое значение лишь в контексте с другими языковыми единицами; *десемантизация* – явление, при котором эврисемичное слово может частично или полностью утрачивать свое лексическое значение и представлять собой служебный элемент; *полифункциональность* – способность выступать как в лексической, так и грамматической функции; *высокая частотность употребления*; *способность часто использоваться в устойчивых словосочетаниях*. Все эти признаки находятся в отношении взаимосвязи и взаимообусловленности [5; 6].

¹ Интересна в этой связи точка зрения В. Г. Шабаева, который отмечает: «Недостаток всех существующих теорий заключается в следующем: несмотря на твердое убеждение, что в основе каждого широкозначного слова лежит инвариантное значение, никто не формулирует это значение. Причина всегда одна – чрезвычайная абстрактность и обобщенность инварианта, не позволяющая четко выразить его словами. Видимо, это убеждение идет еще от Н. Н. Амосовой» [2, с. 200].

Интерес представляет диахронический аспект семантики и функционирования лексических единиц широкого значения на материале неродственных языков, в частности, французского и белорусского. Анализу были подвергнуты глаголы *avoir* и *faire* и их белорусские аналоги – *мець* и *рабіць*, которые входят в число ядерных эврисемичных слов и определяются многими исследователями как основные, фундаментальные, полифункциональные. И это неслучайно, поскольку, указывая в самом обобщенном виде на существование, местонахождение и отношение к признаку, названные глаголы занимают важное место в словаре многих языков (в том числе французского и белорусского) и активно используются для выражения целого ряда грамматических значений (временных, аспектуальных, залоговых, модальных), а также играют важную роль в создании языковой картины мира.

В словаре «Le Robert historique» отмечается, что глагол *avoir* является одним из «наиболее рано зафиксированных слов французского языка», впервые появившимся на страницах «Кантилены о святой Евлалии» в 880 г. Это глагол, образованный от латинского *habere* со значениями ‘иметь/обладать’, ‘иметь/испытывать в сознании’ и ‘иметь в своем распоряжении’. Он восходит к индоевропейской основе на *gh-*, которая имеет множество производных в романских и германских языках, таких как верхненемецкий *haben* и производные от него или английский *to have* [7, т. 1, р. 276].

Словари современного французского языка [8; 9] фиксируют для глагола *avoir* в его употреблении в качестве самостоятельного 7 основных смысловых вариантов: 1) иметь; обладать, владеть (*elle a deux fils* ‘у нее два сына’); 2) получить; купить (*j’ai eu ce livre pour presque rien* ‘я купил эту книгу по дешевке’); 3) одержать верх над... (*on les a eus!* ‘они попались!’); 4) (*qn*) обмануть (*se laisser avoir* ‘быть обманутым’); 5) попасть (*je l’ai eu!* ‘попал (в цель)’); 6) быть не в порядке (*il a sûrement qch* ‘с ним что-то неладное’); 7) *avoir* входит в ряд устойчивых выражений (*avoir bon* ‘получать удовольствие’; *j’en ai pour cinq minutes* ‘мне нужно еще пять минут’). В словарях также указывается, что на основе конструкции «*avoir* + существительное» образовано большое количество глагольных словосочетаний, выражающих какое-либо свойство, действие или состояние (*avoir qn en grande faveur* ‘любить кого-либо’, *avoir du courage* ‘быть храбрым’ и др.). Конструкция «*avoir à* + инфинитив другого глагола» выражает долженствование (*j’ai à vous remercier* ‘я должен вас поблагодарить’). Отмечается использование *avoir* в очень употребительном во французском языке безличном обороте *il y a* ‘есть, имеется’. Он может выступать в качестве переходного (*il a une villa* ‘у него есть/он имеет загородный дом’), непереходного (*il a à peser les pour et les contre* букв. ‘он имеет (необходимость) взвесить все «за» и «против’), вспомогательного (*elle a tenu sa promesse* ‘она сдержала свое обещание’), сохраняя во всех своих многочисленных употреблениях идею соотнесенности с денотатом – идею обладания.

В «Этымалагічным слоўніку беларускай мовы» отмечено, что глагол *мець* заимствован из польского языка (ср. с польским глаголом *robić* ‘рабіць, працаваць’, что соотносится с литовским *dirbti*, немецким *arbeiten*) и восхо-

дит к праславянскому корню *orb-* [10, с. 26]. Словари современного белорусского языка [11; 12] фиксируют для данного глагола 5 основных значений: 1) валодаць як уласнасцю (*мець грошы*); 2) валодаць чым-н. (*мець прафесію*); 3) лічыць каго-н. кім-н. (*мець за гаспадыню*); 4) (у спалучэнні з *В.* и *Р.* скл. назоўнікаў, якія абазначаюць уласцівасць або стан): а) дзеянне па значэнню гэтага назоўніка (*мець клопат – клапаціцца*); б) быць, знаходзіцца ў якім-н. стане (*мець непрыемнасці*); 5) у спалучэнні асабовых форм з інф. набывае значэнне ‘павінен або намерваецца што-н. зрабіць’ (*мець вушы ‘прыслухоўвацца’*). В этом последнем значении он созвучен глаголу *avoir* в конструкции «*avoir à* + инфинитив».

Как показывает анализ, в процессе эволюции исследуемых глаголов происходит расширение их дистрибутивного диапазона. Так, они могут сочетаться со словами конкретной и абстрактной семантики, одушевленными и неодушевленными, собственными и нарицательными. Семантический анализ примеров позволяет убедиться в том, что во всех случаях, так или иначе, глаголы *avoir/мець* выражают обобщенную идею обладания.

Другой интересующий нас глагол *faire* по свидетельству данных словаря «Le Robert historique» образован от латинского глагола *facere* ‘делать’ и впервые зафиксирован в 3-м лице ед. ч. субжонктива *fazet* (842 г.). *Facere* восходит к индоевропейской основе на *dhé-* со значением ‘размещать’. С общим значением ‘делать/создавать’ глагол *faire* употребляется на страницах величайшего произведения Средневековья «Песни о Роланде» (1080 г.), в частности, в значении ‘constituer’ (‘основывать; создавать’), а в 1190 г. впервые зафиксировано его употребление в безличных оборотах, например: *il fait soleil* ‘солнечно’, *il fait beau/mauvais* ‘хорошая/плохая (погода)’. В словаре отмечается, что в первых своих употреблениях глагол *faire* часто выступает как заместитель другого глагола действия, а на основе значения ‘accomplir’ (‘совершать’) (*faire une bonne action* ‘делать благое дело’) образовано множество устойчивых выражений, сохранившихся во французском языке вплоть до наших дней (*faire tant, si bien que* ‘так хорошо все сделать’, *n’en faire qu’à sa tête* ‘делать/поступать как вздумается’ и т.д.) [7, т. 2, р. 1390].

Словари современного французского языка фиксируют уже 32 значения глагола *faire*, в числе основных смысловых вариантов выделяются: 1) делать/действовать (*vous devriez faire cela* ‘вы должны были бы сделать это’); 2) делать, создавать (*faire des jouets* ‘делать игрушки’); 3) делать, исполнять (*faire la commission* ‘выполнить поручение’); 4) совершать (к.-л. действие) (*faire une promenade* ‘совершить прогулку’); 5) заниматься чем-либо (*faire sa médecine* ‘изучать медицину’); 6) приводить в порядок (*faire la vaisselle* ‘мыть посуду’) и др. Отметим, что, как и глагол *avoir*, лексическая единица *faire* характеризуются необычайной широтой дистрибутивного диапазона, используясь в сочетании с существительными как конкретной, так и абстрактной семантики, одушевленными и неодушевленными, и многообразием синтаксических моделей, в которых она встречается. Так, *faire* может выступать в качестве переходного глагола (*il fait cet exercice* ‘он делает это упражнение’), непереходного (*il fait comme tous* ‘он делает/поступает как все’),

связочного (*elle fait jolie* ‘она красавица’), сохраняя во всех своих многочисленных употреблениях идею соотнесенности с денотатом – активность субъекта действия.

В отношении происхождения и первичного значения глагола *рабіць* в «Этымалагічным слоўніку беларускай мовы» отмечается, что он заимствован из польского языка (ср. с польским глаголом *robić* ‘рабіць, працаваць’, что соотносится с литовским *dirbti*, немецким *arbeiten*) и восходит к праславянскому корню **orb-*. [13, с. 11]. Данные современных лексикографических источников [11; 12] фиксируют 9 основных значений глагола *рабіць*: 1) займацца чым-н. (*рабіць доследы*); з аддзеяслоўнымі назоўнікамі і з назоўнікамі са значэннем дзеяння (*рабіць выбар; рабіць вымову*); 2) вырабляць, майстраваць (*рабіць абутак*); 3) працаваць дзе-н., кім-н. (*рабіць на заводзе*); на кагошто, працаваць, забяспечваючы або абслугоўваючы каго-н. (*рабіць на сям’ю*); 4) заказваючы, даручаць вырабляць што-н. для сябе (*рабіць абноўку*); 5) у спалучэнні з назоўнікам выражае дзеянне паводле значэння гэтага назоўніка (*рабіць памылкі (памыляцца)*); 6) аказваць, прычыняць што-н. каму-н. (*рабіць дабро людзям*) и др., что также свидетельствует о значительном расширении диапазона его сочетаемости при сохранении значения активности субъекта действия.

Даже беглый анализ представленных смысловых вариантов широкого значения изучаемых глаголов позволяет констатировать, что каждое актуальное значение является видовым речевым репрезентантом широкого значения. Семантика глаголов *avoir/мець* означает, что «субъект имеет предмет(ы) в сфере своего обладания». Глаголы *faire/рабіць* дают возможность представить действие в самом широком смысле (как процесс, событие, состояние, отношение). Всякий раз семантика данных глаголов получает конкретизацию, своеобразное «сужение» в зависимости от значения сочетающихся с ними единиц. Например: *avoir la chance* ‘иметь успех, удачу (в делах и т.п.)’, *avoir la décision* ‘обладать правом выносить решения’, *avoir la frousse* ‘дрейфить, трусить’; *faire affiche* ‘делать рекламу’, *faire déborder qn* ‘вывести кого-либо из себя’; *мець права, мець талент, мець слых; рабіць урокі, рабіць акцэнт на чым-н., рабіць вымову* и т.д. Семантический анализ глаголов *avoir/мець* в диахроническом аспекте позволяет установить значительное расширение их сочетаемости и сохранение во всех многочисленных употреблениях идеи соотнесенности с денотатом – идеи обладания. У глаголов *faire/рабіць* также наблюдается расширение их сочетаемости и сохранение значения активности субъекта действия. Таким образом, в диахроническом аспекте значение каждого из рассматриваемых глаголов остается неизменным, растет только сфера их употребления.

Как уже было отмечено выше, во всех служебных функциях (в качестве связки, в аналитических формах, в модальных конструкциях) глаголы широкой семантики сохраняют свои лексические значения, т.е. их десемантизации не происходит. «При частичной десемантизации значение слова широкой семантики сводится к простой указательности... При полной десемантизации

такое слово переходит в разряд грамматических средств языка, приближаясь к формальным грамматическим и морфологическим показателям, становится полифункциональным» [5, с. 4].

Таким образом, и во французском, и в белорусском языках исследуемые слова ведут себя как единицы широкой семантики. Важно отметить, что в лексикографических источниках обоих языков в качестве первого, основного значения представлено одно и то же значение: для глаголов *avoir/мець* – ‘иметь; обладать, владеть’, для *faire/рабіць* – ‘делать, изготавливать, создавать’. Семантика данных единиц закодирована в языке предельно экономным способом. Каждое актуальное значение является видовым речевым репрезентантом широкого значения. Семантика глаголов *avoir/мець* покрывает все возможные пространственные отношения между субъектами или предметами: выявленные значения дают возможность обозначить, что предмет связан с каким-то другим предметом/предметами, то есть «имеет его/их в своей сфере», «при себе». Глаголы *faire/рабіць* дают возможность представить все действия, а также процессы, события, состояния и отношения в виде «делания».

Свободные от референтной соотнесенности исследуемые слова с широким объемом значения аккумулируют в себе содержание, уже заложенное в какой-либо сочетающейся с ними лексической единице, сохраняя семантический инвариант во всех своих употреблениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова, Н. Н. К вопросу о лексическом значении слова / Н. Н. Амосова // Вестн. ЛГУ. – М., 1957. – Вып. 1. – № 2. – С. 103–104.
2. Шабаев, В. Г. Лексические и грамматические проблемы широкозначности / В. Г. Шабаев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 4 (34). – С. 192–201.
3. Плотникова, А. М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. М. Плотникова. – Екатеринбург, 2009. – 21 с.
4. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева; под ред. Ю. С. Степанова. – 2-е изд. – М. : Едиториал УССР, 2002 – 239 с.
5. Колобаев, В. К. Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе (на материале медицинских публикаций): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. К. Колобаев. – Л. : ЛГУ им. А. А. Жданова, 1983. – 34 с.
6. Барсук, Л. В. Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значений широкозначных слов (на материале существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. В. Барсук. – Саратов : СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 1991. – 16 с.
7. Le Robert. Dictionnaire historique de la langue française : en 3 vol. / sous la direction de A. Ray. – Paris : Robert, 2000.

8. *Robert, P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / P. Robert. – Paris : Robert, 2000. – 2841 p.*
9. *Le grand Larousse illustré. – Paris : Larousse, 2017. – 2106 p.*
10. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / уклад. В. У. Мартынаў [і інш.]; рэд. В. У. Мартынаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – Т.7: М–Н. – 320 с.*
11. *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭН, 1996. – 784 с.*
12. [Электронны ресурс]. – Режим доступа : www.skarnik.by/tsbm/38478. – Дата доступа : 19.10.2018.
13. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / уклад. Р. М. Ралько, М. П. Антропаў, Г. А. Цыхун; рэд. Г. А. Цыхун. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – Т.11. – 220 с.*

The article characterizes some specific aspects of meaning and the functions of French verbs of wide semantics – *avoir, faire* – and their Belarusian analogues – *мець, рабіць* – in a diachronic aspect. The author stresses that the meaning of each of these verbs remains practically unchanged, while the sphere of their usage expands.

Поступила в редакцию 17.12.2018

Е. В. Зуевская

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются способы перевода разноуровневых средств выражения отрицания с белорусского языка на немецкий на основании изучения переводов белорусскоязычной художественной литературы. Поскольку белорусский является полинегативным языком, допускающим использование более одного отрицания в предложении, а немецкий – мононегативным, допускающим использование только одного отрицания, особую сложность при переводе составляет определение того элемента, который сохраняет отрицательность. На основании изучения отобранного корпуса материала выделены закономерности, согласно которым происходит выбор элемента, несущего отрицание в предложении.

Категория отрицания присутствует во всех языках мира. Оно плотно интегрировано в систему грамматических категорий и в лексическую структуру языка, взаимодействуя с грамматическими и лексическими значениями – модальными, оценочными, аспектуальными и другими. Поскольку как немецкий [1], так и белорусский язык [2] располагают большим количеством средств выражения отрицания на всех языковых уровнях, задачей настоящего исследования стало выявление специфики их перевода на немецкий язык. Анализу были подвергнуты художественные произведения В. Быкова «Адна ноч», «Сваякі» и повесть «Альпійская балада» и их переводы на немецкий язык. В общей сложности было отобрано около 1 000 белорусскоязычных микроконтекстов, содержащих отрицание.

С учетом того, что средства выражения отрицания в белорусском языке представлены различными языковыми уровнями, образуя функционально-семантическое поле отрицания, представляется целесообразным отразить результаты исследования, принимая во внимание эту разноуровневость языковых средств.

Так, при переводе на немецкий язык белорусскоязычные средства выражения отрицания морфологического уровня передаются, как правило, средствами того же уровня, например:

*Не, ужо таму **не** быць! – Nein, das durfte **nicht** sein!;*

*Але **не** было наветра ... – Er bekam jedoch **keine** Luft... ;*

***Без** абману ... – **Ohne** Betrug... .*

При употреблении отрицательной частицы *nicht* существенное значение имеет ее место в предложении, так как в белорусском языке частица *не, ні* стоит непосредственно перед отрицаемым членом предложения. В немецком же языке положение частицы зависит от того, является ли отрицание частичным или полным [3, с.16; 4, с.12]. В качестве полного отрицания *nicht* стремится к концу предложения и образует вместе с личной формой глагола рамку:

***Не** знаў ад каго. – Er wusste **nicht**, wer ihn getroffen hat.*

В качестве частичного отрицания *nicht* стоит непосредственно перед отрицаемым словом (членом предложения, а иногда и частью слова), например:

*Іван за год палону збольшага навучыўся разумець па-нямецку, зразумеў, пра што сказала яна, але адказаў **не** адразу. – Aber er antwortete **nicht** sofort.*

Для перевода же частицы *не*, выполняющей функцию слова-предложения и употребляемой для ответа на вопрос, используется отрицание *nein*:

*– **Не!** – сказала яна, стукнуўшы аб падлогу вілачнікам. – I не думайце! – «**Nein**», sagte sie und schlug mit der Ofengabel auf den Fußboden. «Wagt es euch ja nicht!».*

В белорусском языке отрицательная частица *не* часто употребляется в составе деепричастных оборотов, которые переводятся на немецкий язык, как правило, при помощи инфинитивных конструкций *ohne ... zu* или *(an)statt ... zu*, если подлежащие в главном и придаточном предложениях одинаковы. При разных подлежащих употребляются отрицательные предложения образа действия с союзами *ohne dass* и *(an)statt dass*:

*Сёмка толькі ўзняў руку, яна выцяла яго некалькі разоў, **не глядзячы куды**, потым адзін раз – Алеся. – Siomka hob nur den Arm, sie drosch einige Male auf ihn ein, **ohne darauf zu achten**, wohin sie traf, und dann versetzte sie Ales einen Schlag.*

Наряду с таким способом перевода в корпусе фактического материала встречается перевод отрицательных деепричастных оборотов при помощи отдельных лексем, где отрицание выражается на деривационном уровне:

*Абапіраючыся рукамі на загруваішчаны дол, немец нейкі час сядзеў, **не могучы**, відаць, саўладаць са слабасцю і болем. – Mit den Händen auf den schuttbedeckten Boden gestützt, saß der Deutsche eine ganze Weile da, offensichtlich **außerstande**, seine Schwäche und die Schmerzen zu überwinden;*

Валока ўсё глядзеў на ворага, **не ведаючы**, што рабіць далей ... – *Waloka beobachtete den Feind aufmerksam, **unschlüssig**, wie er sich weiter verhalten sollte...*

На перевод белорусских частиц *не, ні* существенное влияние оказывает лексическое окружение и синтаксическая структура предложения. Так, при наличии в ближайшем лексическом окружении наречия *ледзьве*, для перевода которого используются *beinahe* и *fast* в сочетании с плюсквамперфектом конъюнктива, происходит элиминация отрицательного элемента, не допускаемого структурой немецкого предложения:

*Але ў віхурыстым пыле, які накрыў цэх, амаль нічога не было відаць, і ён ледзьве не сунуўся ў чорную прорву варонкі, дзе была бомба. – **Beinahe wäre er in den schwarzen Abgrund des Kraters gestürzt, den die explodierende Bombe aufgerissen hatte.***

Также исключение отрицательных частиц при переводе на немецкий язык регулярно встречается в придаточных предложениях времени с *bis*, в нереальных предложениях уступки, в условных предложениях с *ausser, es sei denn*:

*Толькі той, аднак, не сняхавуўся, трымаў выстаўлены бот да таго часу, пакуль ён не заблішчаў увесь ад наска да калена ... – **Aber der hatte es gar nicht eilig und hielt ihm den Stiefel so langte hin, bis er von oben bis unten blitzblank war...***

Наряду с типичными случаями опущения отрицательных элементов при переводе с белорусского языка на немецкий регулярно также встречаются и иные переводческие трансформации. Так, в произведении «Альпійская балада» переводчик употребил придаточные предложения с союзом *solange*, в которых отсутствовал отрицательный элемент *nicht*:

*Пакуль не спаханіліся, трэба недзе зашыцца, схавацца, а можа, і прапвацца з завода. – **Er begriff, dass er losrennen und aus dem Werk ausbrechen musste, solange ringsum noch alles drunter und drüber ging.***

А в рассказе «Адна ноч» эксплицитно выраженное белорусское отрицание было переведено с использованием трансформации синтаксической структуры предложения и вызванной этим заменой белорусского глагола с отрицанием на синоним:

*Невядома, ці гэта быў сон, ці трызненне хворага, толькі пакутныя здані і прывіды доўгі час **не пакідалі** яго. – **Die Schmerzen ließen allmählich nach, doch die inneren Qualen dauerten fort.***

Такого рода трансформация наблюдается и с следующим примером, где переводчик не использовал средства передачи отрицания, заменив их на синоним, акцентировав при этом причинно-следственную связь и изменив соответствующим образом синтаксическую структуру предложения:

*І тады Іван, **не справіўшыся з напямі нервамі** і ўзарваны спазнелаю злосцю, лягнуў яе па шчацэ. – **Da verlor Iwan die Selbstbeherrschung und schlug sie wütend ins Gesicht, so dass ihre Wange rot anlief.***

Наряду с частицами *не, ні* для выражения отрицания на морфологическом уровне в белорусском языке часто используются предложные конструкции с предлогом *без*. Для их перевода на немецкий язык регулярно употребляется его немецкий аналог *ohne* либо синонимичные средства деривационного уровня (наиболее часто полусуффикс *-los*): *без абману – ohne Betrug, без рэшты – restlos, без жаднай карысці – nutzlos, без слоў – wortlos*.

Также и часто употребляемая белорусская приставка *без-* соответствует в немецком языке полусуффиксам *-los* (эксплицитное средство выражения отрицания), *-leer, -frei, -fern, -arm* (имплицитные средства выражения отрицания [5, с. 12]), аналоги которым на данном уровне в белорусском языке отсутствуют: *ірад бялімасны – ein erbarmungsloser Unmensch, бялюдная цішыня – menschenleere Stille*.

Отрицание на деривационном уровне, аналогично морфологическому, передается в большинстве случаев средствами этого же уровня. К примеру, приставке *не-* соответствует приставка *in-* либо *miss-*, приставке *абяз-* (*абез-*) – *ent-*: *непаразумење – das Missverständnis, з недаверам – mit vollem Misstrauen, няпэўна – misstrauisch, абязброіць – entwaffnen*.

Наряду с этой закономерностью иногда перевод деривационных средств может осуществляться с использованием средств морфологического уровня. Такой способ применяется наиболее часто в случаях, когда речь идет о прилагательных, имеющих прямые антонимы: *нялёгка – nicht leicht, нямала часу – nicht wenig Zeit*.

Регулярно также перевод осуществляется с использованием синонимичных конструкций и исключением отрицания из структуры предложения: *непадалёк – ganz in der Nähe, невялічкі домік – ein kleines Haus; невядома, што немец зразумеў з гэтай фразы – es bleibt offen, wieviel der Deutsche von diesen Worten verstanden hatte*.

Отрицание на синтаксическом уровне в белорусском языке выражается через такие специфические конструкции, как

- отрицательные неделимые предложения: *Ні за што! Не будзе гэтага;*
- предложения с *Ці не ... ?*: *Ці не пайсці да іх?*;
- риторические вопросы с имплицитным отрицанием: *Чаму я доўжан ісці? Дзе ён яе найдзе?*

Отрицательное значение в таких случаях актуализируется лишь в контексте. Перевод такого отрицания осуществляется, как правило, аналогичными синтаксическими конструкциями немецкого языка, хотя в ряде случаев переводчик прибегает и к замене конструкции, ср.:

Дык ці не лепш забіць яго тут? – War es da nicht besser, ihn noch hier zu erschießen?;

Хіба цяперака дзеці пытаюцца ў бацькоў... – Heute fragen doch die Kinder ihre Eltern nicht mehr.

В последнем предложении в оригинале нет эксплицитно выраженного отрицания, переводчик же использует частицу *nicht*, усиливая при этом ее значение наречием в сравнительной степени *mehr*.

Собственно лексическим способом является передача отрицания при помощи глаголов, существительных, наречий, местоимений с отрицательным значением. Лексические средства, по сравнению с грамматическими, предоставляют говорящему более богатый выбор оттенков отрицания, позволяя максимально точно выразить желаемое. Наиболее часто встречающимся лексическим средством выражения отрицания в белорусском языке является слово *няма*, выступающее как предикат в отрицательных предложениях. При этом дополнение стоит всегда в родительном падеже: *толькі слоў няма, дабравольцаў няма*. Поскольку данное слово, как правило, относится к существительному, то для его перевода наиболее часто используется отрицательное местоимение *kein*, в ряде случаев дополняясь безличной конструкцией *es gibt* для обеспечения двусоставности немецкого предложения:

Тады немец павярнуўся; на яго збянтэжэным твары было пытанне, але безудзельна спакойны выгляд Валокі, мусіць, даў яму зразумець, што выйсця адсюль няма. – *Da wandte er sich um und blickte erstaunt, fragend, doch aus Walokas teilnahmslos-ruhiger Miene mochte er ersehen, daß es keinen Ausgang gab.*

Некоторые лексемы, выражающие отрицание в белорусском варианте произведения имплицитно, при переводе передают отрицание уже на деривационном уровне при помощи аффиксации: *галаногі хлопец – barfüßiger Junge, загадкавы чалавек – undurchsichtiger Mann*.

Особенностью лексических средств выражения отрицания в белорусском языке является их частое использование в сочетании с другими отрицательными элементами:

Нідзе ніякае дзіркі, ніякай адтуліны, здатна для таго, каб можна было пралезці;

Немец, здаецца, нічога не зразумеў і казаў сваё.

Такого рода случаи представляют особый интерес при переводе, поскольку белорусский язык является полинегативным и допускает употребление более чем одного отрицательного элемента в предложении, а немецкий – мононегативным, не предполагающим использования нескольких средств параллельно с целью выражения отрицания. Именно выявление закономерностей передачи способов выражения отрицания отдельных уровней на немецком языке и способов выбора того отрицательного элемента из нескольких, который переводится с использованием отрицания, и составило одну из задач настоящего исследования.

Наиболее часто встречающейся комбинацией средств выражения отрицания в рамках одного предложения является сочетание способов лексического и морфологического уровней (частица *не, ні*). Так, в белорусском языке в сочетании с *нельга* регулярно используется отрицательная частица *ні* для усиления отрицания, но при переводе на немецкий отрицание передается средствами морфологического уровня, а именно при помощи частицы *nicht* в сочетании с модальным глаголом *können* либо с *dürfen*:

Нельга было ні выдыхнуць, ні варухнуцца ... – ... so dass er sich nicht rühren konnte... .

Анализ корпуса материала показал, что существенную роль при выборе отрицания для перевода играет синтаксическая функция отрицательного элемента. В случае если в белорусскоязычном предложении одно из нескольких средств выражения отрицания является либо подлежащим, либо прямым дополнением, при переводе на немецкий остается это средство отрицания, выраженное отрицательным местоимением, а отрицательная частица отсутствует. Видится, что данный выбор обусловлен наиболее тесной связью подлежащего и прямого дополнения с предикатом по сравнению с другими членами предложения. Благодаря этому в немецкоязычном варианте сохраняется двусоставность, которая является одной из главных характеристик немецкого предложения, и обеспечивается полное отрицание, присутствовавшее в оригинале:

Іван насцярожанымі вачыма агледзеўся на баках, аббег позіркам каменне пад елкамі ўнізе – быццам нідзе нікога. – Iwans Blick gitt spähend über die Felsen unterhalb des Waldes. Dort schien niemand zu sein;

Валока зазірнуў у шчыліну, але там, апроч добра асветленых на злеме тоўстых яе краёў, нічога не было відаць. – Waloka blickte durch den Spalt; außer den hellbeleuchteten breiten Bruchrändern war jedoch nichts zu sehen.

Аналогичную тесную связь с предикатом демонстрируют обстоятельства места и времени:

Сёмкі нідзе не было. – Siomka war nirgends zu sehen.

Именно эти обстоятельства переводятся с использованием отрицания, а остальные элементы теряют показатели отрицания.

Однако при наличии в белорусском языке предложений, где одним из отрицательных средств является отрицательное местоимение *ніякі* или отрицательные наречия *ніяк*, *нікуды*, а второе средство отрицания частица *не*, при переводе на немецкий отрицание выражается частицами морфологического уровня *nicht* и *kein*:

Валока не бачыў у яго ніякае зброі, ведаў, нікуды яму не вырвацца адсюль ... – Waloka, der keine Waffe bei dem ändern sah und wußte, daß jener ihm nicht entfliehen konnte... ;

... на самым наску ніяк не адціралася свежая драпіна ... – ... an der äußersten Spitze ließ sich eine frische Schramme beim besten Willen nicht wegpolieren... .

Предпочитаемые в данных случаях морфологические средства могут выражать общее отрицание, относясь к личной форме глагола, в отличие от вышеупомянутых местоимений, которые чаще всего выполняют функцию определения, а следовательно, служат для образования лишь частного отрицания.

Соответственно, при наличии двух показателей отрицания их иерархия выстраивается в зависимости от связи с предикатом: чем теснее связь, тем чаще элемент сохраняет отрицательность, тем самым обеспечивая отрицательный смысл всего предложения.

Наряду с этой выявленной нами в текстовом материале закономерностью можно отметить также ряд примеров, в которых в оригинале одновременно употребляются три и более отрицательных элементов. В таких случаях переводчик прибегает, как правило, к трансформации высказывания:

Што б там ні было, а ўсё ж чалавек, жанчына, зараз ёй мо як ніколі ў жыцці блага і без нечае дапамогі ніяк не абыдзеца. – Immerhin war es ein lebender Mensch, eine Frau, vielleicht war ihr im Moment so schlecht wie noch nie im Leben, sie brauchte Hilfe;

Але каб службу чалавека назваць паганай, сабачай – ніколі неяк не мог я даць веры. – Dass der Dienst am Menschen ekelhaft und ein Hundedienst sein soll, das wollte mir ganz und gar nicht in den Kopf.

В переводе произведений встречались также примеры, где в одном предложении сохранялось несколько отрицательных средств. В первую очередь, такое происходило при переводе отрицания однородных членов предложения:

Паліцаі яе не спынялі і не крычалі, ды яна і не прыслухоўвалася ўжо ні да чаго ў гэтым свеце, страх яе сканаў увесь без рэшты. – Die Polihzisgten hielten sie nicht zurück, schrien nicht;

Ва ўсёй яго цяперашняй паставе і абліччы баец не бачыў нічога варожага, нічога недаверліва хітраватага ... – In seiner Haltung fand Waloka nichts Feindseliges, keine Hinterhältigkeit mehr

Также в ряде немецкоязычных предложений были сохранены несколько средств отрицания, поскольку они выполняют разные функции: одно из них выражает общее отрицание, а другое – частное:

І яму дужа захацелася быць не горшым, чым гэты немец, – не ўступіў жа ён яму ў нядаўняе бойцы ... – Er wollte auch jetzt nicht vor dem Deutschen kapitulieren, ebenso wie er unlängst im Kampf nicht kapituliert hatte... ;

Бачачы, што немцу не выбрацца без дапамогі ... – Als er sah, daß sich der Deutsche nicht ohne fremde Hilfe befreien konnte... .

В последнем случае мы наблюдаем два средства отрицания, которые употребляются совместно скорее из стилистических соображений, и вместе взятые они выражают осторожное утверждение, поскольку подразумевается, что освобождение было возможно лишь с посторонней помощью.

Таким образом, в результате проведенного анализа были выявлены следующие закономерности перевода отрицательных элементов белорусского языка на немецкий:

- преимущественное использование средств того же уровня при передаче единичного отрицания;
- выбор средства, более тесно связанного с глаголом, при необходимости сохранения только одного отрицательного элемента из двух для передачи общего отрицания в связи с монологичностью немецкого языка;
- трансформация структуры предложения при наличии в оригинале трех и более отрицательных элементов в одном предложении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Helbig, G.* Die Negation. Zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer / G. Helbig. – Leipzig: Probleme der Sprachwissenschaft, 1975. – 72 S.
2. Гаворым па-беларуску: вучэб. дап. па беларус. мове для замежных навучэнцаў / Л. І. Сямешка [і інш.]; пад рэд. Л. І. Сямешкі. – Мінск : БДУ, 1999. – 277 с.
3. *Гастилене, Н. А.* Экспрессивные средства выражения утверждения и отрицания в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. А. Гастилене; МГПИИЯ им. М. Тареза. – М., 1972. – 20 с.
4. *Пономарева, Х.* Отрицание в немецком языке / Х. Пономарева. – М.: Москва, 1983. – 500 с.
5. *Паславская, А. И.* Эксплицитное и имплицитное отрицание в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. И. Паславская; Львов. гос. ун-т им. Ивана Франко. – Львов, 1990. – 16 с.

The article is devoted to the consideration of possible ways of translating negation from Belarusian into German. Since the Belarusian language is a polynegative language and German is mononegative, the choice of the element that retains negativity presents special difficulties in translation. Based on the study of the selected material, the author has identified a number of regularities according to which the element bearing negation in the sentence is picked out.

Поступила в редакцию 18.12.2018

К. І. Субота

СТРУКТУРНАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ СКЛАДАНЫХ ПАРЦЭЛЯТАЎ У БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ МОВАХ

Артыкул прысвечаны аналізу семантыка-сінтаксічных асаблівасцей парцэляваных канструкцый у рамках складаных сказаў з паратаксічнай і гіпатаксічнай сувяззю ў беларускіх і англійскіх мастацкіх творах. Аўтарам выдзяляюцца ўніверсальныя ўласцівасці і спецыфічныя асаблівасці функцыянавання дадзеных канструкцый у супастаўляльных мовах.

У сучасных лінгвістычных даследаваннях склалася прадстаўленне аб парцэляваных канструкцыях як аб расчлянёным сказе з базавай часткай (БЧ) і сінсемантычным парцэлятам. Аднак парцэляцыя – гэта не лінгвістычная памылка, а пэўны камунікатыўна-стылістычны прыём, які выкарыстоўваецца для эмацыянальнага і інтэлектуальнага ўздзеяння.

Сінтаксічны прыём парцэляцыі, што прадстаўляе сабой сродак актуалізацыі мовы, знайшоў развіццё ў працах лінгвістаў, якія разглядаюць дадзеную канструкцыю ў структурна-граматычным, кагнітыўна-псіхалагічным і стылістычным аспектах. Аднак усе лінгвісты згаджаюцца з тым фактам, што парцэляцыя пранікае ў літаратурную мову пад уздзеяннем гутарковай мовы і яе механізмаў успрымання. Так, Ю. В. Ваннікаў разглядае гэты фено-

мен праз прызму камунікатыўнай арганізацыі выказвання і адзначае, што парцэляцыя з'яўляецца сродкам актуалізацыі частак сказа [1, с. 141]. Я. А. Иванчыкава лічыць яе з'явай экспрэсіўнага сінтаксісу, сутнасць якой выяўляецца ў расчлянэнні сказа на інтанацыйна адасобленыя адрэзкі [2, с. 282]. Новы этап у даследаванні парцэляцыі звязаны з ростам цікавасці ў мовазнаўстве да антрапацэнтрычнасці дыскурсіўнага аспекта арганізацыі тэксту. Р. А. Зеляпукін аналізуе парцэляваныя канструкцыі з улікам сінтагматычных і парадыгматычных сувязей у структуры тэксту [3, с. 7]. А. П. Каркошка звяртае ўвагу на экстралінгвістычныя фактары (прагматычныя, сацыякультурныя, псіхалагічныя) структурнай і камунікатыўнай арганізацыі выказвання [4, л. 58].

Такім чынам, неадназначнасць, поліфункцыянальнасць, магчымасць ужывання дадзенай з'явы ў многіх стылях і жанрах мовы адкрываюць шырокія перспектывы вывучэння парцэляцыі. Недастатковая даследаванасць яе сутнасці, яе структурна-семантычных і функцыянальных характарыстык у беларускай і англійскай мовах у супастаўляльным плане выклікае шэраг нявырашаных тэарэтычных і практычных пытанняў.

Парцэляцыя можа назірацца не толькі ў простых, але і ў *складаных* сказах розных структурна-семантычных тыпаў. Парцэляваныя *с к л а д а н а - з л у ч а н ы* я сказы ў большасці выпадкаў абумоўлены двухчленнасцю сваёй структуры, аўтасемантычнасцю базавага кампанента далучальнай канструкцыі і сінсемантычнасцю парцэляванай часткі звышфразовага адзінства. Найбольшая колькасць універсальных уласцівасцей для абедзвюх моў была выяўлена ў сінтаксічным вымярэнні. Самымі распаўсюджанымі ў дзвюх супастаўляльных мовах з'яўляюцца *рэтраспектыўныя парцэляты*, якія знаходзяцца постпазіцыйна адносна БЧ: *Яна не злавалася, не крычала, не адгаворвала. Але ён помніць, як раптам упалі яе маленькія рукі...* (І. Шамякін); *His hands were ravenous. And his eyes were beginning to feel hunger* (R. Bradbury). Камунікатыўныя і стылістычныя ўмовы дазваляюць наблізіць парцэляваную структуру да вуснага выказвання і актуалізаваць яе камунікатыўную значнасць без стварэння новай мадэлі сказа.

Парцэляваныя канструкцыя, суадносныя са складаным сказам, былі прааналізаваны па працягласці парцэлятаў. У беларускай і англійскай мовах парцэляваныя складаназлучаныя сказы характарызуюцца двухчленнай структурай з фіксаванай будовай: *Я разумею, што ў мяне няма аніякіх доказаў, акрамя ўспамінаў. Але яны не матэрыяльныя...* (І. Шамякін); *Their literary heritage is not what most of them treasure above all else! But they're sweet things!* (W. Tennessee). Парцэляты такой будовы лёгка паддаюцца ідэнтыфікацыі, з'яўляюцца дынамічнымі, экспрэсіўнымі, пра што можа сведчыць графічнае афармленне канструкцыі. Часта ў супастаўляльных мовах назіраюцца парцэляваныя канструкцыі са шматзвеннай структурай, аднак яны ўскладняюцца іншымі відамі члянэння. Як паказала даследаванне, шматзвенныя канструкцыі такога тыпу ў беларускай і англійскай мовах характарызуюцца лінейным члянэннем, якое адлюстроўвае паступовы характар падпарадкавання сегментаў у актуалізаваным радзе: *Пасля па Вольгу яшчэ прыходзілі з камендатуры.*

Але ў яе нарадзілася дачка. Раней часу (І. Чыгрынаў); Але выселіць людзей – выселілі. У лес. А акцыі былі падпісаны, гэтыя, аб масавых экзекуцыях (У. Караткевіч); Inside was a cake. A homemade cake. And on the cake, in curly icing letters, were three words: Happy Birthday Margaret (D. Satterfield).

У беларускай мове далучальна-паясняльныя адносіны ў парцэляваных канструкцыях з прэдыкатыўнымі часткамі часцей за ўсё выражаюцца пры дапамозе злучнікаў *i, a, але*. Далучальна-азначальныя адносіны, якія афармляюцца паміж парцэляванымі часткамі ў складаназлучаных сказах пры дапамозе злучнікаў *a, але*, звычайна суправаджаюцца рознымі відамі супраціўных адценняў. У выпадках, калі парцэляваная канструкцыя мае шматзвенную структуру, далучальныя часткі могуць характарызавацца наяўнасцю розных відаў сінтаксічных адносін: *Ці ён быў адзіным выпадковым сведкам. І крануўся, гледзячы на ўвесь гэты жах. Але цяпер ад яго ўжо ніхто нічога і ніколі не даведаецца (У. Караткевіч).*

Асаблівасцю англійскай мовы можна назваць наяўнасць шматчленных парцэляваных структур з прэдыкатыўнымі часткамі і паратаксічнай сувяззю, якія звязаны паміж сабой рознымі злучнікамі (*and, but, or*) у рамках адной канструкцыі, рознымі знакамі прыпынку і рознымі сінтаксічнымі адносінамі: *And now, too, I must spend my time with her, and our project must wait. But it won't be long now. And there is Christmas coming (D. Satterfield); At first I thought I just had a bad cold. But there was no fever, and instead of going away, the cough got worse (S. King).* Шматчленныя парцэляваныя структуры ў складаназлучаным сказе дапамагаюць ствараць пэўны экспрэсіўны эфект і абазначыць ступень значнасці парцэлянта ў англійскай мове. Акрамя таго, яшчэ адной адметнай рысай арганізацыі парцэляваных складаназлучаных сказаў у англійскай мове з'яўляецца наяўнасць парцэлянтаў з раздзяляльнай сувяззю: *I can transfer it, if you want. Or I can tell him you left for the day (S. King).* Дадзеныя парцэлянты са злучнікам *or* актуалізуюцца, чаго нельга сказаць пра беларускую мову, для якой парцэляцыя канструкцый з раздзяляльнымі злучнікамі не з'яўляецца характэрнай.

Далучальныя часткі могуць быць звязаны паміж сабой далучальна-пералічальнымі, далучальна-азначальнымі або далучальна-дапаўняльнымі сінтаксічнымі адносінамі ў рамках адной сінтаксічнай структуры. Спецыфічныя асаблівасці ў сінтаксічным вымярэнні ў англійскай мове заключаюцца ў асіметрычнасці паратаксічных канструкцый, г. зн. магчымасці функцыянавання розных злучнікаў, розных знакаў прыпынку і розных сінтаксічных адносін у рамках адной канструкцыі. Некаторыя адрозненні ў прынцыпах арганізацыі і функцыянавання беларускай і англійскай пунктуацыйных сістэм звязаны камунікатыўна-прагматычнай задачай англійскай пунктуацыі і фармальна-граматычнай напраўленасцю беларускай.

Больш асаблівасцей функцыянавання парцэлянтаў, суадносных са складаназлучаным сказам, у супастаўляльных мовах было выяўлена ў семантычным плане. Адметнасцю англійскай мовы з'яўляецца наяўнасць паўтораў, якія дапамагаюць згладзіць разрыў паміж БЧ і актуалізаваным элементам: *It's for*

mental problems. Or you might say emotional problems (A. Munro); *We can obtain it immediately. But we need your influence* (D. Brown); *I never knew what happened to it all, and the waste used to worry me sometimes. But I never dared ask Mrs Danvers what she did about it* (D. Du Maurier). Як бачым з прыкладаў, далучальная частка цесна звязана з БЧ і падмацавана дзейнікамі-паўторамі ў парцэлятах. Паўтараюцца не толькі асобныя словы, але і цэлыя часткі сказа, што сведчыць пра сінкрэтычную прыроду парцэляваных структур з прэдыкатыўнымі часткамі ў англійскай мове.

У беларускай мове часцей за іншыя можна сустрэць парцэляты прэдыкатыўных частак складаназлучаных сказаў з далучальна-паясняльнымі адносінамі. Такія складаназлучаныя канструкцыі маюць двухчленную закрытую структуру. У адпаведнасці з характарам названых адносін парцэлят характарызуе БЧ, раскрывае яе змест з боку якасці, прызначэння. Указальныя займеннікі *гэта, тое* вельмі часта з'яўляюцца злучальным звяном паміж БЧ і парцэлятам: *Рэчку можна ачысціць. Але гэта не мела б ніякага сэнсу, каб не бруіла чысціню пачатковая крынічка, падземная вада...* (А. Адамовіч). Часта ўказальныя займеннікі выконваюць ролю дзейніка ў далучальнай частцы парцэляванай канструкцыі, аб'ядноўваючы актуалізаваныя фразы ў адзінае звышфразовае адзінства. Акрамя таго, указальны займеннік *гэта* ў парцэляце можа выступаць у ролі дапаўнення, што сведчыць пра семантычную непаўнату базавай часткі: *Шклянку гарэлки хіба хопнеш – чысцейшым быццам бы адчуваеш. Але і ад гэтага радасці няма* (І. Шамякін).

Такім чынам, аналіз парцэляваных структур дадзенага тыпу дазволіў выявіць некаторыя структурна-семантычныя рысы, абумоўленыя асаблівасцямі пунктуацыйнай і граматычнай сістэм супастаўляльных моў, а таксама нацыянальнай спецыфікай светаўспрымання.

Складаныя сказы, у якіх пры дапамозе гіпатаксічных злучнікаў і адносных слоў аб'яднаны сінтаксічна нераўнапраўныя састаўныя часткі, лічацца *складаназалежнымі*. Парцэляцыю складаназалежных сказаў патрэбна разглядаць з улікам ілакутыўных намераў аўтара. Актуалізацыя залежнай часткі складанага сказа дазваляе паказаць шматаспектнасць і значнасць фрагмента рэчаіснасці, які апісваецца, дзеля ўзмацнення апелятыўнага эфекту. Акрамя таго, парцэляцыя складаназалежных структур сведчыць пра структурна-семантычную гнуткасць моўных адзінак, калі самастойны просты сказ у пэўных камунікатыўных умовах змяняе свой статус і становіцца адной з актуалізаваных частак складанага сказа.

Парцэляваныя складаназалежныя сказы з'яўляюцца сінкрэтычнымі адзінкамі маўлення, дзе парцэляваны кампанент не ўтварае самастойнай камунікатыўнай адзінкі. Ён сінтаксічна звязаны з асноўнай часткай, аднак мае ўласны інтанацыйны малюнак і ўласныя граматычныя прыкметы. Паміж часткамі парцэляванага складаназалежнага сказа захоўваюцца агульнасінтаксічныя адносіны, і сувязь паміж парцэлятамі з'яўляецца больш трывалай за кошт не толькі сэнсавых і лагічных, але і граматычных прычын.

Універсальнай характарыстыкай беларускай і англійскай моў з’яўляецца наяўнасць складаназалежных сказаў з парцэляванымі прычынна-выніковымі часткамі: *Нібы Мар’янава падазронасць заразіла і мяне. Таму я ўзяў цяжкі том і панёс да сакрэтнага* (У. Караткевіч); *We couldn't stand the smell of her. So José and I left them in the hospital and went to Havana* (С. Truman); *And I wasn't tired or anything. So I went up to my room and put on my coat* (R. Salinger). Умяшчаючы ў сабе змест галоўнай часткі, злучнікі *тому*, *so* сведчаць пра тое, што галоўная частка ў пэўнай меры залежыць ад даданай і не з’яўляецца аўтасемантычнай. У беларускай мове для асаблівага падкрэслівання прычыны ў даданай далучальнай частцы могуць ужывацца ўзмацняльныя часціцы *і*, *й*, якія кантактна і дыстантна мяжуюць са злучнікам: *Па сабе мераў сына. Таму і не звярнуў увагі, што Барыс перастаў танцаваць, калі танцаваў Плечка. З Тамарай* (І. Шамякін); *Прыемна мне было чытаць яе і зараз, думаць над паасобнымі мясцінамі, уяўляць. І ўсё ж не так прыемна, як раней. Таму што хаця я й чытаў ледзь не на складах – шукаў я ўсё ж іншае* (У. Караткевіч). Для англійскай мовы з фіксаваным парадкам слоў характэрна пэўная заканамернасць семантычных і камунікацыйных адносін.

Для беларускай мовы ў мастацкіх творах характэрна наяўнасць складаназалежных парцэляваных канструкцый з даданай прычыны: *І тады я адпусціў сваю гвардыю на некалькі дзён. Папрасіўшы, каб самі не лазілі. Бо яшчэ здарыцца нешта, а тады – як глянеш у вочы дзеду Мультану і бацькам Шубайлам?* (У. Караткевіч); *Можа, таксама ў Менску пашукаць? Ці ў Вільні. Бо ў Кладна судовыя архівы дымам пайшлі...* (У. Караткевіч). Як бачым, не заўсёды парцэляваны складаназалежны сказ абумоўлены двухчленнасцю сваёй структуры. Базавая частка можа быць ускладнена парцэляваным дзеепрыслоўным зваротам або акалічнасцю, у выніку чаго даданая частка сказа размяшчаецца дыстантна. Графічная рэпрэзентацыя выступае не толькі вырашальным фактарам пры актуалізацыі выказвання, але і садзейнічае інтанацыйнай інтэрпрэтацыі тэксту.

У англійскіх мастацкіх творах таксама ўжываюцца складаназалежныя парцэляваныя канструкцыі з даданай часткай прычыны, аднак яны маюць свае спецыфічныя ўласцівасці. У англійскай мове экспрэсіўная функцыя актуалізаваных выказванняў можа ўзмацняцца пры дапамозе выкарыстання парантэз, якія не звязаны з імі граматычна. Напрыклад: *Also horror, I might as well admit it. Because serious illness does horrify us, doesn't it, and Al was seriously ill; I wish I had been emotionally blocked, after all* (D. Satterfield). Як бачым з прыкладаў, аўтарам ужываюцца такія парантычныя канструкцыі, як *as well*, *after all* у базавай частцы парцэляванага выказвання дзеля надання звышфразавому адзінству дадатковых сэнсавых значэнняў экзэмпліфікацыі, дэліберацыі. Сінсемантычнасць парантэз часцей за ўсё абумоўлена пазіцыяй у звышфразавым адзінстве. Акрамя таго, функцыянаванне складаназалежных сказаў з парцэляванай даданай часткай прычыны можа суправаджацца паўторам злучнікаў або цэлых частак сказа: *No last half-hour on the terrace*,

not even ten minutes perhaps to say goodbye. Because she had finished breakfast earlier than she expected, because she was bored (D. Du Maurier). Прыклады паказваюць, што паўторы злучнікаў з рознай графічнай рэпрэзентацыяй садзейнічаюць выражэнню розных ілакутыўных намераў аўтара.

Акрамя таго, універсальным параметрам беларускай і англійскай моў з'яўляецца ўжыванне складаназалежных сказаў з парцэляванай далучальна-ўмоўнай часткай са злучальнымі словамі *калі, when*: *Пасля дзесяцігодкі я паспрабую наступіць у мастацкі інстытут. Калі ў мяне ёсць хоць нейкі талент...* (І. Шамякін); *I'm calling a meeting even if we have to go on into the dark. Down on the platform. When I blow it. Now* (D. Du Maurier). Як бачым, у англійскай мове складаназалежная парцэляваная канструкцыя можа ўскладняцца іншымі відамі далучэння, што сведчыць пра шматступенчатую структуру звышфразавога адзінства. Пры гэтым могуць выкарыстоўвацца як вертыкальныя знакі прыпынку (садзейнічаюць падзелу частак выказвання, выражэнню ілакутыўных намераў аўтара), так і гарызантальныя (выкарыстоўваюцца для рытмічнай арганізацыі тэксту, для перадачы адценняў думак і пачуццяў).

У беларускай мове ўжыванне парцэляваных складаназалежных сказаў з даданымі далучальна-атрыбутыўнымі і далучальна-адноснымі часткамі з'яўляецца факультатыўным. У ходзе даследавання былі выяўлены прыклады, дзе далучальна-атрыбутыўная частка аб'яднана з галоўнай пры дапамозе злучальнага слова *які* з дыстантным размяшчэннем: *Адзін чайнік. З якім па чарзе хадзілі па кіяток да тытана. Аднаго тытана...* (І. Мележ). У англійскай мове прыкладаў з дадзеным відам сувязі выяўлена не было.

Як паказала даследаванне, парцэляваныя складаназалежныя сказы з акалічнаснай даданай часткай ужываюцца часцей у параўнанні з іншымі відамі далучэння пры гіпатаксічнай сувязі. Пры парцэляцыі складаназалежнага сказа аўтасемантычнасць БЧ не з'яўляецца неабходнай умовай у параўнанні са структурнай арганізацыяй складаназлучанага сказа, дзе БЧ можа быць прадстаўлена асобнай завершанай фразай. Фактычны матэрыял паказаў, што ў беларускай і англійскай мовах існуюць універсальныя і спецыфічныя параметры пры функцыянаванні складаных парцэляваных сказаў з гіпатаксічнай сувяззю.

Універсальным параметрам беларускай і англійскай моў з'яўляецца наяўнасць двухчленнай структуры з парцэлятам у постпазіцыі. У выніку даследавання было выяўлена, што часцей за іншыя парцэлююцца складаназалежныя сказы з даданай прычынна-выніковай часткай. Аднак у англійскай мове двухчленная арганізацыя парцэляванага складанага сказа з гіпатаксічнай сувяззю можа ўскладняцца іншымі відамі далучэння як у постпазіцыі, так і ў прэпазіцыі. Часцей за ўсё двухчленная структура ўскладняецца парцэляванымі дапаўненнямі і акалічнасцямі.

Яшчэ адным спецыфічным параметрам функцыянавання парцэляваных складаных сказаў з гіпатаксічнай сувяззю ў англійскай мове можна назваць наяўнасць паўтараў. Такая будова стварае пэўны інтанацыйны і рытмічны малюнак, які набліжае пісьмовую мову да гутарковай.

У беларускай мове за кошт яе сінтэтычнасці спецыфічным параметрам можна назваць наяўнасць узмацняльных часціц, якія кантактна і дыстантна мяжуюць са злучнікамі або злучальнымі словамі ў парцэляваных складаназалежных сказах і выкарыстоўваюцца дзеля надання экспрэсіўнасці выказванню. У англійскай мове, наадварот, адсутнічаюць узмацняльныя часціцы, але шырока ужываюцца парантэзы, каб прыдаць парцэляванай канструкцыі дадатковыя эмацыянальна-экспрэсіўныя значэнні.

Варта звярнуць увагу на графічнае афармленне парцэляваных структур. Універсальнай уласцівасцю беларускай і англійскай моў з'яўляецца наяўнасць як гарызантальных, так і вертыкальных пунктуацыйных знакаў, якія служаць эфектыўным сродкам перадачы розных сэнсавых адценняў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Ванников, Ю. В.* Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи / Ю. В. Ванников. – М. : Рус. язык, 1978. – 296 с.
2. *Иванчикова, Е. А.* Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные синтаксические функции / Е. А. Иванчикова // Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М. : Наука, 1968. – С. 277–301.
3. *Зелепукин, Р. О.* Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой. Структура, семантика, текстообразующие функции : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Р. О. Зелепукин. – М., 2007. – 26 с.
4. *Каркошко, О. П.* Парцелляция: Структура, семантика, функция: на материале русского и немецкого языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. П. Каркошко. – Майкоп, 2011. – 186 л.

The article deals with a number of problems related to the differentiation of complex fragmentary sentences with hypotactic and paratactic relations. Data from the English and Belarusian languages are compared, which allows to point out functional similarities and specific peculiarities in the languages compared.

Поступила в редакцию 19.12.2018

Е. В. Хомцова

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ЖИВОТНОЕ» В АСПЕКТЕ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается один из способов репрезентации концепта «животное» посредством метафорического моделирования в русском и английском языках. Дается описание антропоморфной метафорической модели «Животное – это человек». Выделены фреймы, составляющие данную модель, а также приведены количественные результаты исследования, которые отражают частотность употребления этой модели в русском и английском языках.

В современном языкознании закрепился антропологический подход к изучению языка, предполагающий рассмотрение языковых явлений в тесной связи с самим человеком, его мышлением и культурой.

В данной работе в процессе исследования продуктивной антропоморфной метафорической модели «Животное – это человек» были выделены 9 фреймов, составляющих данную модель. Материалом для анализа послужили наименования животных в русском и английском языках, а также их лексические значения, при этом только те лексико-семантические варианты (ЛСВ), которые содержат сему ‘человек’ (итого 172 ЛСВ). Все отобранные лексические единицы (ЛЕ) были исследованы попарно в русском и английском языках (90 русских и 90 английских ЛЕ), однако не все соответствующие наименования животных в английском языке имеют переносное значение в сферу-мишень (сферу-магнит) «Человек». В связи с этим анализу подлежали 90 русских и 53 соответствующих английских наименований животных.

Например, *Ехидна* – злобный, язвительный и коварный человек (разг. презр.). *Сплетницы-ехидны*. В то же время аналогичная лексическая единица в английском языке *Echidna* не имеет переносного значения в данную сферу-мишень.

Цапля – шутол. О высоком, длинноногом человеке. *Вот какая цапля вымахала!* Лексема *Heron* в английском языке не имеет переносного значения в сферу-магнит «Человек».

Вместе с тем многие англоязычные ЛЕ имеют 2 и более ЛСВ, содержащих сему ‘человек’: из 90 русскоязычных проанализированных наименований животных 95 ЛСВ содержат сему ‘человек’, в то же время из 53 англоязычных наименований животных – 77 ЛСВ. Исходя из этого, общее соотношение данных ЛСВ в русском и английском языках – 1,05 (русский язык 95/90) к 1,45 (английский язык 77/53). Таким образом, в сумме в русском и английском языках было проанализировано 172 ЛСВ, которые содержат перенос в сферу-мишень «Человек».

Например, *Акула* – публиц. О том, кто действует хищно и беззастенчиво. *Акулы большого бизнеса. Акулы пера. Shark* – 1. a rapacious crafty person who takes advantage of others often through usury, extortion, or devious means. 2. One who excels greatly especially in a particular field.

Ягненок – перен. кроткий, незлобивый человек. *Ведет себя тихим ягненком. Lamb* – 1. a gentle or weak person. 2. a person easily cheated or deceived especially in trading securities.

Для анализа русскоязычных лексем были использованы «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова, «Русский семантический словарь» под ред. Н. Ю. Шведовой, «Большой толковый словарь русских существительных» под ред. Л. Г. Бабенко, а также «Тематический словарь русского языка» под ред. Л. Г. Саяховой. Исследование английских лексических единиц осуществлялось на основе словарей “The Merriam-Webster Dictionary”, “The Oxford English Dictionary”.

Одним из наиболее известных достижений когнитивной лингвистики является теория концептуальной метафоры. На протяжении последних десятилетий фокус лингвистических исследований по проблемам связи языка и мышления сместился в сферу изучения когнитивных моделей и концептуальных структур. В рамках когнитивного подхода метафора рассматривается в качестве феномена мышления и культуры. Метафоры как языковые выражения возможны именно благодаря тому, что они заложены в понятийной системе человека, таким образом, метафорично, прежде всего, мышление, а языковые метафоры являются не более чем внешним проявлением этого феномена [1, с. 34].

Большая часть обыденной концептуальной системы по своей природе метафорична, однако в связи с привычностью соответствующих представлений и их глубокой укорененностью в человеческом сознании концептуальные метафоры обычно не осознаются носителями языка. Как правило они культурно обусловлены [2, с. 47]. Создаваемая человеком метафорическая картина мира в значительной степени антропоцентрична: человек метафорически создает действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей, своих генетических и иных связей с собственными родственниками [3, с. 77].

Во всех когнитивных моделях можно определить исходную понятийную область, или ментальную сферу-источник (в нашем исследовании – животное), к которой относятся слова в их первичном денотативном значении, и новую понятийную область, или сферу-мишень (в нашем исследовании – человек), к которой относятся те же слова в переносном субстандартном значении. Каждая когнитивная модель представляет собой фрейм, структурирующий определенную понятийную область (концептуальную сферу), и содержит данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия.

По данным современных толковых, семантических, тематических словарей было установлено, что продуктивная антропоморфная метафорическая модель «Животное – это человек» представлена следующими фреймами:

- 1) интеллект человека;
- 2) внешность человека;
- 3) отношение человека к работе;
- 4) манера поведения человека
- 5) обладание знаниями, умениями, навыками;
- 6) социальная позиция;
- 7) характеристика социального поведения;
- 8) характер человека;
- 9) возраст человека.

Далее приведем для каждого фрейма примеры русскоязычных и англоязычных лексических единиц и тех их значений, которые содержат перенос в сферу-мишень (сферу-магнит) «Человек».

1. Фрейм «интеллект человека»

Oсел – бранно. О тупом, упрямом человеке.

Donkey – informal. A stupid or inept person.

Баран – разг.-сниж. О глупом, упрямом человеке.

Goat – British informal. A stupid person; a fool. *Just for once, stop acting the goat.*

2. Фрейм «внешность человека»

Кабан – разг. О толстом и грузном мужчине.

Выдра – бранно. О худой некрасивой женщине.

Пава – разг. О женщине с горделивой осанкой и плавной походкой.

Bear – a large, heavy, cumbersome man.

Слон – перен. Большой, толстый и неуклюжий человек (разг.). *Под этим слоном мебель трещит.*

Elephant – someone who is uncommonly large or hard to manage.

3. Фрейм «отношение человека к работе»

Пчелка – разг. О крайне трудолюбивом, много и охотно работающем человеке. *Тружусь как пчелка.*

Ишак – перен. Человек, безропотно выполняющий самую тяжелую работу (прост.). *Сделали из парня ишака.*

Лошадь – разг.-сниж. О ком-л., обладающем какими-л. качествами, свойственными такому животному (силой, работоспособностью и т.п.). *Я не лошадь работать за всех.*

4. Фрейм «манера поведения человека»

Хомяк – разг. О ком-либо неповоротливом, нерасторопном, обычно полном. *Дразнить хомяком.*

Ворона – разг.-сниж. О рассеянном, невнимательном человеке; ротозей.

Обезьяна – перен. Человек, склонный к бездумному подражанию другим, гримасник, кривляка (разг. неодобр.). *Эта обезьяна только и умеет, что повторять чужие слова.*

Monkey – a mischievous person, especially a child. *Where have you been, you little monkey!*

5. Фрейм «обладание знаниями, умениями, навыками»

Собака – прост. Умелый и ловкий в каком-н. деле человек, мастак. *Хорошо поет, собака, заслушаешься* (похвала).

Морж – перен. Человек, занимающийся плаванием зимой в открытых водоемах. *Заплывы моржей.*

Rabbit – informal. A poor performer in a sport or game, in particular (in cricket) a poor batsman. *He was a total rabbit with the bat.*

6. Фрейм «социальная позиция»

Lion – a person of outstanding interest or importance. *A literary lion.*

Кит – важный, значительный человек, на котором всё держится. *Киты общества. Финансовые киты.*

Червяк – перен. Ничтожный, презираемый человек (пренебр.). *Жалкий червяк.*

Worm – informal. A weak or despicable person (often used as a general term of abuse). *It was unbearable that such a worm could be so successful.*

7. Фрейм «характеристика социального поведения»

Заяц – безбилетный пассажир, а также зритель, проникший куда-нибудь без билета (разг.). *Ехать на поезде зайцем.*

Кукушка – перен. Женщина, бросившая своего ребенка, оставившая своих детей (прост., неодобр.). *Мать-кукушка*.

Акула – публиц. О том, кто действует хищно и беззащитно. *Акулы большого бизнеса. Акулы пера*.

Shark – a rapacious crafty person who takes advantage of others often through usury, extortion, or devious means. *Loan sharks*

8. Фрейм «характер человека»

Кобра – разг. О злобной женщине.

Орел – перен. Отважный, сильный и решительный человек. *Хороший мужик, но не орел*.

Индюк – перен. Заносчивый, надменный человек (прост. пренебр.).

Cock – a person of spirit and often of a certain swagger or arrogance.

Гадюка – перен. Злой и язвительный человек (разг. презр., также бран.). *У этой гадюки что ни слово – то яд*.

Viper – spiteful or reacherous person.

9. Фрейм «возраст человека»

Цыпленок – разг. О наивном, неопытном молодом человеке (о юноше или девушке). *Дать в помощники какого-то цыпленка*.

Chick – a child.

Птенец – О ребенке, ученике, воспитаннике. *А птенцы где? – Еще в школе*.

Суслик – О молодых, неопытных людях. *Эх вы, суслики!*

Количественные результаты исследования данной метафорической модели отражены в следующей таблице.

Количество ЛСВ с переносным значением в сферу-мишень «Человек» в русском и английском языках

№ п/п	Фрейм	Русский язык, количество ЛСВ	Английский язык, количество ЛСВ
1	Интеллект человека	2	6
2	Внешность человека	22	11
3	Отношение человека к работе	4	6
4	Манера поведения человека	13	8
5	Обладание знаниями, умениями, навыками	5	3
6	Социальная позиция	12	10
7	Характеристика социального поведения	13	9
8	Характер человека	21	19
9	Возраст человека	3	5

Для более наглядного представления полученных результатов можно обратиться к следующим диаграммам (рис. 1, 2).

Рис. 1. Процентное соотношение ЛСВ с переносным значением в сферу-мишень «Человек» в русском языке

Рис. 2. Процентное соотношение ЛСВ с переносным значением в сферу-мишень «Человек» в английском языке

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в русском языке данная метафорическая модель чаще всего используется для характеристики внешности человека (23,1 %), а в английском языке – для описания характера человека (24,7 %). Далее следует противоположная ситуация: на втором месте в русском языке находится описание характера человека (22,1 %), а в английском – характеристика внешности человека (14,3 %). Именно эти два фрейма и служат фундаментом формирования метафорической антропоморфной модели «Животное – это человек» в обоих языках.

Также отметим определенные сходства анализируемых лексических значений в русском и английском языках. Из 90 проанализированных русско-английских пар слов было выявлено 29 пар, имеющих одинаковые или очень близкие лексические значения, которые содержат перенос в сферу-мишень (сферу-магнит) «Человек». Приведем несколько примеров, подтверждающих данный вывод.

Павлин – разг. О человеке, уделяющем повышенное внимание своей внешности, одежде, держащемся высокомерно, заносчиво. *Что ты павлином вырядился?*

Peacock – an ostentatious or vain person. *These young men have always considered themselves the peacocks of Europe.*

Сорока – разг. О болтливом, шумном человеке; о том, кто любит сплетничать (преимущественно о женщине). *Все болтаете, сороки!*

Magpie – a person who chatters noisily.

Попугай – перен. Человек, который, не имея собственного мнения, повторяет чужие слова, суждения. *Не верь рассказням этого попугая.*

Parrot – a person who sedulously echoes another's words.

Жаворонок – перен. Человек, чувствующий себя утром, в первую половину дня бодрее, работоспособнее, чем вечером. *Она жаворонок: встает в пять утра.*

Lark – informal. A person who habitually gets up early and feels energetic early in the day. Often contrasted with owl.

Сова – перен. Человек, чувствующий себя вечером, ночью бодрее, работоспособнее, чем утром. *Он сова: пишет по ночам.*

Owl – informal. A person who habitually goes to bed late and feels energetic in the evening. Often contrasted with lark.

Хамелеон – перен. Человек, который, беспринципно приспособиваясь к обстановке, легко меняет свое поведение, взгляды, симпатии (неодобр.). *Политические хамелеоны.*

Chameleon – a person who changes their opinions or behaviour according to the situation. *Voters have misgivings about his performance as a political chameleon.*

Данные русско-английские пары распределились в соответствии с выделенными фреймами следующим образом:

характер человека – 10 пар;

характеристика социального поведения – 5 пар;

внешность человека – 4 пары;

манера поведения человека – 4 пары;

социальная позиция – 3 пары;

возраст человека – 2 пары;

интеллект человека – 1 пара.

Полученные результаты отражают, что значительная часть выявленных пар относится к фрейму «характер человека».

Выделение направления метафоризации по отношению к новой понятийной области, или к сфере-мишени «Человек» в качестве отдельного объекта исследования, связано, прежде всего, с продуктивностью этого типа переноса [4, с. 19]. Согласно результатам проведенного исследования, наиболее значимыми в русском и английском языках в рамках метафорической антропоцентрической модели «Животное – это человек» являются фреймы «внешность человека» и «характер человека», представленные в обоих языках наиболее объемно и многообразно. Среди русско-английских пар, которые имеют одинаковые или очень близкие лексические значения и содержат перенос в сферу-мишень (сферу-магнит) «Человек», наибольшая часть значений в процентном соотношении относится к фрейму «характер человека», что также подтверждает данный вывод.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций / Т. Г. Скребцова. – СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2011. – 256 с.
2. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УССР, 2004. – 256 с.

3. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.

4. Юрков, Е. Е. Метафора семантической сферы «Природа» в аспекте антропоцентризма / Е. Е. Юрков // Мир русского слова. – 2012. – № 1. – С. 17–21.

The article deals with the analysis of the metaphorical anthropologic model “Animal is a human”. The study shows the frequency of this model usage in Russian and English. Frames compiling this model are also represented in this article.

Поступила в редакцию 06.12.2018

Е. В. Шилей

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ОРГАНИЗАЦИИ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена анализу коммуникативных стратегий организации, реализуемых названием, на примере компаний, осуществляющих свою деятельность в Минске и других городах Беларуси. Рассматриваются тактики и языковые средства реализации стратегии информирования, самопрезентации и определения целевой аудитории.

Коммуникация как средство вовлечения организации во внешнюю среду, по мнению А. Б. Зверинцева, «обеспечивает необходимый уровень взаимодействия с окружающими аудиториями, без общения с которыми невозможно или бессмысленно существование организации» [1, с. 9]. От того, как компания осуществляет взаимодействие с представителями общественности, зависит успешность функционирования организации в социуме.

Одним из способов установления контакта между организацией и внешней целевой аудиторией является ее наименование, которое целесообразно рассматривать как элемент внешней коммуникации организации, представляющий собой часть целостной системы коммуникативных стратегий, которыми оперирует организация при установлении и поддержании контакта с целевой аудиторией. Представляется возможным выделить и описать коммуникативные стратегии организации, реализуемые посредством наименования, принимая за основу прагматический подход к анализу наименований, основанный на изучении функционирования названия в качестве элемента внешней коммуникации организации.

При рассмотрении ситуации присвоения названия в рамках ономастики отмечается, что создатель имени, действуя в соответствии с правилами риторического изобретения, идет от формирования номинативной задачи к выбору средств ее словесного воплощения [2, с. 100]. Ономастическая номинация представляет собой планируемое и прогнозируемое речемыслительное действие с четким распределением ролей участников этого действия [2, с. 101].

При установлении и поддержании контакта между организацией и ее общественностью номинирующий субъект обращается к существующим в языке способам коммуникативного воздействия на поведенческие реакции внешней целевой аудитории. Прагматическая составляющая, положенная в основу классификации наименований организаций, позволяет определить существующие коммуникативные стратегии, реализуемые посредством названий.

Коммуникация организации, являясь одним из направлений речевой коммуникации, наглядно воплощает стратегический подход, поскольку без тщательного планирования процесса коммуникации и дальнейшей реализации данного плана успешное функционирование организации на рынке оказывается под угрозой. Основной задачей коммуникативных стратегий в рамках коммуникации организации является формирование, сохранение и расширение занимаемого субъектом положения на рынке.

Прагматический подход к классификации наименований предоставляет возможность рассмотреть наименования с позиций стратегической коммуникации организации. В современной литературе представлены результаты исследований прагматической составляющей наименований организаций. В частности, М. Г. Курбанова [3], Н. В. Носенко [4], Е. А. Трифонова [5] и др. рассматривают наименования организаций с точки зрения побудительной силы названия, основной целью которого является попытка оказать влияние на поведение потенциального клиента.

Представляется целесообразным разделить эргонимы на стратегические и нестратегические на основании того, способствует ли наименование реализации общей коммуникативной стратегии организации. Названия организации, не заключающие в себе никаких сведений о компании, составляют группу нестратегических наименований. Анализ практического материала позволяет выделить три типа нестратегических наименований.

Во-первых, эта группа включает наименования, образованные посредством ЛЕ, семантика которых не способствует формированию у потенциальной целевой аудитории ассоциаций в отношении деятельности компаний. К данной категории относятся наименования организаций, мотивированные именами нарицательными неспецифической семантики. Примерами таких наименований являются названия салонов красоты «*Визит*», «*Фантазия*», наименование юридической компании «*Факт*», продуктового магазина «*Подкова*». Выступая в качестве эргонимов, подобные наименования могут иметь несколько денотатов в различных сферах деятельности. К примеру, в Минске функционирует кафе под названием «*Метелица*», а также парикмахерская с таким же наименованием. В таких ситуациях конкретизировать значение имени объекта и соотнести эргоним с определенной сферой деятельности позволяют номенклатурные названия типа *кафе, ресторан, магазин* и т.п. Наименования данной подгруппы выполняют номинативную функцию, основной целью названий является лишь обозначение объекта. Вторую группу нестратегических наименований составляют названия, мотивировочной основой которых выступают слова и словосочетания, в значении

которых есть некоторая ссылка на возможную сферу деятельности, отличную от той, именованной для которой выступает. Примерами таких дезинформирующих понятий являются названия компании «Аквамол», занимающейся производством окон и организации «Санфир-Авто», связанной с обработкой древесины. К третьей группе относятся имена объектов, представляющие собой результат словотворчества номинатора. Данные лексические единицы не существуют в языке, и их значение не является очевидным для внешней целевой аудитории без дополнительного пояснения. Примерами подобных наименований являются названия «Викма», «Талан», «Сидус». При более детальном рассмотрении наименований подобного рода они, как правило, оказываются примерами информирующего типа и образованы посредством сложения основ, аббревиации или акронимии: «Натанет» – результат сложения начальных слогов имени владелицы компании Натальи и ее дочери Аннеты.

Анализ наименований, содержащих сообщение для целевой аудитории, позволил установить, что они способствуют реализации одной из трех коммуникативных стратегий организации. Эргонимы, которые передают представителям целевой аудитории сведения о компании, реализуют стратегию информирования. Помимо ее наименования могут реализовывать стратегию самопрезентации, а также стратегию определения целевой аудитории. Способность наименования реализовать ту или иную стратегию основана на характеристике самого названия. Для реализации выделенных стратегий характерен определенный набор тактик и способов номинации, которые использует номинатор при установлении и поддержании коммуникации между организацией и внешней целевой аудиторией.

Процесс создания наименования компании осуществляется на двух уровнях: когнитивном и языковом. Данные процессы соотносятся с такими понятиями, как принципы и способы номинации. Принцип номинации предполагает определенные модели номинации, объединяющие наиболее распространенные признаки, по которым происходит процесс называния однородных предметов [6, с. 12].

Суть каждого принципа проявляется тогда, когда он находит свое материальное воплощение в конкретной форме, в процессе создания названия. Здесь принцип номинации неразрывно связан с понятием способа номинации.

Способы образования наименований подробно рассмотрены в существующих исследованиях по эргонимии. В работе Ф. Ф. Алистановой [7] принят подход к классификации наименований организаций на основании словообразовательного принципа. Автор разделяет эргонимы на восемь типов в зависимости от того способа, посредством которого образовано имя объекта. В исследовании выделены такие способы, как морфемная деривация, субстантивация, лексико-семантический способ образования эргонимов, аббревиация, усечение, языковая игра, семантическая онимизация, а также заимствование. В каждой группе автор выделяет подгруппы на основании более подробных характеристик того или иного типа словообразования [7, с. 123].

Способы номинации рассматривались также в работах В. Г. Гака [8], [9], при этом отмечается, что для эргонимии наиболее свойственными являются лексико-семантический (онимизация, трансонимизация, заимствования), словообразовательный (аффиксация, субстантивация, аббревиация, словосложение), лексико-синтаксический, фонетический и комплексный (в основном сочетание аббревиации и словосложения) [9, с. 110].

Ряд исследователей, в частности, К. А. Дзюба, подразделяют способы номинации на те, которые носят внутриязыковой и внешнеязыковой характер, в зависимости от количества языков, которые задействуются при образовании наименования. К внутриязыковым принципам номинации автор относит словообразовательную, синтаксическую и семантическую деривацию. Каждый из отмеченных принципов реализуется посредством конкретных языковых способов номинации, таких как аффиксация, словосложение, аббревиация, субстантивация, синтаксический и фонетический способы, метафорический и метонимический переносы. Заимствования данный автор относит к внешнеязыковому принципу, который может быть представлен транслитерацией, транскрипцией и гибридизацией [10, с. 123].

Установление и описание принципов и способов номинации, распространенных среди организаций г. Минска, явились одной из задач, решаемых в исследовании Е. В. Тихоненко [11]. В работе автор выделяет 11 «мотивированных признаков», положенных в основу образования наименований минских компаний. Эргонимы Минска могут быть мотивированы ассортиментом предлагаемых товаров («Продукты», «Бытовая химия», «Обувь»), урбанонимами («Рига», «Серебрянка»), указанием на адресата («Школьник», «Мальши», «Кокетка»), названиями литературных произведений, героев («Снежная королева», «Дюймовочка»), названиями из области флоры и фауны («Апельсин», «Орхидея», «Флокс»), свойствами и спецификой объекта («Люкс», «Белорусская кухня» «Bigzz», *big* в пер. с англ. 'большой'), абстрактно-символической лексикой («Жизнь», «Идея», «Искушение»), наименованием денежных знаков («Копейка», «Монетка»), национально-культурными ориентирами («Родны кут», «Спадчына») и морской тематикой («Пирс», «Батискаф»).

Принципы и способы образования наименований, которые выделяют современные исследователи, послужили основой для определения языковых средств, способствующих реализации коммуникативных стратегий организации.

Стратегия информирования целевой аудитории реализуется посредством информирующих наименований, в которых передаются сведения о деятельности организации «Спецтехналадка», «Парикмахерская» о специфике предоставляемых товаров и услуг «Электроконструкции», «Сельхозпродукты». Стратегия информирования реализуется посредством различных языковых средств. Для передачи сообщения целевой аудитории номинирующий субъект использует не только вербальные средства: слова, словосочетания, предложения, но и невербальные – реализуемые на вывеске изображения, цветовое решение, шрифт и зачастую форму самой вывески. Совмещение двух типов знаков позволяет номинатору в наиболее полной степени воздействовать на эмоционально-волевою сферу получателя сообщения, в данном случае потенциальных клиентов.

Стратегия самопрезентации реализуется посредством передачи в наименовании организации информации об основателе или владельце компании, количестве и качестве предоставляемых услуг, а также о том результате, который получит потребитель в результате взаимодействия с организацией. Данные мотивирующие базы выступают основанием для выделения соответствующих тактик.

Используя имя собственное в наименовании организации, номинатор позиционирует себя на рынке предоставляемых услуг в качестве надежного, опытного и хорошо известного в данной области профессионала: «*Аудиторские услуги Квасова Л. Г.*», «*Бухгалтерская компания Савенко Натальи*», «*Стоматологический кабинет Хаютина Т. А.*». Этот способ номинации позволяет установить положительные отношения с внешней целевой аудиторией, повысить уровень доверия и лояльности к организации. В данном случае происходит процесс наложения имиджа основателя на восприятие организации в целом.

Номинативные модели данного типа позволяют отправить целевой аудитории два типа сообщений. Во-первых, потенциальный клиент при декодировании получает информацию о том, что у данного субъекта есть собственная компания, следовательно, он довольно успешен. Во-вторых, имя, авторитет, профессионализм данного субъекта являются достаточно известными и узнаваемыми, чтобы послужить основанием для наименования компании. В обоих случаях данный способ самопрезентации позволяет сформировать положительное восприятие компании адресатом. Тактика использования имени собственного основателя организации преобладает среди контор, предоставляющих адвокатские услуги.

Прагматические информирующие наименования, содержащие информацию о количестве предоставляемых услуг, могут быть образованы как посредством имени числительного («*Сто товаров*», «*Тысяча мелочей*», «*Тысяча метров*», «*Тысяча туров*»), так и с помощью существительных с пространственной семантикой. Так, весьма распространенными являются названия организаций, в которых номинирующий субъект посредством таких существительных сообщает о большом количестве и разнообразии предлагаемых товаров. Как правило, это составные наименования, построенные по модели S+S, или субстантивно-субстантивные имена, где в качестве ядерного компонента выступает существительное с пространственной семантикой, а зависимым является существительное, отражающее специфику деятельности организации: «*Мир мебели*», «*Планета цветов*», «*Планета штор*».

В роли количественных маркеров выступают фразеологизмы, реализуемые средствами русского и английского языков («*Бухгалтерия от А до Я*», «*Эйзэд консультант*»), лексические единицы, семантика которых уже включает элемент множественности («*Вебмакситорг*», «*Максилайт*»), а также номинативные модели, включающие определительное количественное местоимение *всё* с предлогом *для* («*Всё для художника*», «*Всё для маляра*», «*Всё для рукоделия*», «*Всё для ремонта*», «*Всё для сварки*», «*Всё для дома*», «*Всё для дома и дачи*»).

Стратегия самопрезентации организации через декларирование ее качественных характеристик в ряде случаев реализуется посредством использования в наименовании лексических единиц, содержащих сему превосходства над конкурентами, например, *лучший, первый* (в значении лучший): «Самый лучший юрист», «Ваши лучшие покупки», «Первая аккумуляторная компания». Такие наименования транслируют адресату информацию о профессионализме, мастерстве сотрудников, тем самым авансируя высокое качество предлагаемых товаров или услуг. Роль «качественных» маркеров выполняют здесь соответствующие лексемы: «Профессиональный бухгалтер», «Финансовый эксперт плюс», «Профессиональные правовые системы», «Мастер шарма», «Мастера ножниц», «Удобный», «Лучшее из Индии», «Бестсервис» (*бест* в пер. с англ. 'лучший').

Содержащаяся в названии информация о получении выгоды от взаимодействия с компанией призвана формировать у целевой аудитории идеальные представления о социально значимых свойствах именуемого объекта. Такая информация может передаваться сведениями о позитивных изменениях («Новый образ», «Новый стиль», «Новая фигура», «Новое зрение») или о следовании уже сложившейся традиции («Любимая прическа», «Любимая парикмахерская», «Любимый доктор», «Любимый стоматолог»).

В ряде случаев номинирующий субъект посредством наименования формирует портрет потенциального представителя целевой аудитории, что позволяет говорить о стратегии ее определения. Эргонимы, содержащие апелляцию к целевой аудитории, подразделяются на общеадресатные и специализированные. Для первой группы характерной формой обращения к адресату является использование личных местоимений в различных формах и падежах. Данный способ обращения к целевой аудитории позволяет номинатору максимально расширить охват потенциальных потребителей: «Ваш магазин», «Ваш уют», «Ваш стиль», «Ваш выбор», «Для Вас».

Специализированные, или адресные эргонимы, представляют собой наименования, в которых образ адресата сформирован посредством тех характеристик, которые номинирующий субъект использует в качестве принципа номинации. Анализ материала позволил установить, что главными характеристиками, формирующими образ адресата, избираются социальный статус («Богач», «Селебрити», «Первая леди и лучший мужчина», «Магнат»), род деятельности («Рыболов», «Охотник и рыболов», «Агроном»), личностные характеристики потребителя («Хулиган», «Эгоист», «Душечка»), информация о внешности («Модная мама», «Красотка», «Красивые люди», «Красивые детки»). В данном случае правомерно говорить об использовании тактики комплемента в отношении адресата.

Незначительную группу эргонимов составляют наименования, в которых образ целевой аудитории представлен национальными характеристиками: ресторан «Беларус», одноименные магазины «Белорусочка» и «Belarusachka».

В результате проведенного анализа представляется возможным сделать вывод о том, что в ряде случаев стратегическая коммуникация организации с внешней целевой аудиторией осуществляется посредством такого средства, как наименование. В зависимости от наличия или отсутствия сообщения для

целевой аудитории, заключенного в названиях объекта, их можно разделить на стратегические и нестратегические. Первая группа включает названия, в которых присутствует определенная информация для целевой аудитории и способствует реализации одной из коммуникативных стратегий: информирования, самопрезентации или определения целевой аудитории. Наименования, не содержащие в себе сообщения для общественности, составляют группу нестратегических.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зверинцев, А. Б.* Коммуникационный менеджмент : рабочая кн. менеджера PR / А. Б. Зверинцев. – 2-е изд., испр. – СПб. : Союз, 1997. – 286 с.
2. *Крюкова, И. В.* Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / И. В. Крюкова. – Волгоград, 2004. – 360 л.
3. *Курбанова, М. Г.* Эргонимы современного русского языка в коммуникативно-прагматическом аспекте / М. Г. Курбанова // Гуманит. исслед. – 2012. – № 1. – С. 29–36.
4. *Носенко, Н. В.* Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Носенко. – Новосибирск, 2007. – 218 л.
5. *Трифонова, Е. А.* Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика: на материале русских и английских эргонимов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Трифонова. – Волгоград, 2006. – 247 л.
6. *Голев, Н. Д.* О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны / Н. Д. Голев // Русские говоры Сибири : сб. ст. / Том. ун-т; ред. В. В. Палагина. – Томск, 1981. – С. 12–20.
7. *Алистанова, Ф. Ф.* Эргонимы современного русского языка как микро-система : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ф. Ф. Алистанова. – Махачкала, 2011. – 179 л.
8. *Гак, В. Г.* К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация: общие вопросы / А. А. Уфимцева [и др.] ; отв. ред.: Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М., 1977. – С. 230–293.
9. *Гак, В. Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Яз. рус. культуры, 1998. – 763 с.
10. *Дзюба, К. А.* Способы формирования наименования торговых марок: на материале английского, русского и французского языков: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / К. А. Дзюба. – Тамбов, 2014. – 190 л.
11. *Тихоненко, Е. В.* Названия внутригородских объектов Минска: мотивация, структура, функционирование : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Е. В. Тихоненко. – Минск, 2015. – 168 л.

The article dwells on the communicative strategies of a business company realized in its name. The author distinguishes the strategies of informing, self-presentation and description of the target audience as well as the linguistic means of their realization.

Поступила в редакцию 17.10.2018

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Е. И. Будникова

МЕТАФОРО-МЕТОНИМИЧЕСКИЕ БЛЕНДЫ
В ЗНАЧЕНИЯХ АНГЛИЙСКИХ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

В статье выявляются модели взаимодействия метафоры и метонимии при формировании значений устойчивых выражений в английском языке, устанавливается и интерпретируется продуктивность исследуемых метафоро-метонимических blends. Выделенные автором четыре разновидности метафтонимии демонстрируют возможность как последовательного (взаимообусловленного), так и параллельного (независимого) действия метафорического и метонимического переносов. При последовательном действии метафоры и метонимии метонимический перенос задействуется для активации некоторого смежного концепта в сфере-источнике и/или сфере-цели метафоры. При параллельном действии метафоры и метонимии в буквальном значении выражения четко выделяются части (зоны), активирующие метафорический и метонимический перенос соответственно.

Метафора и метонимия как ментальные механизмы предполагают использование одной понятийной области (сферы-источника) для описания другой (сферы-цели), но в первом случае основанием этого служит некоторое сходство данных областей, а во втором – их смежность, иными словами, принадлежность общему когнитивному домену. Комбинация этих механизмов ведет к образованию сложного метафоро-метонимического бленда, или метафтонимии [1] (термин Л. Гуссенса), который может рассматриваться, с одной стороны, в статике, в виде формулы [2, с. 197]:

$$(A \text{ вместо } B) + (A \text{ есть } B) = X,$$

где $(A \text{ вместо } B)$ – формула концептуальных метафорических связей,
 $(A \text{ есть } B)$ – формула концептуальных метонимических связей,
 X – метафтонимия.

С другой стороны, существует ряд моделей, описывающих метафтонимию в динамике, т.е. устанавливающих последовательность активации метафоры и метонимии (например, Л. Гуссенса, Ф. Руиза де Мендозы, Д. Герарта, Р. И. Устарханова и др.). Однако, ввиду сложности самого процесса и разнообразия языкового материала, в котором он реализуется, предложенные авторами типы взаимодействия метафоры и метонимии зачастую не являются исчерпывающими.

В настоящей статье предпринимается попытка описать типы метафтонимии с точки зрения комбинаторики составляющих ее механизмов на материале английских устойчивых выражений, в круг которых вошли фразеологические словосочетания с прозрачной внутренней формой, а также ряд поговорок¹.

¹ Для исследования были отобраны 94 английских устойчивых выражения, семантика которых формируется с помощью механизма метафтонимии. Источниками материала послужили толковые и специализированные словари.

Среди моделей, описывающих метафтонимию в динамике, наиболее ранней является классификация типов метафтонимии Л. Гуссенса. Автор выделяет следующие комбинации: метафора из метонимии; метонимия внутри метафоры; деметонимизация внутри метафоры; метафора внутри метонимии [1, р. 336]. В данной концепции нет очевидного доминирования одного из механизмов, хотя и отмечается, что зачастую именно метонимия лежит в основе метафорического значения выражения. Кроме того, автор говорит и о возможности вариативной интерпретации значения выражения: либо как результата действия только метафоры или метонимии, либо метафтонимии¹.

Устанавливая порядок действия механизмов, Л. Гуссенс исходит из сопоставления буквального и результирующего значений выражений. Этим же путем идет и Д. Герартс, определяя при этом четкие корреляции между компонентами буквального и фигурального планов, т.е. метафорические или метонимические связи между ними. При этом автор выводит две основные модели комбинаторики метафоры и метонимии: их параллельное или последовательное действие [5, р. 211–217].

В классификации Р. И. Устарханова выделяется 5 видов метафтонимии: пропорциональная метафтонимия со свободным сочетанием метафорического и метонимического компонентов; многоплоскостная интеграция концептуальных элементов; метафора на базе метонимии с блокированием метонимического конституента; метафора на базе метонимии с сохранением метонимического конституента; метонимия на базе метафоры с сохранением метафорического конституента. В данной типологии прослеживается связь как с идеей Л. Гуссенса о возможности утраты метонимического или метафорического значения одним из компонентов сложного выражения, так и с идеей Д. Герартса о связи (интеграции) частей буквального и результирующего выражения. Кроме того, Р. И. Устарханов указывает и на возможность вариативной трактовки связей элементов буквального и результирующего значений выражения, а также на случаи параллельного (независимого друг от друга) действия механизмов метафоры и метонимии [6, с. 17–19].

Отличной от описанных выше динамических моделей взаимодействия метафоры и метонимии и в то же время одной из наиболее востребованных на сегодня является модель, предложенная Ф. Руизом де Мендозой. Ее характерной чертой является положение о том, что метонимия всегда подчинена метафоре и тем самым является частью ее, но задействуется либо в сфере-источнике, либо в сфере-цели. Динамика взаимодействия метафоры и метонимии описывается в виде схемы метафорического переноса, в которой в сфере-источнике или сфере-цели происходят метонимические сдвиги. Метонимия в данной модели сведена к двум основным типам: часть вместо

¹ Тот факт, что разграничение метафоры и метонимии на основании общности/отдельности когнитивного домена двух налагающихся пространств может приводить к неоднозначности трактовок, отмечается и в работах других исследователей (см. например, [3, р. 62; 4]).

целого и целое вместо части (в наиболее общем понимании). Таким образом, выделяются 4 разновидности метафтонимии: метонимическое расширение сферы-источника метафоры; метонимическое сужение сферы-источника метафоры; метонимическое расширение сферы-цели метафоры; метонимическое сужение сферы-цели метафоры [7, р. 10]. Несомненно, выведение метафорического переноса на ведущие позиции сделало данную классификацию типов метафтонимии более строгой, но, с другой стороны, исключило случаи параллельного действия механизмов метафоры и метонимии.

Анализ отобранных для нашего исследования устойчивых выражений показал, что комбинаторика механизмов метафоры и метонимии в их значениях может быть представлена 4 основными типами. Остановимся более подробно на каждом из них.

1. Метафтонимия с метонимическим переносом в сфере-источнике метафоры. К данному типу относятся разновидности метафтонимии, в которых метонимия предваряет метафору или, другими словами, сфера-источник метафоры указывается через смежный с ней концепт.

Примером модели может служить фразеологизм *straight from the horse's mouth* «from an authoritative or dependable source» (MDAI) ‘из достоверного источника; досл.: прямо изо рта лошади’ (здесь и далее перевод наш. – Е. Б.). Как свидетельствуют этимологические справочники, корни данного фразеологизма уходят в традицию проводить конные скачки¹. Перед началом забега особо ценной является информация о том, какая лошадь имеет больше шансов его выиграть. Этими сведениями могут владеть люди, ухаживающие за лошадьми, тренер, наездники. Но, очевидно, сама лошадь «знает наверняка». Доступ же к метафоре ‘лошадь – достоверный источник информации’ предоставляет метонимия ‘часть вместо целого’ (‘рот лошади – лошадь’) (рис. 1).

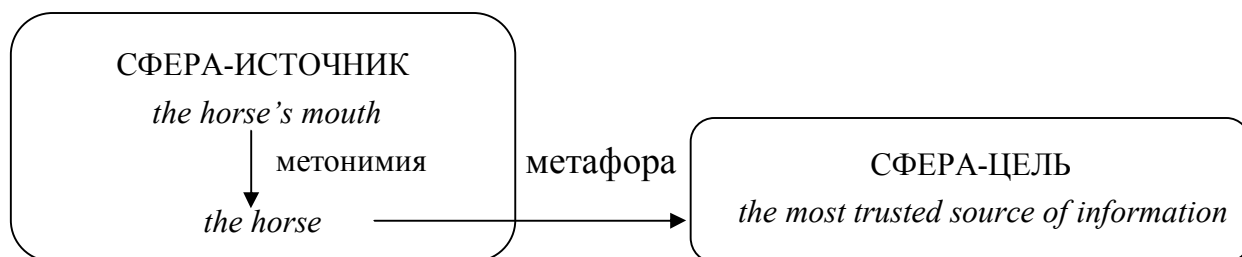

Рис. 1. Модель метафтонимии *straight from the horse's mouth*

Другим примером первого типа является фразеологизм *basket case* «If a country or organization is a basket case, its economy or finances are in a very bad state» (CCID) ‘неэффективная схема или стратегия управления; досл.: корзинный случай’. Изначально это выражение относилось к солдату, лишившемуся на войне конечностей, которого переносят в корзине. Именно этот образ

¹ Здесь и далее этимологическая справка приводится по данным The Phrase Finder [Electronic resource] / ed. by G. Martin. – 2018. – Mode of access : <https://www.phrases.org.uk>. – Date of access : 30.01.2018.

и составляет сферу-источник метафоры ‘человек в корзине – неэффективная стратегия управления’. Метонимия же смещает фокус в сфере-источнике метафоры с содержимого контейнера (человека) на сам контейнер (корзину).

2. Метафтонимия с метонимическим переносом в сфере-цели метафоры. Ко второму структурному типу в нашем реестре относятся разновидности метафтонимии, в которых в сфере-цели метафоры происходит метонимический сдвиг, необходимый для правильного понимания результирующего значения выражения. Интересным примером рассматриваемой модели является фразеологизм *read one's mind* «to guess what someone is thinking» (MDAI) ‘угадывать чужие мысли; досл.: читать чей-нибудь мозг’, в значении которого человеческий мозг сопоставляется с книгой, поскольку и то и другое можно читать. Однако для правильного понимания значения выражения требуется переосмыслить метонимически, что «читать мозг» есть «понимать мысли в нем», т.е. в сфере-цели метафоры происходят еще два метонимических переноса: ‘причина вместо следствия’ (‘читать – понимать’) и ‘контейнер вместо содержимого контейнера’ (‘мозг – мысли в мозгу’) (рис. 2).

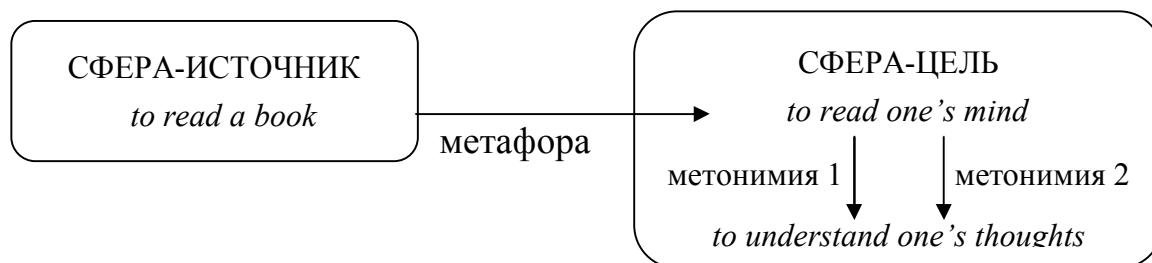

Рис. 2. Модель метафтонимии *read one's mind*

Во фразеологизме *one's lips are sealed* «one will reveal nothing, especially about a secret» (АНДИ) ‘не говорить никому о чем-то, особенно не раскрывать секрет; аналог: на устах печать молчания’ метафора строится на сравнении образа печати на письме и обещания не открывать рта (в обоих случаях информация надежно спрятана). В сфере-цели же смещается фокус с обещания не открывать рта на обещание не рассказывать о чем-то (метонимический перенос с причины действия на его следствие).

3. Метафтонимия с метонимическим переносом в сфере-источнике и сфере-цели метафоры. Данная модель предполагает участие метонимии как на этапе предварения метафоры, так и на завершающем этапе осмысления результирующего значения выражения.

Рассмотрим, например, выражение *keep your pecker up* «used to tell someone to stay cheerful even when it is difficult to do so» (LDOCE) ‘досл.: держи свой клюв вверх, аналог: не вешай нос’. В данном выражении доступом к обобщенной (концептуальной) метафоре PEOPLE ARE ANIMALS служит метонимия в сфере-источнике ‘часть вместо целого’ (клюв птицы – птица). В сфере-цели данной метафоры – образ человека, держащего подбородок кверху, подобно птице. Далее значение ‘держат подбородок кверху’ преобразуется в ‘иметь хорошее настроение’ посредством метонимии ‘следствие вместо причины’.

Еще одним из примеров данной разновидности метафтонимии является выражение *walls have ears* «someone may be listening» (MDAI) ‘кто-то может подслушивать разговор; аналог: у стен есть уши’. Значение данного фразеологизма построено на метафорическом представлении здания как человека. В сфере-источнике метафоры находится человек, который имеет уши, а значит, может слышать (метонимический перенос с инструмента (части тела) на его функцию) (рис. 3).

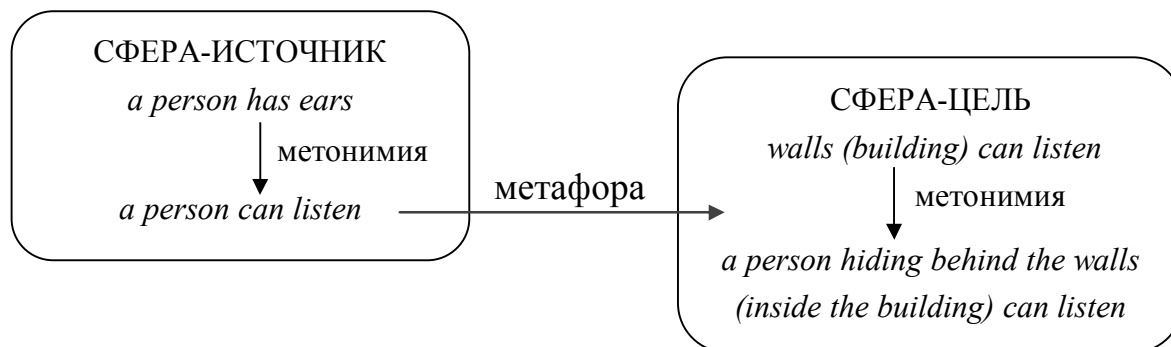

Рис. 3. Модель метафтонимии *walls have ears*

В сфере-цели метафоры в свою очередь происходит метонимический сдвиг по модели ‘контейнер (здание) – содержимое контейнера (человек внутри здания)’.

4. Метафтонимия со свободным сочетанием метафорического и метонимического переносов. Тот факт, что в комплексных выражениях исследуемого типа содержатся предпосылки для фиксации за одними его элементами результатов метафорического переноса, а за другими – результатов метонимии, отмечался и Л. Гуссенсом, и Р. И. Устархановым. Если при этом части выражения относительно независимы друг от друга, возникает возможность такой интерпретации его значения, при которой «конечный продукт декодирования смысла не является однозначно ни метафорой, выросшей из метонимии и блокирующей ее, ни метонимией, а своеобразным слиянием смыслов всех конститuentов подобных тождеств» [6, с. 17].

Рассмотрим пословицу *every dog has its day* «even the lowliest will sometimes come to the fore» (АНДИ) ‘даже людям самого низкого ранга однажды повезет, досл.: у каждой собаки будет свой день’ (рис. 4).

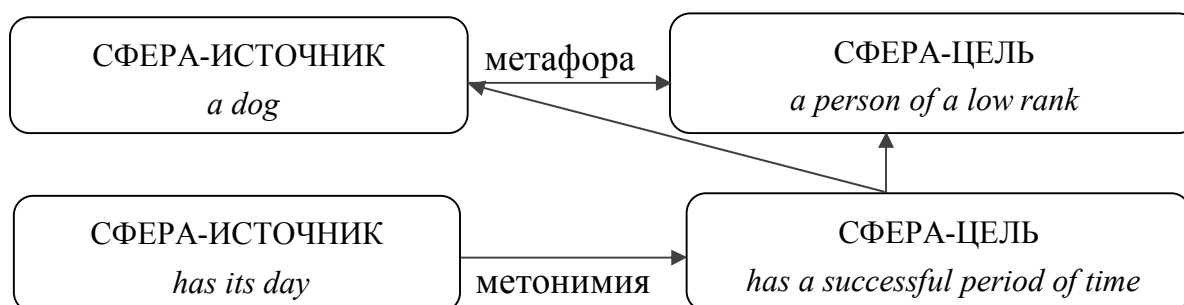

Рис. 4. Модель метафтонимии *every dog has its day*

Метафора в пословице строится вокруг образов собаки как существа, низшего по отношению к человеку, и человека низкого социального статуса, а метонимия закрепляется за другим конституентом выражения, глагольной конструкцией *has its day*, смысл которой приложим как к буквальному значению единицы *dog*, так и к метафорическому.

Еще одним примером свободного сочетания метафоры и метонимии, а также возможности вариативной трактовки этих механизмов является фразеологизм *daylight robbery* «the practice of blatantly or grossly overcharging» (MDAI) ‘открытое и наглое завышение цен; аналог: грабеж среди бела дня’.

С одной стороны, *daylight* ‘при дневном свете’ метафорически может быть переосмыслен как *legal* ‘законный’ (концептуальная метафора LIGHT IS GOOD). В свою очередь элемент *robbery* ‘ограбление’ возможно интерпретировать метонимически, как указание на более общий концепт TAKING MONEY FROM A PERSON (метонимия ‘частное – общее’). С другой стороны, элемент *daylight* может быть интерпретирован и через метонимию, как *visible for everyone* ‘видимый для всех’ (метонимия ‘причина – следствие’), а *robbery* – как реализация коррелятивной метафоры¹ ‘грабитель забирает много денег у своей жертвы – продавец требует много денег у покупателя товара’. Тем самым данное иносказательное выражение допускает интерпретацию как через метафтонимию со свободным сочетанием метафорического и метонимического переносов, так и через две метафоры или две метонимии.

Сравнив продуктивность выделенных моделей метафтонимии в реестре исследуемых выражений, сделаем следующие выводы (таблица).

Продуктивность моделей метафоро-метонимических блендов
в значениях исследуемых устойчивых выражений

Разновидности метафтонимии	Число примеров	Доля в общем реестре выражений, %
Метонимия в сфере-источнике метафоры	48	51
Свободное сочетание метафорического и метонимического переносов	23	25
Метонимия в сфере-цели метафоры	19	20
Метонимия в сфере-источнике и сфере-цели метафоры	4	4

Как видно из таблицы, наиболее продуктивной моделью метафтонимии является разновидность с метонимическим переносом в сфере-источнике метафоры². При этом зачастую в сфере-источнике метафоры посредством метонимии происходит активация формально не выраженных структур знания, смежных с некоторым элементом буквального значения. Так, кон-

¹ См. подробнее о коррелятивной метафоре в [8, с. 65; 9, л. 38; 10].

² Рядом исследователей вообще высказывается мысль о том, что у любой метафоры есть метонимические корни (см., например, [11]).

ститuent *basket* в выражении *basket case* предоставляет доступ к образу инвалида в корзине, который далее становится сферой-источником метафоры ‘инвалид в корзине – нечто неэффективное’. В буквальных значениях выражений *pull (draw) your horns in* ‘снизить свои амбиции; досл.: втянуть свои рога (рожки)’, *prick up one’s ears* ‘прислушаться, напрячь слух, чтобы услышать что-то; досл.: поднять уши’, *on one’s hind legs* ‘в порыве отстаивать свои права; досл.: встав на дыбы’ и т.п. зафиксированы не сами животные, а их характерные действия (улитка втягивает рожки при опасности, собака поднимает уши, прислушиваясь, а лошадь, волнуясь, встает на дыбы). Тем самым действия активизируют образы субъектов этих действий, которые затем метафорически сравниваются с людьми и их действиями в схожих ситуациях.

Достаточно высокие показатели метафтонимии со свободным сочетанием метафоры и метонимии связываются, прежде всего, с наличием в анализируемом корпусе пословиц, имеющих предикативную структуру, в которой зачастую субъект и предикат переосмысливаются метафорически и метонимически, независимо друг от друга. Например, в упомянутой выше пословице *every dog has its day* результат метафоры закрепляется за субъектом *dog*, а метонимии – за предикатом *has its day*. В выражении же *loose lips sink ships* ‘аналог: болтун – находка для шпиона; досл.: несомкнутый рот топит корабли’, напротив, субъект *loose lips* переосмысливается метонимически (по моделям ‘часть – целое’ и ‘инструмент – функция’), а предикат *sink ships* – метафорически (топить корабли – вредить своей стране). Кроме того, в ряде атрибутивных фразеологических сочетаний (типа *daylight robbery* или *blue blood* ‘аристократия; аналог: голубая кровь’) также наблюдается параллельное действие механизмов метафоры и метонимии и фиксация их результатов за разными компонентами сочетаний.

Таким образом, сопоставление буквального и результирующего значений английских метафтонимических выражений показало, что внутри метафоро-метонимического бленда может наблюдаться как последовательное (взаимообусловленное), так и параллельное (независимое) действие механизмов метафоры и метонимии. При последовательном действии метафоры и метонимии метонимический перенос задействуется для активации некоторого смежного концепта, что зачастую предшествует метафорическому переносу, однако может и следовать за ним. При параллельном действии метафоры и метонимии в буквальном значении выражения четко выделяются части (зоны), активизирующие метафорический и метонимический перенос соответственно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Goossens, L.* Metaphtonymy. The interaction of metaphor and metonymy in linguistic action / L. Goossens // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – 1 (4). – P. 323–340.
2. *Шарманова, О. С.* Метафтонимия как концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии / О. С. Шарманова // *Вестн. ИГЛУ*. – 2011. – № 1 (13). – С. 194–200.

3. *Feyaerts, K.* Refining the inheritance hypothesis: interaction between metaphoric and metonymic hierarchies / *K. Feyaerts // Metaphor and Metonymy at the Crossroads : A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona.* – Berlin ; N. Y., 2003. – P. 59–76.
4. *Sullivan, K.* Is “Generic is specific” a metaphor? / *K. Sullivan, E. Sweetser // Meaning, Form, and Body / ed. by F. Parrill [et al.].* – Stanford, CA, U.S.A, 2009. – P. 309–327.
5. *Geeraerts, D.* Words and other wonders: papers on lexical and other topics / *D. Geeraerts ; ed. by R. Langacker [et al.].* – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter, 2006. – 493 p.
6. *Устарханов, Р. И.* Метафтонимия в английском языке: интерпретационно-когнитивный анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / *Р. И. Устарханов ;* Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2006. – 21 с.
7. *Ruiz de Mendoza, F.* Going beyond metaphonymy: metaphoric and metonymic complexes in phrasal verb interpretation / *F. Ruiz de Mendoza, A. Galera Masegosa // Language Value.* – 2011. – № 3 (1). – P. 1–29.
8. *Никитин, М. В.* Курс лингвистической семантики : учеб. пособие / *М. В. Никитин.* – 2-е изд., доп. и испр. – СПб. : Изд-во Рос. гос. пед. ун-та, 2007. – 819 с.
9. *Сидоренко, М. Н.* Метафорические модели в системно-функциональном аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / *М. Н. Сидоренко.* – Минск, 2012. – 177 л.
10. *Grady, J. E.* Typology of motivation for conceptual metaphor : correlation vs. resemblance / *J. E. Grady // Metaphor in Cognitive Linguistics: sel. papers from the Fifth Intern. Cognitive Linguistics Conf., Amsterdam, 14–19 July, 1997 / ed. by R. W. Gibbs, G. J. Steen.* – Amsterdam, Philadelphia, 1999. – P. 79–100.
11. *Barcelona, A.* On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual metaphor / *A. Barcelona // Metaphor and Metonymy at the Crossroads : A Cognitive Perspective / ed. by A. Barcelona.* – Berlin ; N. Y., 2003. – P. 31–58.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. AHDI – The American Heritage Dictionary of Idioms [Electronic resource] / ed. by C. Ammer. – 2003. – Mode of access : <http://www.yourdictionary.com>. – Date of access : 02.02.2018.
2. CCID – Collins COBUILD Idioms Dictionary / ed. by J. Sinclair. – HarperCollins Publ., 2012. – 544 p.
3. LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.ldoceonline.com>. – Date of access : 03.05.2018.
4. MDAI – McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs / ed. by R. A. Spears. – N. Y., etc. : The McGraw-Hill Co, Inc., 2005. – 1080 p.

The article reveals the types (models) of metaphor-metonymy interaction basing on a case study of English phraseological units. The suggested four types of metaphonymy account for both consecutive (interdependent) and parallel (independent) activation of metaphor and metonymy. The most productive metaphonymy type is the one with the metonymy preceding (or triggering) the metaphoric shift.

Поступила в редакцию 02.11.2018

Н. В. Зиневич

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И СУБЪЕКТНОСТЬ НАУЧНОГО ДИСКУРСА В АСПЕКТЕ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Цель статьи – выявление специфики языкового выражения когнитивно-коммуникативных категорий интенциональности и субъектности в дискурсе науки и установление характера их взаимодействия. Анализ показал, что в жанре научно-исследовательской статьи автор может проявлять свое присутствие как субъект познания, субъект мнения и оценки, а также субъект речи. В статье доказывается, что данные аспекты авторского начала, как и средства их реализации, напрямую зависят от экстралингвистической основы коммуникации в целом и коммуникативной интенции адресанта в частности.

В последнее время можно говорить о стремительном развитии *когнитивно-дискурсивной парадигмы* в лингвистике, которая во многом стала пунктом пересечения основных положений антропоцентризма и в качестве ведущего принципа заявила изучение речевой деятельности в ее обусловленности максимально широким спектром экстралингвистических фактов [1, с. 7]. При этом одна из ведущих позиций при анализе отводится когнитивной деятельности, т.е. комплексу мыслительных процессов, определенных структур знания и психологических параметров участников речевой коммуникации [2, с. 17].

Пристальное внимание к ситуативному контексту, в котором функционируют речевые сообщения, не случайно и вызвано его основополагающим влиянием на все аспекты речепроизводства [3, с. 253]. Так, в частности, интенция отправителя сообщения «содержательно выстраивает материал в тексте и тем самым организует речевую фактуру» [Там же, с. 254], определяя «семантическую структуру дискурса, коммуникативные стратегии, языковые маркеры семантических компонентов и стратегий» [4, с. 29]. Отсюда можно сделать вывод о том, что намерения и установки коммуникантов обеспечивают непосредственную регуляцию их речевого поведения [2, с. 17].

Целью данной статьи является выявление специфики языковой реализации коммуникативных интенций говорящего на примере исследовательской статьи как особого жанра научного дискурса. Кроме того, в фокус внимания попадает вопрос о формах возможного взаимодействия в речи таких генетически связанных компонентов экстралингвистической ситуации, как интенции субъекта речи, с одной стороны, и его личность, с другой. Данные факторы актуализируются в тексте с помощью соответствующих коммуникативно-дискурсивных категорий интенциональности и субъектности.

Категория интенциональности. Подходы к определению и существенные характеристики. Согласно Л. Р. Дускаевой, **интенциональность** является «одним из важнейших компонентов речевой деятельности» и трактуется как «присущее субъекту намерение к порождению речи» [3, с. 253]. При этом автор особо подчеркивает, что категория интенциональности – комплексный «многослойный» феномен, включающий иерархию интенций различной

направленности. Нижнюю ступеньку в данной иерархии занимают дескриптивные интенции, связанные с отражением окружающей действительности [5, с. 53]. Однако, как полагает Л. Р. Дускаева, фактуальная сторона сообщения в значительной мере предопределяется интенциями более высокого ранга, а именно целенаправленной активностью сознания адресанта, ориентированного на создание сообщения с учетом личного опыта и ожидаемого воздействия на аудиторию [3; 5]. Таким образом, у Л. Р. Дускаевой и ее последователей дается широкое определение категории интенциональности как иерархически организованной системы интенций дескриптивного и модального планов.

В более узком понимании интенциональность может трактоваться как категория сугубо коммуникативного плана, а именно как глобальная авторская интенция, организующая весь процесс коммуникации в соответствии с осуществлением того или иного воздействия на адресата [4, с. 18]. При этом различия в коммуникативных ситуациях предопределяют дискурсо- и жанроспецифический характер авторских интенций.

Таким образом, различные авторы могут подходить к определению интенциональности с различных позиций, что, тем не менее, не отрицает практически единодушного признания за данной категорией следующих существенных признаков. Прежде всего, это ее текстообразующий характер, а именно фундаментальное влияние на текст в совокупности его формальных и смысловых составляющих. Кроме того, можно говорить о том, что интенциональность интегрирует все другие категории текста и языка, выступая среди них в роли своеобразной доминанты [6]. Также исследователи сходятся в понимании языковой личности как агента коммуникативно целесообразного употребления языковых средств [3, с. 255]. Как следствие, интенциональность всегда сопряжена с достижением адресантом определенного результата, под которым имеется ввиду то или иное воздействие на адресата [5, с. 52].

При наличии существенных подвижек в изучении интенциональности (прежде всего на материале русско- и англоязычного медиадискурса), необходимо отметить недостаточную разработанность данной перспективной проблематики в контексте всего жанрово-дискурсивного разнообразия языков. Таким образом, выявление и последующее сопоставление ведущих интенций авторов различных типов речевых сообщений представляет собой актуальную задачу.

Определение категории субъектности. Актуализация субъектности в научном дискурсе. Современная лингвистика в качестве исходного принципа использует идеи антропоцентризма и, как результат, постулирует главенствующий статус языковой личности во всех аспектах речевой деятельности. Вполне закономерен, таким образом, повышенный интерес исследователей к вопросам актуализации человеческого начала на текстовом пространстве, что находит отражение в активизации внимания к коммуникативной категории субъектности. Т. П. Карпилович рассматривает субъект-

ность в широком плане, определяя ее как категорию, «предполагающую все возможные формы участия говорящего в высказывании» [7, с. 48]. При этом констатируется сложный характер данного феномена, что связывается с возможностью выделения в нем субкатегорий адресанта, адресата, а также других участников сообщения [Там же, с. 9–13]. В настоящей работе субъектность в научной коммуникации будет рассматриваться на примере только одного компонента, а именно субкатегории адресанта.

Не вызывает сомнений тот факт, что человеческая личность является многогранной по своей сути и в каждой новой ситуации проявляет уникальные конфигурации различных своих сторон (интеллект, эмоции, воля и т.д.). Так, И. П. Тарасова говорит о том, что для целей общего лингвистического анализа в структуре личности коммуниканта могут быть выделены «Я телесное (физическое, физиологическое), Я социальное, Я интеллектуальное, Я психологическое и Я речемыслительное» [8, с. 105]. Уточняя данную классификацию применительно к научному дискурсу, нами было обнаружено, что автор-ученый активно позиционирует себя в таких ипостасях, как *субъект познания, субъект речевой деятельности, а также субъект мнения и оценки* [9]. Проследим далее, как данные формы проявления авторского начала реализуются в жанре исследовательской статьи на английском и белорусском языках.

Анализ фактического материала показал, что для представления себя как **субъекта познания** ученый прибегает к глаголам и их дериватам со значениями зрительного восприятия и различных этапов мыслительной деятельности: *As we saw earlier; (From this example) we may infer the following...; The study found that...; Калі падвесці вынікі зробленым назіранням...; З назіранняў бачна, што...; Як было высветлена...* и т.п. Из примеров можно увидеть, что на текстовой плоскости автор стремится в той или иной форме репродуцировать те фазы интеллектуального поиска, через которые он прошел в процессе научного познания. В самом общем виде данные когнитивные этапы можно представить в следующем виде: обнаружение проблемной ситуации – гипотеза – доказательство гипотезы – вывод [10, с. 23].

Особую группу среди маркеров присутствия автора как субъекта познания составляют коннекторы (союзы, союзные слова, вводные слова и выражения), отражающие, с одной стороны, ход рассуждения ученого, а с другой, логику повествования: *moreover, on the contrary, in particular, in addition; але, аднак, акрамя гэтага, наадварот* и т.п.

Если проанализировать представленность индикаторов автора как субъекта познания в жанре исследовательской статьи, можно обнаружить, что они преобладают среди других форм реализации категории субъектности, составляя 57 % в англоязычном материале и 63 % в белорусскоязычном. Тем самым доказывається не только ориентированность научной статьи на отражение процесса и результатов познания, но и преимущественная нацеленность автора на представление себя в роли субъекта, вырабатывающего объективное и достоверное знание.

Вместе с тем нельзя утверждать, что в исследовательской статье отражается только беспристрастный научный поиск. Так, дальнейший анализ показал, что в данном жанре достаточно частотными являются случаи выражения автором не только объективного верифицируемого знания, но и **мнения** (чья достоверность может быть подвергнута сомнению) – по 23 % в англо- и белорусскоязычном материале.

Свое субъективное отношение к достоверности сообщаемого автор может варьировать в терминах категоричности, высказывая мнения как с большей, так и с меньшей степенью убежденности: *Вылучаныя намi характарыстыкі, мяркуем, можна лічыць і фармальнымі паказчыкамі прагматычнай маркіраванасці (экспрэсіўнасці) усяго сказа/выказвання* (Весці НАН Беларусі, 2007). В качестве основных экспликаторов здесь задействуются предикаты *think, believe, seem, appear; выказаць думку, меркаваць, лічыць* и т.п. Кроме того, актуализации автора как субъекта мнения способствуют вводные слова и выражения с соответствующей семантикой: *apparently, clearly, of course, perhaps; ясна, відавочна, на нашу думку, на наш погляд*, а также модальные глаголы со значением вероятности *can, could, may, might, must; магчы*: *Finally, metaphor can be seen as the message from which the text departs* (metaphoric.de).

Что касается прагматики субъективно отмеченных категоричных высказываний, то их целесообразность в дискурсе науки очевидна ввиду мощного убеждающего воздействия [11]. Некатегоричные сообщения также обладают значительным прагматическим потенциалом, способствуя уменьшению доли авторской ответственности за соответствие высказываемого действительности, что является действенным средством сохранения собственного лица [12]. Кроме того, сниженная категоричность может придавать авторскому монологу форму «открытого конца», не исключая альтернативные точки зрения и обращенного к будущим разработкам [10, с. 57]. Также, смягчение категоричности помогает осуществить отрицательную оценку других исследователей корректно и в соответствии с принятыми в научном сообществе канонами кооперативности: *The whole issue does not seem very decisive*.

Продолжая анализ **оценки** в научном дискурсе, необходимо подчеркнуть, что при актуализации данного аспекта своего мнения автор-ученый закономерно стремится выразить не эмоциональное, а рациональное отношение к объекту исследования. Следовательно, в языке науки преобладают предикаты рациональной оценки сообщаемого с точки зрения таких аксеологических характеристик, как важность, полезность, целесообразность, соответствие стандарту: *Thus, the thesis <...> is untenable* (Style, 2006). Основными языковыми актуализаторами в данном случае будут выступать оценочные прилагательные, а также наречия-интенсификаторы со значением степени проявления некоторого признака/действия: *completely, considerably, fully, largely, overwhelmingly, to a certain extent, to the fullest; вельмі, досыць, значна, максімальна, пераважна, поўнасьцю, у значнай ступені, цалкам*.

И, наконец, третьей ипостасью, в которой может выступать адресант научного текста, является **субъект речевой деятельности**. Данная форма

проявления авторского начала также распространена в исследовательской статье и составляет по 16 и 14 % в англо- и белорусскоязычном материале соответственно. Анализ показал, что как субъект речи автор научного произведения может быть ориентирован, с одной стороны, на организацию собственного текста, а с другой, на адресата. Так, метатекстовые элементы типа *to recap, to summarize; падсумоўваць, падагульняць* в первую очередь призваны структурировать сообщение, преподнося его сквозь призму авторского творческого начала: *Падсумоўваючы вынікі аналізу, адзначым: колькасць структурных мадэляў для выражэння эмацыянальнага стану асобы значна ўступае колькасці мадэляў, што перадаюць эмацыянальныя адносіны чалавека да каго-/чаго-небудзь* (Веснік БДУ, 2006).

Что касается экспликации автора-субъекта речи как агента, целенаправленно сообщающего научное знание своей аудитории, то в данной функции активно используются глаголы речевой деятельности и передачи информации: *remark, claim, say, show; казаць, канстатаваць, адзначаць, паказваць* и т.п.: *As was said earlier, print novelists have experimented with the technique of immersing the reader in a scene of dialogue with little or no contextual framing...* (Narrative, 2007).

В заключение рассмотрения форм автореференции в научной исследовательской статье отметим, что среди них абсолютно преобладают косвенные индикаторы и при этом прямые средства (т.е. личные местоимения первого лица *I, we; я, мы*) сводятся к минимуму. Доминирование косвенных средств самовыражения доказывает желание автора представить себя в первую очередь как члена коллектива, участвующего в совместном поиске объективного и достоверного знания, и четко согласуется с главной имиджеобразующей задачей научной коммуникации – быть принятым в качестве легитимного члена научного сообщества.

Взаимодействие категорий интенциональности и субъектности в научном дискурсе. Традиционно в качестве основной цели научной коммуникации постулируется сообщение информации [13, с. 336]. Однако такая формулировка является слишком общей, а проведенное исследование убеждает в необходимости ее уточнения. Представляется, что в качестве ведущей коммуникативной интенции автора научного дискурса правомерно говорить об *информирующем воздействии*: очевидно, что в его задачи входит не только передача информации, но и ее принятие квалифицированным адресатом как правомерной. Для достижения данной цели адресанту необходимо учитывать особенности экстралингвистической ситуации, в частности, условия протекания коммуникации и характеристики ее основных участников. Общепринятыми в научной среде параметрами легитимности информации являются ее объективность, беспристрастность, обоснованность, обобщенность и актуальность [14]. Следовательно, основную коммуникативную интенцию адресанта научно-исследовательского дискурса можно сформулировать как *сообщение объективной и обоснованной научной информации об актуальной исследовательской проблеме с последующим убеждением адресата-эксперта в ее правомерности*.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает основополагающую роль интенциональности в формально-содержательном представлении

жанра научно-исследовательской статьи, в частности, применительно к реализации категории субъектности. Так, превалирование косвенных средств самовыражения является очевидным свидетельством в пользу стремления придать изложению максимально беспристрастный, лишенный признаков открытой субъективности характер. Убеждению в объективности результатов исследования также служит преимущественное использование рациональной оценки.

Что касается видов присутствия автора в тексте, то значительное доминирование среди них маркеров автора как субъекта познания отчетливо говорит о попытке обосновать сообщаемое знание путем демонстрации принятого в научном сообществе пути его формирования (от выявления проблемной ситуации к формулированию выводов). Этой же цели способствуют категоричные высказывания, косвенно свидетельствующие об уверенности автора и точности проведенного исследования.

Особого внимания в данном анализе заслуживает роль показателей мнения, чья достаточно высокая частотность находится в видимом несоответствии с требованием беспристрастности и определенности научного знания. Как было показано, субъективно окрашенные высказывания мнения вносят свой вклад в повышение убеждающей силы сообщения, нацеленного на узкий круг аудитории – специалистов.

Таким образом, можно заключить, что выявленные особенности выражения категории субъектности в научной исследовательской статье непосредственно отражают все аспекты ведущей авторской интенции, состоящей в убеждении узкого круга экспертов в объективности и обоснованности сообщаемой информации. Данная целеустановка, в свою очередь, предопределяется типовыми особенностями широкой экстралингвистической ситуации, в которой осуществляется научная коммуникация.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпилович, Т. П.* Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2003. – 226 с.
2. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : URSS, 2015. – 304 с.
3. *Дускаева, Л. Р.* Интенциональность речевой деятельности журналиста: Онтология и структура / Л. Р. Дускаева // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. – 2012. – Вып. 2. – С. 253–260.
4. *Карпилович, Т. П.* Способы языковой реализации интенциональности в проблемном медиадискурсе / Т. П. Карпилович // Контрастивные исследования: текст, предложение, слово : сб. науч. ст. / Минск. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – Вып. 4. – С. 27–33.
5. *Дускаева, Л. Р.* Интенциональность и модализация медиатекста в контексте культуры / Л. Р. Дускаева, Т. И. Краснова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3 (49). – С. 51–57.
6. *Кулько, О. И.* Интенциональность как категория летописного текста : на материале Галицко-Волынской летописи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. И. Кулько. – Волгоград, 2002. – 198 л.

7. *Карпилович, Т. П.* Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 160 с.
8. *Тарасова, И. П.* Структура смысла и структура личности коммуниканта / И. П. Тарасова // *Вопр. языкознания.* – 1992. – № 4. – С. 103–110.
9. *Зиневич, Н. В.* Прагматика научных обобщений в аспекте фактора адресанта / Н. В. Зиневич // *Контрастивные исследования языков и культур : материалы II междунар. науч. конф., Минск, 27–28 окт. 2015 г. : в 2 ч. / Минск. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.].* – Минск, 2017. – Ч. 1. – С. 13–18.
10. *Чернявская, В. Е.* Научный текст и его филологическая интерпретация : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 88 с.
11. *Малышкин, К. Ю.* Семантико-прагматический подход к изучению категоричности высказывания / К. Ю. Малышкин // *Ом. науч. вестн. Сер. Общество. История. Современность.* – 2013. – № 4 (121). – С. 121–123.
12. *Цапко, В. И.* Семантическое и прагматическое соответствие англоязычных и русскоязычных некатегоричных высказываний (на материале лингвистических текстов) / В. И. Цапко // *Вестн. ПГЛУ.* – 2008. – № 4. – С. 105–111.
13. *Арнольд, И. В.* Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – Изд. 9-е. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 384 с.
14. *Троянская, Е. С.* Лингвостилистические исследования немецкой научной литературы / Е. С. Троянская ; отв. ред. В. Д. Девкин. – М. : Наука, 1982. – 310 с.

The paper looks into the linguistic specifics of the ways the communicative categories of intentionality and subjectivity correlate with each other in the scientific discourse. It has been found out that all forms of the author's presence in the scientific text are determined by his/her intention and extralinguistic situation in general.

Поступила в редакцию 24.01.2019

К. А. Котов

ПОРТУГАЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данная статья посвящена анализу лексических заимствований из португальского языка в современном английском языке. Цель исследования – предоставить семантическую классификацию заимствованной лексики и выделить соответствующие лексико-семантические группы. Такая классификация носит междисциплинарный характер, поскольку семантика заимствований отражает не только лингвистический аспект взаимодействия языков, но и особенности внеязыковой действительности, определяющие вектор данного взаимодействия на протяжении истории народов, которые являются носителями этих языков и культур.

Фрагментарный характер аналогичных исследований как в русскоязычных, так и в иностранных источниках, отсутствие подробной семантической классификации португальских заимствований, практический интерес в области языкознания, а также смежных гуманитарных наук, в первую очередь истории и культурологии, определяют актуальность данной работы.

Динамичный характер развития любого естественного языка как системы наиболее очевиден в диахроническом срезе, который не только свидетельствует о значительности изменений на всех языковых уровнях, но также

позволяет убедиться в неустойчивости данных изменений. В этом смысле именно лексический уровень в наибольшей степени подвержен изменениям. Языки не изолированы друг от друга, их постоянное взаимодействие обусловлено расширением межъязыковых контактов, что позволяет говорить о процессе заимствования лексических единиц как об одном из наиболее продуктивных способов пополнения словарного состава любого естественного языка.

Английский язык не только не становится исключением из данного правила, но и во многом является наиболее ярким его примером, демонстрируя высокую восприимчивость к заимствованию из различных языков, контакты с которыми могли носить как продолжительный, так и эпизодический характер.

В первую очередь речь идет о заимствованиях из латыни, французского, греческого, древнескандинавского, немецкого, итальянского и некоторых других европейских и неевропейских языков. Данные заимствования, как правило, достаточно хорошо изучены. Тем больший интерес для нас представляют заимствования из португальского языка, немногочисленный характер которых в словарном составе современного английского языка не способствовал их полноценному изучению в среде как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Немаловажным препятствием выступили также сложности, сопряженные с точностью определения этимологии заимствований на фоне близкого родства португальского и испанского языков. В англоязычных источниках вопрос португальских заимствований раскрывается, как правило, в отдельных разделах и подразделах трудов по этимологии и истории развития и становления лексического состава английского языка, что не позволяет говорить об их достаточной изученности.

Причину немногочисленности португальских заимствований в английском языке объясняет португальский историк Альфреду Пинейру Маркес в своей книге «Guia de História dos descobrimentos e expansão Portuguesa». Автор отмечает, что данный факт связан с тем, что ни Португалия, ни Бразилия никогда не находились в центре особого внимания английского общества и не оказывали на него сильного влияния. Однако в Средние века, по словам ученого, Португалия стала одной из ведущих европейских держав и ведущей морской державой. Вследствие этого португальский язык получил широкое распространение в ряде стран Африки, Азии и Америки, что привело к резкому возрастанию числа носителей и соответственно к резкому увеличению межкультурных и межъязыковых контактов на этих территориях, в том числе контактов с английским языком [1]. В связи с этим мы хотели бы отметить, что не следует недооценивать то влияние, которое португальский язык оказал на становление и развитие английского лексикона, так как и здесь можно установить соотнесенность лексических единиц с новыми понятиями окружающей действительности, а также случаи уточнения уже имеющихся понятий.

Британский лингвист Филипп Дуркин в своей работе «Borrowed Words: A History of Loanwords in English» датирует первые заимствования из португальского языка концом XV в.: «A single very late Middle English borrowing directly from Portuguese may be shown by *marmalade* (1480)» [2, p. 364].

Ученый пишет, что основной приток португальских заимствований приходится на вторую половину XVI в., также достаточно много португальских

слов проникло в английский язык в начале и середине XIX века. Однако их пропорция по отношению ко всем новым словам, вошедшим в английский язык в тот или иной исторический период, никогда не превышала 0,55 % (1550–1590) [2].

Джон Альгео подтверждает в своем труде «The Origins and Development of the English Language», что основные заимствования из португальского относятся к периоду XVI–XVIII вв., а их соотношение по сравнению с количеством испанских заимствований достаточно невелико: «A good many Spanish and a smaller number of Portuguese loanwords entered English between the sixteenth and eighteenth centuries» [3, p. 287].

Роберт Стоквел и Донка Минкова в книге «English Words: History and Structure» тоже рассматривают португальские заимствования в тесной связи с испанскими, указывая на то, что заимствования из данных языков связаны с культурными традициями и достижениями, а также военно-морскими подвигами и завоеваниями этих народов: «Spanish and Portuguese borrowings also reflect the cultural traditions and accomplishments and the naval and military exploits of the countries of origin. Spain and Portugal led Europe in the colonization of the New World» [4, p. 45].

Говард Джексон отмечает, что многие заимствования из других языков проникли в английский через посредство испанского или в меньшей степени португальского языков. Особенно это касается языков Нового Света: «Most of the borrowings from Spanish and Portuguese have occurred from the sixteenth century onwards. English has borrowed directly from Spanish, and to a lesser extent from Portuguese, but in addition many non-European words from the colonies found their way into English via these two languages. Many of these loanwords came from the New World» [5, p. 48].

Среди русскоязычных исследователей изучению португальских заимствований в английском языке особое внимание уделяет М. Р. Мухаметдинов, в статье которого предлагается авторская классификация таких лексических единиц по этимологическому и тематическому параметрам. В рамках этимологической классификации М. Р. Мухаметдинов подтверждает факт заимствований, языком происхождения которых не является непосредственно португальский язык. Он лишь сыграл роль языка-источника, из которого лексика была заимствована английским языком. По происхождению такая лексика может быть выделена в группы, четко отражающие распространение португальского языка в мире: 1) собственно португальская; 2) индобразильская; 3) индийская; 4) индонезийская; 5) лузобразильская; 6) африканская; 7) арабская; 8) прочее [6].

Принимая во внимание работы вышеупомянутых авторов, мы считаем, что было бы небезынтересно проанализировать португальские заимствования с точки зрения их принадлежности к тем или иным лексико-семантическим группам и попытаться провести соответствующую классификацию данных заимствований, поскольку именно семантика в лучшей степени раскрывает особенности языка, которые могут представлять интерес не только для лингвистики, но и для таких наук, как история, культурология, антропология.

Отсутствие такой классификации в русскоязычных и иностранных источниках, а также междисциплинарный характер результатов подобного исследования определяют наше особое внимание к данной теме.

Для выполнения поставленной цели в результате сплошной выборки из словарей «The Oxford Dictionary of English Etymology» и «The Oxford Dictionary of Foreign Words and Phrases» было отобрано 151 заимствование из португальского языка.

В рамках исследования семантического разнообразия португальских заимствований с целью обнаружения и выделения лексико-семантических групп данных заимствований в лексической системе английского языка мы обратились к методу компонентного анализа и статистическому методу.

Подавляющее большинство рассмотренных нами заимствований (96,6 %) относятся к именным частям речи: существительным и прилагательным. В частности, небольшое количество заимствований может выступать в качестве как существительных, так и прилагательных: *albino* ‘альбинос’, *creole* ‘креол’, *gentoo (gentio)* ‘индус’, *mulatto* ‘мулат’, *negro* ‘чернокожий’, *piccaninny* ‘маленький’ и т.п. Незначительное количество заимствований принадлежат к глагольным частям речи: *to savvy* ‘понимать’, *to steeve* ‘грузить’, *to valorise* ‘устанавливать цену путем государственных мероприятий’.

В результате анализа фактического материала нами были выделены 13 лексико-семантических групп португальских заимствований в английском языке.

Приведем основные результаты исследования португальских заимствований, объединенных в группы в соответствии с реализуемой ими семантикой с указанием процентного соотношения.

1. **Растительный мир** (23,1 %): а) названия растений, например: *areca* ‘пальма катеху’, *banyan* ‘баньяновое дерево’, *cashew* ‘орех кешью’, *gram* ‘турецкий горох’, *jackfruit* ‘плод хлебного дерева’, *mango* ‘манго’, *sargasso* ‘саргассовая водоросль’, *teak* ‘тик’; б) продукты растительного происхождения: *curare* ‘кураре, яд из коры некоторых растений’, *farinha* ‘маниоковая мука’, *indigo* ‘краска индиго’, *sago* ‘саговый крахмал’; в) болезни растений: *tristeza* ‘тристеца, внезапное увядание цитрусовых деревьев’ и т.п.

Лексические единицы этой ЛСГ в большинстве случаев изначально заимствовались в португальский язык из местных языков Южной Америки, Азии и Африки. Впоследствии данные заимствования проникли из португальского языка в английский. Их важность для англоязычных стран и территорий связана, вероятно, с особой ценностью обозначаемых ими растений или продуктов, изготовленных на их основе, которые могли служить ценным объектом торговли.

2. **Характеристика человека** (15,9 %): а) форма вежливого обращения: *dona* ‘дона’, *senhor* ‘сеньор’, *senhora* ‘сеньора’; б) социальный статус: *caste* ‘каста’, *grandee* ‘вельможа’; в) профессия, должность, род деятельности: *amah* ‘горничная, служанка в Юго-Восточной Азии’, *comprador* ‘туземец-управляющий’, *mandarin* ‘высший государственный чиновник’, *nabob* ‘набоб’; г) национальная или региональная принадлежность: *carioca* ‘житель Рио-де-Жанейро’, *gentoo* ‘индус’; д) расовая принадлежность: *creole* ‘креол’, *mulatto* ‘мулат’, *negro* ‘чернокожий’; е) внешняя характеристика: *albino* ‘альбинос’ и т.п.

Такое семантическое многообразие заимствований отражает широкое географическое распространение Португальской империи, в результате чего появилась потребность в новой лексике для новых, ранее не существовавших в португалоязычной среде понятий. В частности, речь идет о лексических единицах, обозначающих различные должности и профессии, распространенные на колонизированных территориях. Данная лексика часто является исконной для этих территорий и была изначально заимствована в португальский язык из соответствующих местных языков. В дальнейшем португальский язык послужил источником заимствования этой лексики в английский язык.

3. **Животный мир** (15,2 %): а) млекопитающие: *capybara* ‘капибара’, *buffalo* ‘буйвол’, *jaguar* ‘ягуар’, *tamandua* ‘американский муравьед’, *tapir* ‘тапир’, *zebra* ‘зебра’; б) рыбы: *anchovy* ‘анчоус’, *moray* ‘морена’, *piranha* ‘пирания’; в) птицы: *albatross* ‘альбатрос’, *jabiru* ‘ябиру’; г) рептилии: *cobra* ‘кобра’ и т.п.

4. **Названия еды и напитков** (12,5 %): а) национальные блюда и продукты: *churrasco* ‘мясо на гриле’, *feijoada* ‘фейжоада, национальное блюдо бразильской кухни’, *molasses* ‘патока’, *marmalade* ‘мармелад’, *vindaloo* ‘острое карри’; б) вина: *madeira* ‘вино с острова Мадейра’, *port wine (porto)* ‘портвейн’; в) крепкие алкогольные напитки: *caipirinha* ‘крепкий алкогольный коктейль’, *pinga* ‘самогон’ и т.п.

Данная лексико-семантическая группа тесно связана с развитием бразильской национальной кухни и приобщением к ней, в том числе англоязычных поселенцев, торговцев и дипломатов. Именно поэтому данный пласт заимствований в большей степени относится к более поздним историческим периодам, когда Бразилия сформировалась как суверенное, независимое государство с развитой национальной культурой.

5. **Названия денежных знаков** (7,2 %): а) денежные знаки Португалии: *crusado* ‘крузадо’, *escudo* ‘эскудо’; б) денежные знаки Бразилии: *cruzeiro* ‘крузейро’, *real* ‘реал’; в) денежные знаки как Португалии, так и Бразилии: *centavo* ‘сентаво’, *milreis* ‘милрейс’; г) денежные знаки подконтрольных Португалии территорий: *avo* ‘аво’, *cash* ‘кэш’, *pataca* ‘патака’ и т.п.

6. **Культурные артефакты** (6,6 %): а) музыка и танцы: *bossa nova* ‘босанова’, *capoeira* ‘капоэйра’, *lambada* ‘ламбада’, *samba* ‘самба’; б) музыкальные инструменты: *maraca* ‘марака, небольшой барабан’; в) лингвистические особенности региона: *lingua geral* ‘лингва жерал, обобщенное название для двух контактных языков на территории Бразилии’, *palaver* ‘переговоры, пустая болтовня’ и т.п.

Музыка и танцы являются неотъемлемым элементом национальной культуры, поэтому лексика, связанная с этим аспектом жизни, легко заимствуется и впоследствии обнаруживает себя в различных языках мира, в том числе и в английском языке.

7. **Термины кораблестроения и мореплавания** (3,3 %): а) типы судов: *caravel* ‘каравелла’, *junk* ‘джонка’, *launch* ‘баркас’; б) элементы конструкции судна: *binnacle* ‘нактоуз’; в) природные явления, связанные с мореплаванием: *corposant* ‘огни святого Эльма’.

Будучи одной из самых могущественных морских держав своего времени (наряду с Испанией и Голландией), Португалия оставила свой след в виде ряда терминов, заимствованных в различные языки, в том числе и в английский.

8. **Названия природных явлений** (1,3 %): а) погодные явления: *typhoon* ‘тайфун’; б) особенности ландшафта: *sertao* ‘полупустыня с редкостойными тополями и ивами в Южной Америке’.

9. **Названия архитектурных построек** (3,9 %): *favela* ‘фавела’, *quinta* ‘загородная вилла в Южной Америке’ и т.п.

Данные лексические единицы также отражают реалии колониального прошлого Португалии при освоении территорий, в первую очередь Южной Америки и Юго-Восточной Азии.

10. **Религиозная лексика** (3,3 %): *auto-da-fé* ‘акт сожжения на костре’, *fetish* ‘фетиш’ и т.п.

11. **Лексика, описывающая эмоции и чувства** (1,3 %): *amok* ‘буйное помешательство’, *saudade* ‘горестное желание безвозвратно потерянного’.

12. **Имена собственные** (0,6 %): *Elephanta* ‘остров Элефанта’ (данное название относится к острову, принадлежащему Индии и расположенному на востоке от Мумбая; остров получил свое историческое название от португальских мореплавателей в XVI веке и сохранил его до настоящего времени).

13. **Названия предметов быта** (1,9 %): *palanquin* ‘паланкин’, *tank* ‘цистерна, бак’.

Таким образом, мы можем сделать выводы о значительном семантическом разнообразии португальских заимствований в английском языке, что объясняется широкими контактами колониальных империй Англии и Португалии на протяжении длительного исторического периода.

Обращает на себя внимание тот факт, что примерно 2/3 заимствований принадлежат к четырем ЛСГ: «Растительный мир»; «Характеристика человека»; «Животный мир»; «Названия еды и напитков». Данные ЛСГ в сумме насчитывают 101 лексическую единицу или 66,8 % от общего числа заимствований из португальского языка. Это свидетельствует о первостепенной важности понятий, стоящих за соответствующими заимствованиями.

В заключение следует отметить, что изучение иноязычной лексики вообще и языкового заимствования в частности имеет весьма широкую традицию как в русскоязычных, так и в иностранных трудах по языкознанию. Лингвистические вопросы, посвященные анализируемой области, зачастую исследуются в контексте культурного и социально-экономического взаимодействия стран и регионов. Представленная работа, несомненно, не исчерпывает данной проблематики, поскольку заимствования следует рассматривать не только с точки зрения их семантики, но и с позиции их структурных особенностей, степени ассимиляции на разных уровнях языка, хронологии проникновения. Стоит принять во внимание важность исследования в рамках вышеуказанных аспектов португальских заимствований с целью их более детального анализа и выделения иных закономерностей, которые можно было бы положить в основу дальнейших классификаций данного пласта лексикона современного английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Marques, A. P.* Guia de História dos descobrimentos e expansão Portuguesa / A. P. Marques – Lisboa : Bibl. Nac., 1987. – 187 p.
2. *Durkin, Ph.* Borrowed Words : A History of Loanwords in English / Ph. Durkin – Oxford ; N. Y. : OUP, 2014. – 491 p.
3. *Algeo, J.* The Origins and Development of the English Language / J. Algeo. – 6th ed. – Boston, MA : Wadsworth, 2010. – 367 p.
4. *Stockwell, R.* English Words : History and Structure / R. Stockwell, D. Minkova – Cambridge : CUP, 2001. – 210 p.
5. *Jackson, H.* Words, Meaning and Vocabulary : an Introduction to Modern English Lexicology / H. Jackson, E. Amvela. – London : Continuum, 2005. – 247 p.
6. *Мухаметдинов, М. Р.* Португальские заимствования в современном английском языке / М. Р. Мухаметдинов // Вестн. Самар. гуманит. акад. Сер. Философия. Филология. – 2008. – № 1. – С. 190–201.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

7. *Lingua Portuguesa On-Line* [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://www.priberam.pt/dlpo/>. – Дата доступа : 15.02.18.
8. *The Merriam-Webster Dictionary* – Massachusetts : Merriam-Webster, Inc., 2004. – 939 p.
9. *The Oxford Dictionary of English Etymology* / ed. by C. T. Onions. – Oxford : Clarendon Press, 1967. – 1024 p.
10. *The Oxford Dictionary of Foreign Words and Phrases* / ed. by J. Speake. – Oxford : OUP, 2000. – 512 p.

This article is dedicated to the analysis of lexical borrowings from the Portuguese language in English with the aim of their further semantic classification and the identification of corresponding lexical-semantic groups. The fragmentary nature of similar studies in both Russian and foreign sources, the lack of a detailed semantic classification of Portuguese borrowings, immense practical interest both in the field of linguistics and in the field of other humanities determine the relevance of our study.

Поступила в редакцию 19.11.2018

Н. И. Курганова

К ВЫДЕЛЕНИЮ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА¹

В статье представлены результаты моделирования общественно-политической концептосферы на материале франкофонного газетного дискурса Канады. С этой целью в исследовании на основе учета ряда параметров (количественного мониторинга публи-

¹ Исследование было выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Национально-культурная специфика языкового сознания жителей Арктического региона», проект № 15-04-00465.

каций, уточнения места и статуса концептов в общественно-политическом дискурсе) дифференцируются ядро и периферия политической концептосферы, а также выделяются ключевые концепты газетного дискурса Канады.

В современной лингвистике в центре когнитивно-дискурсивного направления находятся исследования, нацеленные на реконструкцию картины мира и ее отдельных фрагментов, а также на поиски национально-культурной специфики репрезентации мира (см. подробнее [1]). Всплеск интереса к изучению языкового сознания и его национально-культурной специфики обусловлен, несомненно, усиливающимися процессами глобализации и интенсификацией межкультурного общения, а также усилением религиозной и этнической напряженности в мире. Однако актуальность подобных исследований следует также из того факта, что осмысление мира является насущной потребностью человека; при этом обычный носитель языка и культуры располагает, как правило, фрагментарными знаниями, не позволяющими ему «воссоздать» всю картину мира в ее целостности и взаимосвязях, что требует проведения специальных исследований.

Как известно, вопросами моделирования картины мира и изучением национально-культурной специфики знания и сознания занимается ряд наук (когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология и т.д.), среди которых особое место отводится этнопсихолингвистике, которая, по словам В. А. Пищальниковой, призвана решать проблемы национально-культурной вариантности когнитивной и коммуникативной деятельности, а также междисциплинарные проблемы содержания этнического сознания [2, с. 12–13]. Характерной особенностью этнопсихолингвистического подхода является то, что она, как правило, сосредоточивается на «отражении национально-специфических компонентов культуры в речевой деятельности» [Там же, с. 26], а не на уровне языковой системы, как это делают другие дисциплины. Это значит, что доступ к изучению картины мира может быть получен через разносторонний анализ дискурса либо через непосредственное обращение к носителям языка, например, посредством ассоциативных экспериментов.

Особую актуальность в этой связи приобретает моделирование картины мира через призму *общественно-политического газетного дискурса*, который по своей главной функции призван воздействовать на общественное сознание. Общественно-политический дискурс несет информацию о состоянии общества и его общественного сознания, поскольку он представляет собой «целенаправленное социальное действие» (выражение Н. Д. Арутюновой) и участвует во взаимодействии людей [3, с. 136–137].

В общественно-политическом дискурсе структурируется коллективное знание и получает определенную оценку, что позволяет изучать ценностные ориентации социума, выделять архетипы и смысловые доминанты национальной картины мира. Важным параметром дискурса, по мнению К. Ф. Седова, является его *объективность* и *социальная значимость* [4, с. 139]. Это в полной мере относится к газетному дискурсу, который выступает как *процесс социально-значимого* взаимодействия людей, поскольку в нем фиксируются различные особенности многогранного взаимодействия (политического,

национально-этнического, социального, гендерного и т.д.). Газетный дискурс, с одной стороны, обращен к прагматической ситуации и учитывает «жизненный контекст», т.е. социокультурную среду. С другой стороны, в газетном дискурсе находят отражение когнитивные и коммуникативные стратегии этноса, поскольку дискурс обращен к ментальным процессам: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи [3, с. 136–137]. Это значит, что газетный общественно-политический дискурс обеспечивает доступ к изучению функционирования общественного сознания и позволяет найти ответы на следующие вопросы, касающиеся политической и социокультурной ситуации. *Какие ключевые проблемы находятся в центре внимания общества? Какие смыслы транслируются в социуме? Что волнует читателей того или иного издания?*

Следует отметить, что изучение национально-культурной специфики языкового сознания через призму общественно-политического дискурса остается пока мало исследованной областью. Одна из причин сложившейся ситуации – отсутствие четко выделенных параметров описания национального дискурса и соответствующих методик исследования, основанных на хорошо разработанной теории.

На наш взгляд, национальный газетный дискурс, являясь результатом общественных отношений и интеракций, дает возможность наблюдать «смыслопорождающую» деятельность социума, а также моделировать ее результаты в виде совокупности концептов – так называемой *политической концептосферы*. Выделение и структурирование общественно-политической концептосферы позволяет пролить свет на истоки вариативности культурных репрезентаций у носителей разных языков.

Мы полагаем, что политическая концептосфера (как в индивидуальном, так и общественном сознании) характеризуется определенной структурой, что проявляется в наличии определенной упорядоченности и иерархии в ее организации. На этом основании в общественно-политической концептосфере можно выделить определенную *ядерную часть*, которая формируется за счет наиболее востребованной и актуальной информации, представленной в *ключевых концептах*. Эта информация играет жизненно важную роль в том или ином лингвокультурном сообществе, именно поэтому она регулярно воспроизводится в общественном дискурсе. Тем самым ключевые концепты репрезентируют наиболее актуальные и существенные фрагменты совокупного опыта и знаний, выработанные в том или ином лингвокультурном сообществе в определенный период времени. Следовательно, выделение ключевых концептов газетного дискурса и особенно их сопоставительный анализ на материале разных языков выступает одним из эффективных путей изучения национально-культурной специфики картины мира.

Цель нашего исследования – провести моделирование общественно-политической концептосферы на материале франкофонного газетного дискурса Канады, выделить его ключевые концепты, а также уточнить роль и статус концепта «политика» в современном газетном дискурсе.

Материалом исследования послужили результаты сплошной выборки из независимой канадской газеты «Le Devoir», которая издается на французском

языке в Монреале (провинция Квебек) и выходит 6 раз в неделю. Главными критериями выбора этого издания послужили, во-первых, учет рейтинга издания в регионе (учитывалась его принадлежность к типу «качественной» прессы СМИ), во-вторых, наличие и доступность электронной версии газеты в Интернете (www.devoir.com). Выборка материала проводилась в течение года (с 1 июня 2015 по 31 мая 2016 г.) из постоянных рубрик газеты: «*Политика Канады*», «*Политика Квебека*», «*Экономика*», «*Общество*», «*Окружающая среда*», «*Культура*» и «*Спорт*», что позволило максимально учесть разные аспекты функционирования общественно-политической деятельности на федеральном и региональном уровнях. Из выборки были исключены статьи зарубежных агентств, посвященные проблемам зарубежной международной политики, как не представляющие национальный медийный дискурс Канады.

В соответствии с целями работы наша главная задача заключалась в структурировании общественно-политической концептосферы Канады, что предполагало, прежде всего, выделение *ключевых концептов* газетного дискурса Канады на основе сезонной выборки. С этой целью был проведен сплошной мониторинг газетных статей за три летних месяца за 2015 г., опубликованных в следующих рубриках газеты: «*Политика Канады*», «*Политика Квебека*», «*Экономика*», «*Общество*», «*Окружающая среда*», «*Культура*» и «*Спорт*».

Основанием для структурирования общественно-политической концептосферы Канады был избран количественный фактор, т.е. учитывалось количество публикаций в той или иной рубрике в течение трех летних месяцев (табл. 1). Предварительно были обозначены нижние границы для выделения ключевых концептов: не менее 10 % от общего объема выборки.

Т а б л и ц а 1

Актуализация концептов газетного дискурса
(«Le Devoir», летняя выборка, 2015)

Рубрики газеты	Количество статей			
	июнь	июль	август	всего
Политика Квебека	169	28	78	275
Политика Канады	150	127	244	521
Экономика	138	119	119	376
Окружающая среда	36	45	30	111
Общество	75	87	63	225
Культура	53	46	25	124
Спорт	37	61	40	138
Всего	658	513	599	1770

В соответствии с избранными параметрами в число ключевых концептов газетного дискурса Канады вошли следующие:

- 1) «политика Канады» – 521 статей;
- 2) «экономика» – 376 статей;
- 3) «политика Квебека» – 275 статей;
- 4) «общество» – 225 статей.

Концепты «окружающая среда» и «культура», «спорт», не набравшие 10 % от общего объема выборки, представляют периферию общественно-политического дискурса. Таким образом, по результатам мониторинга независимой канадской газеты «Le Devoir» в течение трех летних месяцев концепт «политика» стабильно занимает первое место по числу актуализаций (796 статей), что обеспечивает ему центральное место в национальной политической концептосфере. Этот статус ключевого концепта подтверждается также сезонными выборками в течение всего года (табл. 2.1–2.4).

Т а б л и ц а 2.1

Данные об актуализации концепта «политика»
(летняя выборка, 2015)

Рубрика газеты	Количество статей			
	июнь	июль	август	всего
Политика Канады и Квебека	320	155	322	796

Т а б л и ц а 2.2

Данные об актуализации концепта «политика»
(осенняя выборка, 2015)

Рубрика газеты	Количество статей			
	сентябрь	октябрь	ноябрь	всего
Политика Канады и Квебека	267	295	134	696

Т а б л и ц а 2.3

Данные об актуализации концепта «политика»
(зимняя выборка, 2016)

Рубрика газеты	Количество статей			
	декабрь	январь	февраль	всего
Политика Канады и Квебека	290	310	295	895

Т а б л и ц а 2.4

Данные об актуализации концепта «политика»
(весенняя выборка, 2016)

Рубрика газеты	Количество статей			
	март	апрель	май	всего
Политика Канады и Квебека	315	317	348	980

Итак, за период с 1 июня 2015 г. по 31 мая 2016 г. концепт «политика» был актуализирован в **3 368** публикациях, что обеспечивает ему стабильно лидирующее положение в канадском франкофонном дискурсе. Следует заметить, что этот статус подтверждается и таким дополнительным параметром, как наличие обратной связи с читателями газеты. Подобная возможность обеспечивается читателям электронной версии газеты (www.devoir.com), с которой мы и работали. Учет обратной связи в виде тех или иных реакций, комментариев, оценок со стороны читателей газеты однозначно свидетельствует о том, что именно рубрики «Политика Канады и Квебека» больше всего волнуют жителей Квебека. Особенно наглядно это проявляется в сопоставлении с публикациями из других разделов, например, «Культура», «Спорт», где обычно отсутствуют любые оценки и комментарии к статьям, либо их удельный вес незначителен.

Структурирование общественно-политической концептосферы представляет несомненный интерес для проведения сопоставительных исследований и для выявления национально-культурной специфики картины мира. Так, сопоставительный анализ национальных концептосфер в странах Арктического региона (см. подробнее [5]) выявил существенные различия в структуре языкового сознания у носителей разных языков и культур. Эта нетождественность выражается в том, что набор ключевых концептов общественно-политического дискурса существенно различается в странах Арктического региона. Например, в концептосфере газетного регионального дискурса Канады и Норвегии концепт «политика» выступает, вне зависимости от сезона, ключевым концептом, своеобразной топ-вершиной общественно-политического дискурса, при этом на Севере России он – один из наименее актуализированных. Об этом наглядно свидетельствуют количественные данные актуализации данного концепта. Например, за летний сезон 2015 года концепт «политика» в канадском дискурсе был репрезентирован в 796 статьях, в российском региональном дискурсе (Мурманская область) – только в 43 публикациях.

Это свидетельствует о том, что структура общественно-политической концептосферы формируется общественно значимыми темами, которые являются принципиально важными для того или иного лингвокультурного сообщества на определенном этапе его развития. Как показало проведенное исследование, в центре внимания газетного дискурса Канады находились такие темы, как: *Политическая борьба партий накануне выборов* и *Критика действующего правительства*. Несомненно, это было обусловлено, с одной стороны, конкретной сложившейся ситуацией в стране – окончанием срока правления партии консерваторов, а, с другой – разочарованием в политике кабинета министров во главе с его премьер-министром Стефаном Арпером. Основной посыл большинства статей, репрезентирующих концепт «политика», – партия консерваторов не справляется с решением насущных проблем страны и поэтому обречена на поражение на предстоящих выборах.

Таким образом, концептосфера общественно-политического дискурса представляет собой важный объект исследования в современной лингвистике, поскольку именно в ней отражается специфика политической культуры и общественного сознания нации или народа.

Политическая концептосфера складывается в процессе реального взаимодействия в социуме, чутко реагирует на общественно-политические и социальные изменения и вбирает в себя типологические особенности своей культуры, что обуславливает ее ведущую роль в формировании общественного сознания у носителей языка и культуры.

Проведенное исследование на основе учета ряда параметров газетного дискурса Канады (количественного мониторинга материалов газеты; уточнения места и статуса концептов в общественно-политическом дискурсе, а также степени участия читателей газеты в обсуждении и оценке статей) показало, что концептосфера общественно-политического дискурса Канады структурирована на *ядро* и *периферию*. Ядро политической концептосферы представлено концептами «политика», «экономика» и «общество», ее периферию представляют концепты «окружающая среда» и «культура», «спорт». Учет количественных параметров актуализации концептов в канадском газетном дискурсе, а также их места и статуса в иерархии концептов общественно-политического дискурса позволяет сделать вывод, что концепт «политика» представляет *сверхядро* политической концептосферы, что дает основание выделить его в разряд *мегаконцептов*.

Таким образом, концептосфера общественно-политического дискурса представляет собой сложную, определенным образом структурированную систему, формируемую в ходе жизнедеятельности и общения. Структура политической концептосферы есть результат совокупной когнитивно-дискурсивной деятельности лингвокультурного сообщества, протекающей под влиянием сложившейся политической и экономической ситуации, конкретных социальных условий и направляемой ценностными установками культуры. Моделирование общественно-политической концептосферы, а также ее сопоставительный анализ позволяет пролить свет на специфику конструирования образа мира в той или иной культуре, в том или ином лингосоциуме.

Газетный дискурс обеспечивает доступ к моделированию политической концептосферы и позволяет наблюдать процессы функционирования общественно-политического сознания индивида и социума, что в свою очередь открывает возможности для изучения национально-культурной вариативности языкового сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курганова Н. И. Национальная картина мира: параметры и методика исследования // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2017. – № 6 (91). – С. 20–25.
2. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики : курс лекций / В. А. Пищальникова. – М. : Моск. гос. лингвист. ун-т, 2007. – Ч. 2 : Этнопсихолингвистика. – 200 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.
4. Седов, К. Ф. Онтопсихолингвистика: становление коммуникативной компетенции человека / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2008. – 320 с.

5. Курганова, Н. И. Национально-культурная специфика языкового сознания жителей Арктического региона / отв. ред. Н. И. Курганова / Мурман. аркт. гос. ун-т. – Мурманск : МАГУ, 2017. – 352 с.

The article presents the results of modeling the socio-political conceptsphere on the material of the French-language newspaper discourse of Canada. To this end, the study, based on taking into account a number of parameters, differentiates the core and periphery of the political conceptsphere, and highlights key concepts of newspaper discourse.

Поступила в редакцию 09.11.2018

И. В. Лешкевич

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИЙ МОДАЛЬНОСТИ И ОЦЕНОЧНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ

Рассматривается взаимодействие дискурсивных категорий модальности и оценочности в медийных аналитических статьях на английском языке на фразовом и текстовом уровнях. Выявлены закономерности сочетаемости репрезентантов модальности возможности и необходимости с оценочными единицами в различных синтаксических позициях высказывания. Установлен вклад оценочных высказываний с модальными операторами в реализацию основных коммуникативных целей автора медийной аналитической статьи на английском языке.

Модальность является одной из универсальных понятийных категорий, которые принадлежат философии, логике, а также языкознанию. В философии модальность определяется как способ существования объекта, явления или же способ понимания суждения об объекте, явлении или событии [1]. В лингвистике родоначальником ее изучения является Ш. Балли. Он первый предложил концепцию двухчастной структуры высказывания, именуя термином *модус* субъективные стороны высказывания, идущие от говорящего, а термином *диктум* – объективные [2, с. 44–45]. Его идеи получили развитие в трудах зарубежных и белорусских лингвистов (Э. Бенвенист, Л. Теньер, Е. В. Падучева, Т. В. Шмелева, Т. М. Николаева, Н. Ю. Павловская, Н. В. Зиневич и др.). Например, В. В. Виноградов под модальностью в синтаксисе понимает «то, что сообщается, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как потенциальное, как не действительное и т.п. Формы грамматического выражения такого рода отношений содержания речи к действительности и составляют синтаксическое существо категории модальности» [3, с. 80]. Таким образом, то, что сообщается – диктум, а то, что может мыслиться, – модальность (модус).

Александр Владимирович Бондарко рассматривает модальность как комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности/ирреальности [4].

В «Грамматике русского языка» модальность определяется как отношение действия или состояния, выраженного предложением, к действительности. Причем формами этой категории признаются формы наклонения, а логической структурой – способы связи предиката с субъектом. Категория модальности входит в круг предикативности как отнесения содержания предложения к действительности, включающей, кроме модальности, время и лицо [5, с. 89].

Идея об объективной и субъективной модальности, которая ознаменовала новое направление в исследовании данной проблемы, принадлежит Н. Ю. Шведовой. Так, под объективной модальностью понимается отношение сообщаемого к тому или иному плану действительности, языковые формы мысли о реальном в настоящем, прошлом, будущем или ирреальном возможном, желаемом, должном или требуемом [6, с. 542]; под субъективной модальностью – отношение говорящего к сообщаемому (значения усиления, экспрессии, уверенности/неуверенности, согласия/несогласия и т.д.) [Там же, с. 611]. И. Р. Гальперин дифференцирует фразовую и текстовую модальность. Фразовая модальность реализуется в предложении/высказывании с помощью грамматических и лексических средств, текстовая – репрезентируется «в характеристике героев, дифференцируется <...> в предложениях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств» [7, с. 115].

Таким образом, разделяя точку зрения ряда ученых, можно подытожить, что «нет другой категории, о языковой природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько различных и противоречивых точек зрения, как о категории модальности» [8, с. 37], по-прежнему не определена однозначно ее природа, «не выявлены ее подтипы <...> да и объем этой категории не является твердо установленным» [9, с. 56].

В нашем исследовании категории модальности в медиадискурсе мы опираемся на концепцию И. Р. Гальперина и анализируем ее, начиная с фразового уровня, т.е. высказывания, переходя к текстовому, в нашем случае дискурсивному, включающему ее актуализацию в отдельных частях аналитической статьи.

С категорией модальности тесно связана категория оценочности, которая также выражает отношение говорящего/пишущего к содержанию высказывания (на основе ценностных критериев). Интерес представляет выявление языковых средств вербализации модальных и оценочных смыслов, а также характер взаимодействия данных категорий в различных жанрах медийного дискурса и их вклад в реализацию авторского замысла. Материалом данного исследования служат 30 аналитических статей из британских периодических изданий за 2015–2019 гг.: «The Observer», «The Guardian» и «The Times».

Проведенный анализ показал, что наиболее употребительными модальными единицами оказались средства выражения таких значений модальности, как возможность и необходимость. Изучение средств языковой репрезентации категории модальности в аналитической статье из британской прессы позволило установить, что наиболее частотными среди модальных единиц возможности в англоязычном медиадискурсе являются собственно модальные глаголы *can (could)*, *may (might)* (79,7 %) (таблица). Например: *Trump cannot*

*point to a single substantial legislative achievement... To lose one or even two of his most senior people **might** be excused as unfortunate* (The Observer, 30.07.2017) ‘Трамп не может указать ни на одно значительное достижение в законодательной области... Потерю им одного или даже двух высокопоставленных сотрудников можно простить, списав на неудачу’ (здесь и далее перевод наш. – И. Л.).

Модальные единицы возможности и их употребительность
в медийных аналитических статьях на английском языке

Модальные единицы возможности в английском языке	Примеры	Употребительность, %
Собственно модальные глаголы	<i>Can, could, may, might</i>	79,7
Глаголы, содержащие модальный компонент в своей семантике	<i>Allow, enable</i>	7,8
Наречия	<i>Likely, perhaps, possibly</i>	4,7
Прилагательные	<i>Possible, impossible, likely</i>	5,5
Существительные	<i>Impossibility, possibility, opportunity</i>	2,3
Всего		100

В статье Натали Нугайред «Here, in the bloodlands of Belarus, I found hope for the future of Europe» вспоминаются события далеко минувших лет, а именно сталинские репрессии, и сравнивается их прошлая интерпретация с современной. В качестве аргумента приводятся слова историка Тони Джадта о том, что для их правильного понимания может понадобиться целое поколение людей, и уточняется, что, возможно, существует предел того, насколько можно нарушать табу: *The historian Tony Judt once said: “Getting history right **can** require a new generation coming along.” He added: “There is **probably** a limit to how much you **can** break taboos”* (The Guardian, 02.01.2019). В приведенном отрывке дважды используется один из самых частотных модальных глаголов возможности *can* и менее употребительное наречие *probably* ‘возможно’. К более редким средствам выражения значения возможности относится и прилагательное *likely* ‘вероятный’, например: *Vladimir Putin, said a gas leak was **the most likely** explanation for the blast* (The Guardian, 02.01.2019) ‘Владимир Путин заявил, что утечка газа является наиболее вероятным объяснением взрыва’.

Среди модальных единиц необходимости в англоязычном медиадискурсе наиболее широко (85 %) представлены собственно модальные глаголы *must, should, have to, need to*. Например: *...we **must recognise the challenge** of negotiating a deal* (The Guardian, 02.01.2019) ‘...мы должны осознать сложность заключения сделки’; *We do **have to acknowledge** those who feel they lose out to ethnic minorities* (The Guardian, 05.10.2015) ‘Мы должны признать, что

те, кто чувствуют, что они проигрывают этническим меньшинствам...
...*Britons need to work as hard as the Chinese* (The Guardian, 06.10.2015)
‘...британцы должны работать так же усердно, как китайцы’.

Перейдем к рассмотрению вопроса о характере взаимодействия категории модальности с категорией оценочности в аналитическом медиадискурсе на английском языке. Под оценочностью будем понимать положительное или отрицательное отношение субъекта к объекту действительности (лицу, предмету, явлению), которое может быть выражено средствами всех уровней языковой системы (Е. М. Вольф, В. Г. Гак, И. М. Кобозева, Т. В. Маркелова и др.). Анализ материала показал, что модальные единицы возможности и необходимости непосредственно сочетаются с оценочными предикатами, позитивная или негативная направленность которых определяется по контексту. Это глаголы, прилагательные и существительные следующих семантических групп:

1) изменения *alter, change*: *Solidarity with the indigenous peoples of Brazil can change the world in their favour* (The Guardian, 31.12.2018) ‘Солидарность с коренными народами Бразилии может изменить мир в их пользу’;

2) улучшения *renew, update*: *We need to update domestic regulations to meet the emerging landscape* (The Guardian, 18.08.2017) ‘Мы должны обновить внутренние нормативные положения для удовлетворения новым условиям’;

3) ухудшения *hamper, worsen*: *Keeping tens of thousands of animals in a small space can hamper their ability to express natural behaviors* (The Guardian, 18.08.2017) ‘Содержание десятков тысяч животных на небольшой площади может препятствовать их естественному поведению’;

4) увеличения/усиления *boost, increase, extend, raise*: *The USA may increase the number of ground troops in Syria* (The Guardian, 04.10.2015) ‘США могут увеличить присутствие сухопутных войск на территории Сирии’;

5) уменьшения *decline, lower, reduce, bring down*: *“Through exchanges, contacts, dialogue we can bring down some of those walls in our heads”* (The Guardian, 02.01.2019) «Через обмен, контакты, диалог мы можем разрушить некоторые из этих представлений в нашей голове»;

6) содействия *protect, contribute, help, mobilise*: *We must protect them (Brazil’s indigenous peoples); Now, more than ever, we must mobilise our collective power to expose and put an end to these hidden genocides* (The Guardian, 31.12.2018) ‘Мы должны защитить их (коренные народы Бразилии); Сейчас, более чем когда-либо, мы должны мобилизовать наши общие усилия для того, чтобы разоблачить и положить конец этим скрытым случаям геноцида’;

7) воздействия *vent, drive, rouse*: *...those white individuals who feel ignored by elites and who might vent this by turning against people of colour, or migrants* (The Guardian, 05.10.2015) ‘...те белые люди, которые чувствуют себя проигнорированными элитой и которые могут отыграться, ополчившись против цветного населения или мигрантов’;

8) исключения (исчезновения) *avoid, slip away, get away, stop*: *May has run down the Brexit clock. It must be stopped* (The Guardian, 02.01.2019) ‘Мэй

сбила часы Брексита. Это должно быть остановлено»; *Greedy outsiders know they can literally get away with murder* (The Guardian, 31.12.2018) 'Жадные чужаки знают, что они практически могут избежать наказания за убийство';

9) выражения чувств, эмоций *hope, argue: I can only hope she watched Rebel Without a Cause over the Christmas break* (The Guardian, 02.01.2019) 'Я могу только надеяться, что на рождественских каникулах она посмотрела фильм «Бунтарь без причины»';

10) интеллектуальной деятельности (умозаключения) *acknowledge, verify, take into account, justify: We need to acknowledge the frustrations of those...* (The Guardian, 05.10.2015) 'Нам надо признать разочарования тех...'; *People's needs and spending power must also be taken into account* '...Потребности людей и их покупательная способность также должны приниматься во внимание' (The Guardian, 18.08.2017);

11) решения проблемы *withstand, pursue, break the stalemate: But in reality her deal can't withstand the internal contradictions of the Conservative party* (The Guardian, 02.01.2019) 'Но в реальности ее сделка не может выдержать внутренних противоречий в Консервативной партии'.

В случае составного модального сказуемого оценка может быть выражена оценочным прилагательным (существительным) в функции предикатива или определения к предикативному существительному: *Yet it (Belarus) should be prominent in our consciences* (The Guardian, 02.01.2019) 'В то же время она (Беларусь) должна быть значима в нашем сознании'; *In future there could be pressure to lower standards in order to compete with imports. <...> animals cannot remain healthy within the conditions in which they are placed* (The Guardian, 18.08.2017) 'В будущем может оказываться давление снизить стандарты для того, чтобы конкурировать с импортом. <...> животные не могут оставаться здоровыми в тех условиях, в которых они находятся'.

Оценка может быть также выражена оценочным существительным в функции дополнения к глаголам нейтральной семантики: *He may want a halt to open EU criticism of domestic political developments in Turkey* (The Guardian, 04.10.2015) 'Он может захотеть положить конец открытой критике ЕС внутривнутриполитических событий в Турции'. Выявлены случаи, когда оценочное отношение заключено в обстоятельстве образа действия, например: *The best view could arguably be found right there, in those flatlands of marshes, pine trees and spruce* (The Guardian, 02.01.2019) 'Самый лучший ответ, вероятно, можно найти прямо здесь, на этих заболоченных равнинах с соснами и елями'.

Рассмотрим вклад проанализированных модальных и оценочных операторов в реализацию основных коммуникативных целей (интенциональности) автора аналитической статьи на английском языке. Так, основные интенции автора могут быть заявлены сразу: в ее самой сильной позиции – заголовке. Приведем пример из англоязычной аналитической статьи: «*We should take pride in Britain's acceptable food*» (The Guardian, 30.07.2017). В данном заголовке присутствует модальный глагол *should* и оценочный фразовый глагол *take pride* 'гордиться', которые являются индикаторами основных коммуникативных целей автора – установить в результате анализа различных мнений отношение европейцев, в частности испанцев, к британской кухне. Эти цели после-

довательно раскрываются в ходе развертывания дискурса: в высказываниях участников ситуации, а также в авторских рассуждениях и обобщениях, содержащих репрезентанты модальности и оценки: *The fact that 12 % of Spaniards now think our cuisine is a reason to visit the UK **should be a cause for celebration***.

Приведенное ниже высказывание автора, в котором непосредственно взаимодействуют экспликатеры модальности необходимости и оценки, можно рассматривать в качестве основного посыла анализируемой аналитической статьи: *I really don't think the 12 % figure is one it **should be disappointed with**, even if, on closer examination of the survey, the respondents didn't actually say they thought Britain was "the best place for food and drink", just that sampling the food and drink would be a **motivation** for choosing the UK for a holiday*.

Оценочное высказывание с модальным репрезентантом может присутствовать и в подзаголовке, примером является статья Тома Филлипса «How hard does China work?», в которой звучит обращение министра здравоохранения Джерема Ханта к британцам брать пример с китайцев и работать больше: *A look at the realities of working life in China, following Jeremy Hunt's suggestion that Britons **need to work as hard as the Chinese*** (The Guardian, 06.10.2015).

В англоязычной статье, озаглавленной «Is Breitbart about to turn on Donald Trump?», предложение в финальной позиции статьи тесно связано с ее темой (отвернется ли от Дональда Трампа его верный союзник праворадикальное агентство новостей «Breitbart»): *How long **can he keep dividing** his most ardent supporters and **failing** to address their concerns? We **may find out** sooner than we expected* (The Guardian, 26.07.2017). Модальный глагол *can* в приведенном примере непосредственно сочетается с оценочными предикатами *dividing* и *failing*, которые в комплексе маркируют отрицательное отношение автора статьи к политике, проводимой Трампом по отношению к своим союзникам, а именно: нападки на генерального прокурора США Джеффа Сешнса за его самоустранение от расследования дела о возможных связях Трампа с Россией. Можно полагать, что в анализируемом высказывании заключается посыл всего текста, и его финальная позиция дает основание считать, что автор статьи разделяет представленную точку зрения, и результаты необдуманного поведения Трампа не заставят себя долго ждать.

Итак, проведенный анализ показал, что взаимодействие семантико-прагматических категорий модальности и оценочности в медийном дискурсе осуществляется посредством модальных и оценочных единиц определенных лексико-грамматических классов слов, выполняющих различные синтаксические функции в высказывании. Среди модальных единиц возможности и необходимости в англоязычном дискурсе наиболее частотны глаголы *can* (*could*), *should*. Доминирующие оценочные единицы, взаимодействующие с модальными, – это глаголы в рамках составного модального сказуемого и прилагательные в функции предикатива или определения к предикативному существительному.

В результате анализа также установлено, что в рамках дискурсивного пространства медийной аналитической статьи как целого семантико-прагматические категории модальности и оценочности имеют непосредственное отношение к языковой реализации основных коммуникативных целей автора

аналитической статьи (категории интенциональности), которые могут быть заявлены как в ее инициальной позиции (заголовке, подзаголовке), так и последовательно раскрываться в высказываниях автора и других участников коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев [и др.]. – 2-е изд. – М. : Сов. Энцикл., 1989. – 373 с.
2. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; пер. с фр.: Е. В. Вентцель, Т. В. Вентцель ; ред., вступ. ст. и примеч. Р. А. Будагова. – 3-е изд. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
3. Грамматика русского языка : в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: В. В. Виноградов [и др.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 1 : Фонетика и морфология. – 719 с.
4. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1990. – 263 с.
5. Грамматика русского языка : в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: В. В. Виноградов [и др.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2, ч. 2 : Синтаксис. – 440 с.
6. Грамматика современного русского литературного языка / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970. – 767 с.
7. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 144 с.
8. *Панфилов, В. З.* Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // *Вопр. языкознания.* – 1977. – № 4. – С. 37–48.
9. *Худяков, А. А.* Теоретическая грамматика английского языка : учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений / А. А. Худяков. – М. : Академия, 2005. – С. 56–67.

The article focuses on the interaction between the categories of modality and evaluation in British analytical articles. Patterns of their realization as well as peculiarities of compatibility with each other and their role in the embodiment of the author's intentions have been identified.

Поступила в редакцию 10.01.2019

М. М. Лойша

РИТОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ Т. МЭЙ В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается проблема создания коммуникативного образа ратора в политическом институциональном дискурсе как подязыка с определенной системой профессионально ориентированных знаков. Описывается понятие идеального образа оратора и его реализация в определенной коммуникативной ситуации. Анализируются как характерные, так и индивидуальные проявления риторического образа в ситуации публичного выступления.

Общие представления об идеальном образе ратора известны уже давно. Наиболее цитируемыми являются труды Аристотеля «Риторика» и Цицерона «Об ораторе». Хотя Аристотель непосредственно не рассматривал проблему идеального оратора, он определял образ античного оратора на основе требований, предъявлявшихся по отношению к ораторской речи [1]. Более детальные рассуждения об образе оратора мы находим у Цицерона, который утверждал, что оратор – это государственный деятель, использующий публичное слово, чтобы регулировать общественную жизнь, совершать регулярное правосудие, сохранять надлежащий уровень общественной нравственности и единства общества. И этот государственный деятель «всему государству в целом приносит счастье и благополучие» [2, с. 169]. Поэтому «оратором, достойным такого многозначительного названия, будет тот, кто любой представившийся ему вопрос, требующий словесной разработки, сумеет изложить толково, стройно, красиво, памятно и в достойном исполнении» [Там же, с. 176].

Данные требования обуславливались, прежде всего, характером и укладом политического общества той эпохи, их культурными, социальными и нравственными ценностями. Следовательно, по мере того, как человеческое общество переживало ряд трансформаций, менялся и идеальный образ ратора, хотя его определенные черты сохраняются неизменными в риторической культуре тысячелетиями.

Так, например, в современной риторике оратор – это общественный деятель, который трезво оценивает и контролирует свои цели, возможности и нравственное содержание высказываний. При работе над своим имиджем он отбирает аргументы и средства выражения, чтобы его образ наиболее полно соответствовал ожиданиям аудитории об идеальном образе ратора [3]. Как указывает А. А. Волков, «индивидуальный образ ратора складывается в его практической деятельности и во многом зависит от культуры аудитории, к которой ритор обращается. Аудитории с высокой культурой формируют влиятельный образ ратора, аудитории с низкой культурой формируют образ ратора, сомнительный с точки зрения пафоса, логоса и этоса, поскольку ратору всегда приходится в большей или меньшей степени подстраиваться под аудиторию» [Там же].

Рассматривая современный подход к проблеме образа ратора, мы убеждаемся, что риторика по-прежнему определяет как нравственные требования к оратору, например, честность, скромность, доброжелательность, предусмотрительность, так и характерный набор средств ораторского мастерства, который включает традиционные, описанные Аристотелем, риторические приемы и средства языкового воздействия, изучение которых стало популярным уже в современной лингвистике.

Несмотря на существующее общепринятое в искусстве красноречия представление об образе оратора как «риторическом идеале», индивидуальный портрет ратора определяется его статусом как субъекта коммуникативной ситуации. Субъект современной публичной речи уже не является ратором или оратором в классическом понимании этого термина, он, прежде всего, исполняет роль педагога, политического деятеля, защитника или

обвинителя в суде. Данные социальные роли приводят нас к другой составляющей образа ратора, а именно коммуникативному контексту, который может быть рассмотрен на примере типологии институциональных дискурсов.

Понятие институционального дискурса разрабатывается как в зарубежной лингвистике, так и в российской. Так, Т. ван Дейк определяет институциональный дискурс как взаимодействие в рамках сложившихся в обществе институтов, регулируемое деятельностью самого социального института [4, с. 47]. Е. И. Шейгал понимает данный дискурс как «дискурс, осуществляемый в общественных институтах, общение в которых является составной частью их организации» [5, с. 43]. Если в дополнение к вышеизложенным определениям рассмотреть определение В. И. Карасика, которое отмечает, что это «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [6, с. 292], то очевидным становится вывод об ожидаемых стандартах поведения, типизации повторяющихся действий, которые в течение времени становятся нормой для данного института.

Образ ратора как субъекта политического дискурса включает в себя особенности данного дискурса и состоит из языковых и речевых средств, характерных для коммуникативных процессов данного социального института. Рассмотрим языковые и речевые средства создания образа ратора в британском парламентском дискурсе.

Британский парламент является одним из старейших институтов власти в стране с многовековыми традициями, которые предопределяют поведение выступающих перед парламентариями. Нам представляется интересным проанализировать выступление премьер министра Великобритании Терезы Мэй от 15 ноября 2018 г., в котором она информирует присутствующих о том, что было сделано для достижения соглашения по выходу страны из Европейского союза.

Композиционно ее выступление состоит из двух главных частей: непосредственно самого доклада и ответа на вопросы парламентариев. Именно в докладе наблюдаются строгие каноны построения выступления. Так, Т. Мэй обращается вначале со словами благодарности к своим оппонентам по данному вопросу, используя традиционное обращение *my right hon. Friends the Members for Esher and Walton*. Стилистическая пафосность вводной части речи подчеркивается употреблением выражения *I want to pay tribute*, использование которого характерно для речей, посвященных особым событиям. Основная часть выступления посвящена информированию об общих предварительных договоренностях по соглашению о выходе и деталях, которые касаются одного из наиболее спорных пунктов соглашения, а именно вопроса установления физической границы между Северной Ирландией и Республикой Ирландией. В заключение Т. Мэй еще раз перечисляет преимущества достигнутого предварительного соглашения и призывает членов парламента одобрить его, ставя их перед интересным выбором, где голосование «за» будет способствовать, со слов Т. Мэй, движению страны вперед, а голосование «против» отбросит страну назад.

Следует отметить такую особенность построения речи, как полемика с противниками данного предварительного договора. В отличие от непосредственного обращения к ним во вводной части своего выступления в главной части ритор не называет конкретных субъектов, принадлежащих к оппозиции. На протяжении всей речи присутствуют косвенные отсылки (с включением неопределенных местоимений и страдательного залога) к тем людям или группам, которые были не согласны с результатами переговоров или скептически относились к их успешной реализации: *many said that could simply not be done, we were told, some people might pretend otherwise, there are some who have said.*

Еще одной отличительной чертой данного выступления является построение фреймовой конструкции в основной части с помощью топосов. Хотя излагая результаты об основных пунктах предварительного договора, ритор использует типичные топосы: темы будущего (*future relationship, future partnership, future framework, to move on*), партнерства с ЕС (*EU partnership, withdrawal agreement, arrangement, deal*), национальных интересов (*in our national interests, to deliver in our national interests*), безопасности (*it protects jobs, security, integrity, it has secured the rights*), контроля (*it takes back control, we will decide*), свободы выбора и независимости (*our own immigration system, a free trade area for goods, free to strike new deals, become an independent coastal state*), основная часть начинается с темы будущего страны, партнерства с ЕС, национальных интересов и заканчивается этими же темами. Подобная фреймовая конструкция используется для связи вступительной и заключительной части выступления, а именно обращение к оппонентам достигнутого соглашения. Однако если во вводной части Т. Мэй благодарит их за поддержку, то в заключительной части она апеллирует к их чувствам и эмоциям, используя тему выбора, перед которым стоит оппозиция. При этом тема выбора опять перекликается с темой национальных интересов и темой будущего и движения либо вперед, либо назад. Так, например, голосование против соглашения сравнивается с движением назад, при этом используется метафорический образ настольной игры, игроками которой являются все члены данного процесса (*Voting against a deal would take us all back to square one*). Используется апелляция к чувству страха, стыда (*It would mean more uncertainty, more division and a failure to deliver on the decision of the British people that we should leave the EU*).

Голосование за соглашение сравнивается с объединением страны и движением вперед (*If we get behind a deal, we can bring our country back together and seize the opportunities that lie ahead*). Таким образом, ритор использует логический силлогизм, который представляет только два варианта действий для слушателей, создавая тем самым ложную дилемму (*So the choice is clear: we can choose to leave with no deal; we can risk no Brexit at all; or we can choose to unite and support the best deal that can be negotiated – this deal*).

При этом стоит отметить, что апелляция к эмоциям и попытка оказать манипулятивное речевое воздействие на аудиторию присутствуют только в заключительной части, в целом же основная часть выступления построена на использовании фактов и рациональных доводов, которые доказывают, что

представленный парламентариям договор является лучшей альтернативой, чем остальные варианты. Так, в самом начале ритор использует ссылку на авторитет, цитируя слова председателя Европейской комиссии Ж.-К. Юнкера *decisive progress has been made in the negotiations*. Далее используются эпитеты в сравнительной степени, чтобы доказать преимущество данного соглашения (*better, more ambitious, lower number*), просто эпитеты (*bespoke deal*) и факты (*no other major advanced economy has such an arrangement with the EU*).

Также стоит проанализировать, как ритор позиционирует себя в данном контексте. Роль ратора как субъекта институционального дискурса становится очевидной при анализе местоимений, используемых им, когда речь идет о его позиции. Так, Т. Мэй использует бинарную пару местоимений «I – we», которая указывает на следующие характеристики образа ратора. В о - п е р в ы х, ритор отождествляет себя с правительством и использует местоимение *we, us*, когда речь идет о полученных результатах (*we agreed the provisional terms of our exit, this puts us close to a Brexit deal*). Но в то же время, когда Т. Мэй использует местоимение *our*, она отождествляет себя со страной и народом (*a future relationship that delivers in our national interest, an arrangement that is better for our country*). В о - в т о р ы х, ритор создает индивидуальный образ с помощью местоимения *I*, что можно рассматривать как нарушение норм и стандартов публичной речи в рамках институционального дискурса. Индивидуальное «я» демонстрирует: насколько эмоционально вовлеченной была Т. Мэй в ведение переговоров по этому вопросу (*I have been committed to ensuring that our exit from the EU deals with the issue of the border between Northern Ireland and Ireland, I do not pretend that this has been a comfortable process*). Используя тактику самопрезентации, она рассматривает полученные результаты как собственное достижение (*When I first became Prime Minister in 2016 there was no ready-made blueprint for Brexit, I have been committed day and night to delivering on the result of the referendum and ensuring the UK leaves the EU absolutely and on time*).

Таким образом, можно отметить наличие логических связей между всеми структурными элементами публичного выступления Т. Мэй. Композиционную четкость и стройность обеспечивает использование характерных для политического институционального дискурса топосов, которые позволяют создать единое коммуникативное пространство. Вводная часть выступления начинается с прямого обращения к оппонентам, заключительная часть также содержит обращение к оппонентам, которое выражается косвенными средствами. Отсутствие прямых атак на оппонентов или отсутствие их непосредственной критики соответствуют ожиданиям аудитории и коммуникативной ситуации, т.е. предполагается, что, обращаясь к членам парламента, ритор будет вести себя максимально сдержанно и вежливо. В то же время использование косвенных ссылок на присутствие оппозиции позволяет вести полемику с противоположной стороной.

Следуя канонам политического институционального дискурса и учитывая, что речь идет об аудитории с высоким культурным уровнем, основная часть убеждающих средств носит рациональный характер. Индивидуальный голос оратора проявляется, когда Т. Мэй прибегает к эмоциональным

аргументам в заключительной части своего выступления. Отступление от канонов публичного выступления объясняется эмоциональной вовлеченностью оратора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Риторика // Античные риторика / собр. текстов, ст., коммент. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи. – М., 1978. – С. 3–164.
2. *Цицерон*. Эстетика: Трактаты. Речи. Письма / Цицерон. – М. : Искусство, 1994. – 539 с.
3. *Волков, А. А.* Теория риторической аргументации [Электронный ресурс] / А. А. Волков. – Режим доступа : https://psyera.ru/sostavlyayushchie-obrazaritora_8791.htm. – Дата доступа : 11.12.2018.
4. *Дейк, Т. А. ван*. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.
5. *Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. ; Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.
6. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

The article considers the issue of creating the rhetorical image of a public speaker in the institutionalized political discourse. It analyzes typical and individual features of the speaker in the British parliamentary discourse.

Поступила в редакцию 29.12.2018

М. В. Орлова

ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТА *ЗЕЛЕНЬ* В СЛОГАНАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ «DIE GRÜNEN»

Статья посвящена изучению политического дискурса на примере политических слоганов партии Федеративной Республики Германии «Bündnis 90/Die Grünen». В работе приводятся определения терминов *дискурс* и *политический дискурс*, дается их краткая характеристика. Описывается специфика политической коммуникации и выявляются особенности политической картины мира в Германии.

Для современной лингвистики характерно изучение вопросов, напрямую связанных с исследованием языка в его когнитивном аспекте. Речевая коммуникация сегодня является сформированным самостоятельным междисциплинарным направлением в системе гуманитарных наук. Современные исследователи акцентируют внимание на решении задач, связанных с созданием теоретической базы этого направления, с формированием его понятийно-терминологического аппарата, с описанием структуры коммуникативных процессов и их комплексного анализа. Перечисленные выше задачи определяют содержание теории дискурса.

В начале XX века в центре внимания многих лингвистов находился вопрос «Как устроен язык?», однако позднее на первый план вышел вопрос

«Как функционирует язык?». Теория дискурса объединяет по своей природе разные гуманитарные науки, позволяя разрешать многие спорные вопросы, которые возникают в современной коммуникации.

Впервые понятие дискурса было введено в научную теорию лингвистики текста американским ученым З. Харрисом в 1952 году. Несмотря на многочисленные результаты исследований, определение дискурса все еще остается неоднозначным, так как воспринимается и интерпретируется учеными по-разному.

Широкое применение термин *дискурс* получил в 1970-х гг. Данный термин рассматривался как многозначное понятие, используемое для описания различных феноменов в лингвистических и философских исследованиях. Французский языковед и социолог М. Фуко с середины 70-х гг. развивал в своих работах концепцию применения понятия дискурса для обозначения исторически сложившихся систем человеческого знания. Согласно М. Фуко, дискурс является частью «дискурсивной практики» – детерминированных временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного общества определили условия воздействия высказывания [1, с. 28].

Исследования М. Фуко стали предпосылкой для более поздних разработок в этом направлении. Ю. С. Степанов подчеркивает в своем аналитическом обзоре «Альтернативный мир, Дискурс, Факты и принципы причинности», что дискурс представляет собой характерное использование языка для выражения особой ментальности и идеологии. Это приводит к актуализации отдельных черт языка: грамматики и лексики, что создает в свою очередь особый «ментальный мир» [2, с. 9].

Пик интереса к феномену дискурса приходится на 90-е гг., когда текстовый анализ был переориентирован в анализ дискурса. Изучение зарубежных и отечественных публикаций показывает, что среди исследователей существует два основных понимания того, что собой представляет данный феномен. Дискурс можно рассматривать в его широком и узком понимании. Так, Т. ван Дейк, с одной стороны, трактует его как сложное комплексное явление, представляющее собой коммуникативное событие, которое происходит между адресантом и адресатом в процессе коммуникативного действия в рамках определенного временного и пространственного контекста. Данное коммуникативное действие может быть речевым или письменным, а также иметь различные вербальные или невербальные составляющие. Типичными примерами такого коммуникативного события служат: чтение газет, повседневный разговор с другом, диалог между пациентом и врачом и т. п. [3, с. 4]. С другой стороны, в узком контексте, дискурс принято рассматривать как отдельный текст или разговор. В таком случае, как правило, выделяют только вербальную составляющую коммуникативного события. Таким образом, смысл термина *дискурс* обозначает завершенный или продолжающийся результат (письменный или речевой результат) коммуникативного действия, который воспринимается и интерпретируется коммуникантами. Иными словами, дискурс представляет собой письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия.

Необходимо отметить, что дискурс достаточно многозначен, что напрямую влияет на его типологизацию. Различные варианты типологий дискурса представлены в работах Г. Г. Почепцова, Г. М. Яворской, Ф. С. Бацевича и В. И. Карасика.

Георгий Георгиевич Почепцов предлагает классификацию, разработанную с учетом особенностей речи в контексте дискурса, а также особенностей знакового отражения реальной ситуации этим дискурсом и особенностями коммуникативной ситуации. Таким образом ученым были выделены следующие типы дискурса: теле- и радиодискурс, газетный дискурс, кинодискурс, театральный, политический, тоталитарный, рекламный дискурсы и т.п.

В зависимости от сферы функционирования Г. М. Яворская определяет научный и политический дискурсы. С точки зрения ситуации общения, прагматических целей и принципов строения общества ученый выделяет телефонные разговоры, экзаменационный диалог, нарративный дискурс, инструкции, законы и дидактический дискурс.

Однако наиболее аргументированной признается классификация дискурса, которая была представлена В. И. Карасиком. Стоит отметить, что данная типологизация была предложена автором в рамках социолингвистического подхода к изучению дискурса. Исследователь называет два основных типа дискурса: персональный (лично ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный). Под персональным дискурсом понимается раскрытие отдельной личности во всем ее многообразии внутреннего мира при активном осмыслении содержания речи коммуникантом. Ученый выделяет две разновидности персонального дискурса: *бытовой* и *бытийный*. В рамках *бытового* дискурса осознание смысла зависит от конкретной ситуации общения, а в *бытийном* – от формы знака и личностной концептосферы адресата [4, с. 11].

Институциональный дискурс, согласно В. И. Карасику, описывает речевое взаимодействие представителей различных социальных групп или институтов друг с другом, а также коммуникантов, которые реализуют свои статусно-ролевые возможности в рамках устоявшихся общественных институтов, число которых определено потребностями общества на конкретном этапе его развития [4].

Таким образом, стоит отметить, что дискурс является сложным единством языковой формы, действий и знаний, так как в его реализации задействованы и язык, и экстралингвистические факторы, которые определяют общение [5]. В связи с этим правомерно рассматривать политический дискурс как самостоятельный тип институционального дискурса.

Целью данной статьи является более подробное изучение политического дискурса на примере материалов политических слоганов партии Федеративной Республики Германии (далее – ФРГ) «Bündnis 90/Die Grünen» («Союз 90/Зеленые»). Политический дискурс (далее – ПД) представляет собой институциональное общение, которое использует индивидуальную систему профессиональных знаков. Иными словами, политическая коммуникация в отличие от лично ориентированного общения имеет собственный подязык (фразеология, лексика, грамматика и т.д.) [6, с. 14].

В работах ученых категория «политический дискурс» рассматривается как в широком, так и в узком контекстах. В широком смысле данное понятие отражает такие формы общения, в которых к политической сфере относится хотя бы одна из его составляющих: субъект, адресат, содержание общения и т.п. Так, например, А. Н. Баранов характеризует политический дискурс как «совокупность дискурсивных практик, которые идентифицируют участников политического дискурса или формируют конкретную тематику политической коммуникации» [7, с. 245–246]. Е. И. Шейгал рассматривает политический дискурс с двух позиций. С одной стороны, ПД понимается как «текст в конкретной ситуации политического общения», с другой стороны, «текст включает вербальные и невербальные знаки, которые ориентированы на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус высказываний, модели типичных речевых действий» [6, с. 16].

Однако многие исследователи придерживаются более узкой трактовки политического дискурса и определяют его с точки зрения актуального использования языка в социально-политической сфере общения. Такому подходу следует и Т. ван Дейк, считая, что политический дискурс – это класс жанров, четко ограниченный политической сферой [3].

В данной статье в центре внимания находятся политические слоганы партии ФРГ «Die Grünen» за период с 1983 по 2017 гг., которые представляют собой речевой жанр политического дискурса, обладая не только семантической целостностью, но и коммуникативно-прагматической завершенностью.

Методом сплошной выборки нами было отобрано 17 политических слоганов. Наличие такого небольшого количества слоганов можно объяснить тем фактом, что идеологическая составляющая рассматриваемой партии длительное время оставалась неопределенной. «Зеленые» изначально существовали как «антипартия», которая отрицала буржуазную политику с ее авторитарной иерархией. Позднее большая часть социальных движений, объединенных под эгидой данной партии зеленых, приобрели экологическую направленность.

В ходе анализа была изучена структура данных слоганов, а также выявлено, как и при помощи *каких* языковых средств и стилистических приемов в них актуализируется значение основного цвета партии – зеленого. Зеленый цвет (*grün, das Grün*) стал символом и послужил наименованием возникшей в 1980 г. в Западной Германии политической партии «Die Grünen», которая после объединения в 1990 г. с некоторыми общественно-политическими организациями бывшей ГДР стала называться «Bündnis 90/Die Grünen». Зеленый цвет первоначально символизировал экологический уклон данной партии, подчеркивал приоритетность вопросов окружающей среды и сохранения экологии, поскольку зеленый цвет – это символ жизни и цвет природы. В целом, субстантивированное наименование «зеленые» также обозначает активных членов разных экологических организаций во всем мире.

По отношению к немецкой политической системе современной Германии имя прилагательное *grün* при атрибуции и предикации соответ-

ствующих политических объектов и субъектов означает принадлежность к партии «Союз 90/Зеленые» (сокращенный вариант названия партии – «Зеленые»), что уже зафиксировано в толковом словаре: «*grün – (Politik) zu einer Partei gehörend, sie betreffend, zu deren hauptsächlichen Anliegen die Ökologie gehört*» – ‘зеленый – (политика) входящий в состав какой-либо партии, к важнейшим задачам которой принадлежит экология’ (здесь и далее перевод наш. – М. О.); *grüne Abgeordnete* – ‘зеленые депутаты’; *eine grüne Partei* – ‘зеленая партия’; *grüne Politik machen* – ‘проводить зеленую политику’; *grün wählen* – ‘голосовать за зеленых (на выборах)’ [8].

Слоганы являются краткими, сжатыми выражениями, которые отражают основные политические и идеологические принципы партии. В качестве политического символа лексема *зеленый*, с одной стороны, реализуется в слоганах как цвет природы и экологической чистоты, с другой стороны, *зеленый* цвет персонифицируется, имплицитно характеризуя всех сторонников, представляющих эту партию, например: *Die Grünen in den Bundestag!* – ‘Зеленых в Бундестаг!’, *Mit dem Herzen wählst du Grün!* – ‘Сердцем ты выбираешь Зеленых!’ и т.п.

В некоторых слоганах отсутствует прямое упоминание как названия партии, так и символизирующего ее цвета, например: *Alle reden von Deutschland. Wir reden vom Wetter. Für ein besseres Klima!* – ‘Все говорят о Германии. Мы говорим о погоде. За лучший климат!’, *Tag für Tag stirbt ein Stück Natur. Die Industrie macht Kasse* – ‘День за днем погибает часть природы. Промышленность подсчитывает доход’, *Wir haben die Erde von unseren Kindern nur geborgt* – ‘Мы лишь взяли взаймы Землю у наших детей’. Несмотря на это, основная идея сохранена и имплицитно передается при помощи слов, которые адресат так или иначе ассоциирует с природой и экологией: *Klima* – ‘климат’, *Natur* – ‘природа’, *Wetter* – ‘погода’, *Erde* – ‘Земля’.

В некоторых слоганах *зеленый* цвет противопоставляется черному, красному и золотому – основным цветам флага Германии: *Ohne uns wird alles schwarz rot gold* – ‘Без нас все будет черным, красным, золотым’. Несмотря на наличие положительных коннотаций, связанных с государственным флагом, *черный*, *красный* и *золотой* цвета ассоциируются с разрушением, кровью и богатством. Очевидно, что с помощью такого слогана «Зеленые» напоминают адресату о значимости не только материальной, но и духовной составляющей жизни, противопоставляя себя обществу наживы и насилия.

Метафорические и переносные значения слоганов являются важным инструментом привлечения, удержания и акцентирования внимания адресатов на конкретной партии и создании ее имиджа. Так, в слогане *Farbe bekennen!* – ‘Раскройте карты!’ Партия зеленых выгодно противопоставляет себя другим партиям Германии, указывая на то, что она ведет честную, открытую и прозрачную политическую деятельность, чего нельзя сказать о других политических силах. Данный слоган призывает адресатов критически относиться к деятельности той или иной политической партии.

Прилагательное *grün* используется в некоторых слоганах в значении «отсутствие препятствий, задержек для осуществления чего-л.», например,

Sozial wird grün geschrieben! – ‘Социальному развитию зеленый свет!’. В отличие от красного или желтого цвета адресат воспринимает зеленый цвет как сигнал к действию, началу движения и развития, поэтому партия, опираясь на стереотипы, сложившиеся в обществе, в значительной степени облегчает представление и продвижение политического продукта – развитие социальной сферы жизни общества.

Необходимо отметить, что в политических слоганах партии «Die Grünen», в отличие от таких партий ФРГ, как CDU (ХДС) и FDP (СвДП), достаточно сильный акцент делается на наличие в структуре прилагательного *grün* или субстантивированного прилагательного *das Grün*. Статистический анализ позволил выявить, что 71 % слоганов имеет в своей структуре наименование цвета партии: *Grün bricht durch!* – ‘Зеленый вырывается вперед!’, *Grün ist der Wechsel!* – ‘Зеленый – это перемена!’, *Grün wirkt!* – ‘Зеленый действует!’, *Der Sommer wird grün!* – ‘Лето будет зеленым!’, *Grünner ist besser!* – ‘Лучше зеленее!’ и т.п. В структуре 29 % слоганов отсутствует наименование цвета, однако есть слова, которые ассоциируются с основным значением цвета партии: природа, Земля, погода, климат.

Таким образом, проанализировав слоганы как эмоционально яркие, сжатые, легко воспринимаемые выражения институциональной идентификации, можно сделать вывод, что значение цвета *grün* для партии «Die Grünen/Bündnis 90» не утратило своей символической значимости. Прямо или косвенно используя этот символ, Партия зеленых стремится донести до массового адресата свои идеи и цели политической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М. : Прогресс, 1977. – 405 с.
2. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века : сб. ст. – М. : РГГУ, 1995. – 432 с.
3. Дейк, Т. А. ван. К определению дискурса / Т. А. ван Дейк. – Лондон, 1998. – 25 с.
4. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
5. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М., 2002. – № 3. – С. 32–43.
6. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 328 с.
7. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
8. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache : in 10 Bd. = DGWdS / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1999.

Colours are used to represent a political stance, a political ideology or a position on the political spectrum. Colour represents an independent navigation system in reality, and consequently, political parties, on the one hand, exercise their influence on the functional condition of a person and, on the other hand, express their political goals.

Поступила в редакцию 27.12.2018

О. В. Сидоревич-Стахнова

О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности формирования лексико-семантического объединения «Вежливость» в испанском языке. На основании количественного анализа выявляется историческое ядро лексической системы средств вежливости, сформировавшееся на 80 % к XVII в. В семантике изучаемой лексики обнаруживается представление о вежливости, которое ориентируется на социально и культурно престижное пространство. В Средневековье особым престижем пользуется королевская феодально-рыцарская среда; в период Золотого века – обстановка аристократического салона или имитирующая ее социально привилегированная среда богатых горожан. В настоящее время в лексике вежливости испанского языка находят отражение представления о разных культурно-престижных социально-исторических пространствах.

В исследовании А. Г. Балакая [1] выдвигается положение о том, что при синхроническом описании языковых средств вежливого общения очень важно учитывать понятие эволюции и, следовательно, нельзя пренебрегать диахроническим методом.

Однако для автора диахроническая сторона проблемы видится прежде всего в архаических элементах общения, которые «не исчезают из современной языковой системы, а, переходя в группу нерегулярных форм, изменяют сферу употребления, стилистическое и прагматическое значение» [Там же]. Таковыми, например, в русском языке являются формулы типа «соблаговолите принять...», «соблаговолите ответить...» и т. д. Это значит, что общающиеся могут понимать подобные элементы и в некоторых случаях даже пользоваться ими (например, в иронических высказываниях), но, по сути, они не входят в систему норм современной вежливой речи [2, с. 210].

Вместе с тем обозначился теоретически существенный вопрос о том, могут ли в данную языковую систему вежливости интегрироваться формы, характеризующиеся в качестве элементов разных исторических периодов, но отмеченные признаками функционального и стилистического единства.

В этом смысле показательной является работа К. Элиха [3]. В отличие от А. Г. Балакая, немецкий ученый рассматривает тезис о необходимости изучать этимологические основы и внутреннюю форму языковых средств, используемых в синхроническом плане для выражения понятия вежливости. Такому пониманию соответствует и сформулированная в последние годы концепция культурно-гибридной вежливости [4].

Уже в первом приближении к нашему материалу видно, насколько важно учитывать исторические аспекты проблемы вежливости в испанском языке. Речь идет в первую очередь о лексике, так как именно лексическая сторона наиболее четко и последовательно отражает зависимость языковых форм от исторических факторов [5, p. 138].

В предлагаемой статье анализ лексической стороны выражения вежливости опирается на материал «Идеологического словаря испанского языка» Х. Касареса [6].

Как это свойственно идеографическому принципу вообще [7, с. 251], лексика вежливости у Касареса оказывается представлена элементами разных уровней логической иерархии.

Заслуживает внимания прежде всего высшая иерархическая единица (гипероним) изучаемого объединения – *cortesía* ‘вежливость’. Эта единица выделяется автором словаря в качестве наименования всего объединения, что эмпирически свидетельствует о гиперонимическом потенциале этой единицы.

Кроме того, *cortesía* служит основным идентификатором лексики вежливости в словаре Касареса. Напр., *atención* – *acto de cortesía*;

consideración – *cortesía*;

mesura – *cortesía*;

urbanidad – *cortesía*.

С учетом так называемой «трансформации объяснения» идентификационная процедура может быть расширена за счет единиц, уже описанных при помощи идентификатора, в нашем случае *cortesía*. Поэтому в перечне Касареса оказываются и лексические единицы, дефиниции которых опираются на слова, уже определенные в качестве единиц лексико-семантического объединения вежливости, например:

(buena) *crianza* – *urbanidad*;

cortesanía – *urbanidad*;

finura – *urbanidad*;

policía – *urbanidad* и др.

Указанные выше особенности позволяют заключить, что изучаемый материал опирается на полевой принцип системной организации лексики. Вместе с тем внимания заслуживают единицы, которые, также в соответствии с практикой идеографического описания, Х. Касарес включает в интересующее нас объединение фактически по принципу, предложенному Л. Витгенштейном под названием «фамильное сходство» [8, с. 109]. Речь идет о словах, казалось бы, непосредственно не связанных с идеей вежливости, но «переплетающихся и пересекающихся» с нею по различным линиям причинно-следственной зависимости. К ним относятся такие единицы, как *cultura* ‘культура’, *educación* ‘воспитание’, *visitar* ‘посещать’ и др.

В перечень Х. Касареса мы внесли следующие изменения. Во-первых, в этот перечень добавлены слова *usted* ‘Вы’, *señor* ‘господин’, *señora* ‘госпожа’, *don* ‘дон, господин’, *doña* ‘госпожа’, *señorita* ‘барышня’, *señorito* ‘молодой человек’, *caballero* ‘кабальеро, сударь’, *dama* ‘дама, госпожа’, которые не рассматривались Касаресом, очевидно, в силу их принадлежности к разряду обращений.

Подобные обращения как формы вежливости учитываются в исследовательской практике испанистов (см., например, [9, p. 30–48]). Кроме того, мы посчитали желательным включить в перечень также формы *compañero* ‘товарищ’ и *camarada* ‘товарищ’, представляющие интерес с точки зрения общественно-политической дифференциации средств обращения в испанском языке.

Второе изменение связано с исключением из перечня Х. Касареса нескольких элементов. Речь идет прежде всего о наречиях, представляющих собой регулярные образования от соответствующих прилагательных или адъективированных причастий (типа *cortésmente* ‘вежливо’ ← *cortés* ‘вежливый’, *distinguidamente* ‘благородно’ ← *distinguido* ‘благородный’). Из перечня изъято также несколько фразеологизмов, не отвечающих заданному лексическому критерию отбора единиц анализа. Всего в полученном таким образом перечне насчитывается 117 лексических единиц.

В соответствии с традиционной классификацией испанской лексики по этимологическому принципу в нашем материале выделяются слова: а) исконные по происхождению и б) заимствованные из других языков.

Под исконными понимаются такие лексико-семантические единицы, которые существуют с начального периода развития испанского (староиспанского) языка и которые продолжают научно зарегистрированные прототипы в языке-источнике (латыни) или в речи общероманского периода. В эту группу включаются, таким образом, слова типа *don* ‘дон, господин’, *mesura* ‘чувство меры, вежливость’, восходящие соответственно к латинским *dominus* ‘господин, хозяин’ и *mensura* ‘мера’.

Сюда же входят и слова, которые исторически квалифицируются как элементы других языков, но они были рано освоены латынью или романской речью и естественным путем перешли в испанский язык наравне с собственно латинскими элементами. Примером подобных слов может служить *agasajo* ‘приветливость’, определяемое в качестве продолжателя германского слова, заимствованного в общероманский период, т.е. до образования собственно испанского языка.

К исконной лексике мы относим также формы, представляющие собой результат деривационной активности слов первоначального латинского или освоенного латинским языком фонда:

Например:

лат. *caballarius* ‘конюх’ > исп. *caballero* ‘всадник, рыцарь, кабальеро’ > исп. *caballeroso* ‘рыцарский’ > исп. *caballerosamente* ‘по-рыцарски’.

Выражением древнего характера подобной лексики является тот факт, что ее движение от латыни к испанскому языку, как правило, сопровождается существенными семантическими изменениями.

Особо выделим *cortés* и *cortesía* – ключевые элементы интересующей нас лексики. Уже в латинском языке лежащее в их основе слово (*cohors*, в форме винительного падежа *cohortem*), базируясь на первоначальном значении ‘двор, загон’, показывает возможность собственного использования со значением ‘свита’ [10, с. 201], что объясняет более позднее испанское

corte со значением ‘окружение короля, феодала’. Отсюда и известное с XII века значение вежливости у производных *cortés* и *cortesía* [11, p. 174] (фактически ‘поведение, свойственное окружению короля, феодала’).

Обратим внимание на формирование производного значения вежливости. Здесь подчеркивается идея социального пространства, в котором вежливость проявляется как особое социальное достоинство. То же отмечается и для существительного *caballero* (< лат. *caballarius* ‘конюх’), семантика которого включает в себя такие значения, как «*El que se porta con nobleza y desinterés*» ‘Тот, кто ведет себя благородно и бескорыстно’; «*Persona de respeto*» ‘уважаемое лицо’; «*Señor, tratamiento de cortesía*» ‘сеньор, вежливое обращение’ [6, p. 128]. Как и в отношении *cortés*, *cortesía*, можно сказать, что семантика вежливости у существительного *caballero* сформировалась под влиянием представления о престижном социальном пространстве, в данном случае рыцарской среде.

Аналогичным образом можно интерпретировать не зарегистрированные в перечне Х. Касареса формы *compañero*, *camarada* с общим для них значением ‘товарищ’. Первое из них связывается с древним прототипом *compaña* (< вулг.-лат. **compania*), указывающим на группу людей, которые «делят общий хлеб» [11, p. 162]. Второе слово (*camarada*, производная форма от *cámara* ‘помещение’) первоначально означало ‘группа солдат, которые спят и едят вместе’ (т.е. ‘в одном помещении’) [Там же, p. 122].

Факты, связанные с идеей социального пространства, можно трактовать как существенную типологическую черту испанской лексики вежливости.

Другая сторона выделенного Х. Касаресом лексического объединения вежливости представлена заимствованиями, т.е. такими словами, которые проникали в испанский язык после того, как определились его национальные основы. В число отдельных примеров входят такие элементы, как *brindar* ‘поднимать тост’, т.е. ‘желать добра человеку, за которого предлагается тост’, *caravana* (1350 г.; результат метафорического преобразования заимствования из персидского языка: ‘караван’ → ‘ухаживание’ → ‘вежливость’ [Там же, p. 131]) или *aristocrático* ‘тонкий’, ‘вежливый’ (зарегистрировано в 1612 г., из греческого языка [Там же, p. 61]). Но подобные факты носят в известном смысле единичный или случайный характер, они не могут повлиять на специфику изучаемого лексического объединения. Более значительными представляются группы заимствований, существование которых в системе испанской лексики объясняется действием специфических для испанского общества культурно-исторических фактов. Обнаружено четыре группы таких заимствований.

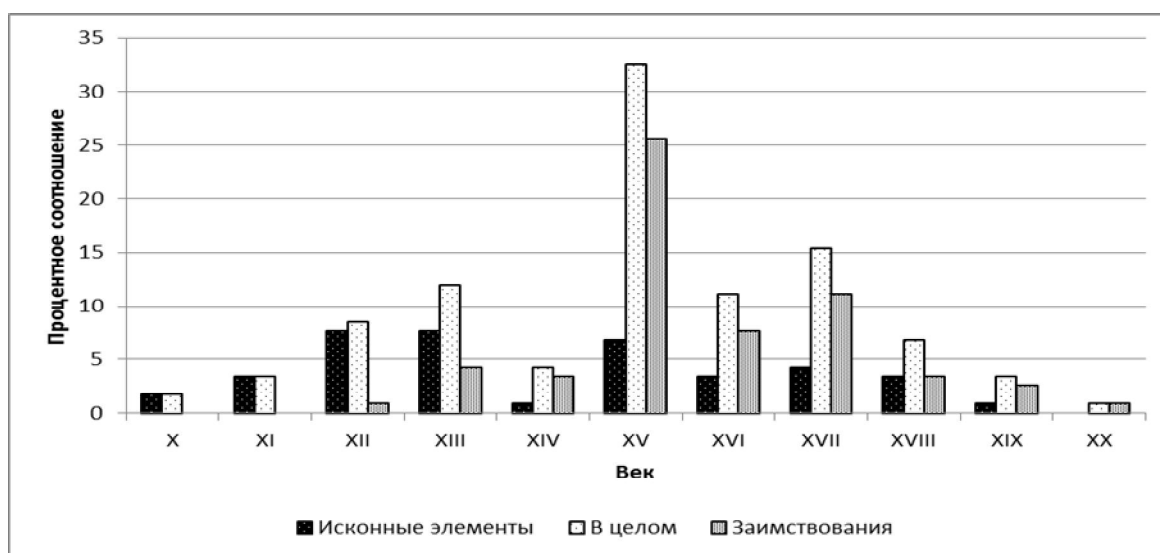
1. *Заимствования из арабского языка* в перечне Х. Касареса представлены словами – *azanahoriate*, *zalema*, *zalamelé*, относящимися к заимствованиям XV–XVI вв. и употребляющимися в качестве формул вежливости [11, с. 620–621]. Этот факт может показаться незначительным на фоне того, что в силу известных исторических обстоятельств – длительного арабского владычества – в целом арабизмы занимают значительное место в системе испанской лексики [12, p. 97]. Но с учетом сильного контроля со стороны церкви в сфере морали этот показатель представляется достаточно высоким [Там же, p. 102].

2. *Заимствования из французского языка* образуют подгруппу из нескольких слов: *pleitesía* ‘демонстрация вежливости’, *galantería* ‘учтивость’, *etiqueta* ‘этикет’ и *rendibú* «manifestación obsequiosa de respeto o cortesía» ‘галантная демонстрация уважения или вежливости’. Эти заимствования, как и указанные ниже заимствования из итальянского языка, свидетельствуют об особых отношениях Испании с другими западно-романскими странами в сфере культуры общения.

3. *Заимствования из итальянского языка* состоят из нескольких слов, семантически и морфологически возводимых к ит. *corte* ‘двор (королевский, феодальный)’ и укрепившихся в испанском языке в период XV–XVII вв.: *cortesano* ‘учтивый’, *cortesania* ‘учтивость’, *cortesano* ‘чрезвычайно учтивый’, *cortejo* ‘ухаживание’. Из этой серии выпадает слово *caricia* ‘приветливость’ (XVI в.), возводимое предположительно к ит. *carezza* (одного корня с лат. *carus* ‘милый, любезный’ [11, p. 133]).

4. *Заимствования из латинского языка* представляют собой особенно значительную подгруппу в составе лексико-семантического объединения вежливости по Х. Касаресу. В количественном отношении она превосходит все остальные подгруппы, включая исконную лексику, историко-этимологические подгруппы вместе взятые. Это само по себе показательно как выражение значимости исторического начала для испанской лексики вообще и для лексико-семантического объединения вежливости в частности.

Описанные количественные особенности формирования испанского лексикона вежливости в этимолого-хронологическом аспекте обобщенно представлены на рисунке.

Формирование лексико-семантического объединения вежливости испанского языка по этимолого-хронологическому принципу

Представленные на рисунке данные позволяют отметить следующее.

Первые признаки формирования лексикона вежливости испанского языка регистрируются в X в. Каждый последующий век привносит свою долю единиц вежливости, но этот процесс проходит неравномерно.

Эта неравномерность касается, во-первых, количественного соотношения исконных и заимствованных элементов объединения. Примечательно, что на начальных этапах испанский язык отдает предпочтение средствам выражения, относящимся к фонду исконной лексики. В X–XI вв. вообще не обнаруживается заимствований, а в последующие два отрезка времени исконные элементы явно преобладают: в XII и XIII вв. регистрируется соответственно 8 % и 8 % исконных единиц против устойчивого показателя 0,9 % и 4,5% заимствований для каждого из этих веков.

Но затем ситуация довольно резко меняется: начиная с XIII в. испанская лексика вежливости обращается все чаще и чаще к иноязычным источникам, прежде всего к латыни. Это особенно ярко проявляется в период XV–XVII вв., когда соответственно против 7 %, 3,5 % и 4% исконных слов в качестве новых элементов в испанский язык вливается соответственно 25,5 %, 8 % и 11 % иноязычных лексических единиц для обозначения вежливости.

Но переориентация испанского языка с внутренних (исконных) источников на источники иноязычные для пополнения лексикона вежливости носит не столько структурный, сколько социально-культурный характер. Речь идет о подготовке замкнутого на себе феодального уклада жизни к переходу на новые социально-политические и культурные ценности, свойственные эпохе Возрождения (*Edad de Oro*).

Во-вторых, обращают на себя внимание различия в общем объеме единиц, которыми обогащается испанский лексикон на разных отрезках его исторического развития.

Может показаться неожиданным всплеск номинативной активности в XII и XIII вв.: соответственно 9 % и 12 % новых лексических единиц вежливости приходится на это время. При этом предшествующие периоды (X–XI вв.) отмечены всего 2 % и 4 %, а последующий (XIV в.) – 4%. Но этому также имеется социально-культурное объяснение: такая ситуация соответствует периоду расцвета рыцарского уклада жизни в Западной Европе, включая Испанию.

В XV в. регистрируется максимальная степень номинативной активности изучаемого объединения, что находит объяснение в особенностях соответствующего социально-культурного климата эпохи (подступы к периоду *Edad de Oro*). Затем в последующие века, вплоть до нашего времени, наблюдается поэтапное снижение такой активности, что объясняется состоянием самого языка: формирование испанской лексики вежливости, по существу, почти завершилось. Как свидетельствуют данные рисунка, более 80 % современного ее состава определились уже к концу XVII в.

Обобщим вышесказанное. Описанный анализ выявил наличие в лексико-семантическом объединении вежливости элементов, относящихся к разным, особо важным в социально-культурном отношении периодам испанской истории. Во-первых, речь идет о самом древнем слое лексики. Здесь представлены слова исконного характера, этимологически возводимые к истокам испанского языка, т.е. к латыни и к общероманской эпохе. Во-вторых, лексика вежливости ярко отмечена заимствованиями, прежде всего из

латыни, которые по испанской лексикологической традиции принято называть культизмами (*cultismos*). Как мы видели, эти пласты лексики находятся в активном системно-функциональном взаимодействии.

Вместе с тем выявилась еще одна типологически важная черта изучаемой лексики. В ее семантике обнаруживается такое представление о вежливости, которое ориентируется в первую очередь не на свойства индивидуума, а на определенное социально и, следовательно, культурно престижное пространство. В античности таковым представляется городское пространство, в противоположность грубой деревенской жизни. В Средневековье высокий престиж имеет королевская феодально-рыцарская среда; в период Золотого века, связанного со становлением новых общественных отношений, – атмосфера аристократического салона или имитирующая ее социально привилегированная среда богатых горожан.

Таким образом, в изучаемой лексике находят отражение представления о разных культурно-престижных социально-исторических пространствах, что естественно ставит вопрос о характере их отношения к современному языковому сознанию. Полагаем, что ответить на этот вопрос помогает намеченная в романистике концепция культурно-гибридной вежливости [4]. Стержневая идея культурно-гибридной концепции вежливости заключается в том, что исторические свидетельства в языке необязательно воспринимаются как экзотизмы или стилистические раритеты прошлого. Некоторые из них представляют собой, напротив, живые, функционально активные, хотя и сохраняющие отзвуки былых времен, элементы современного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакай, А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. Г. Балакай; Орл. гос. ун-т. – Орел, 2002. – 40 с.
2. Богданова, В. А. Взаимодействие этических и коммуникативных норм / В. А. Богданова, Т. В. Кочеткова // Хорошая речь / О. Б. Сиротина [и др.]; под ред. М. Л. Кормилицыной, О. Б. Сиротиной. – 3-е изд. – М., 2009. – С. 197–211.
3. Ehlich, K. On the historicity of politeness / K. Ehlich // *Politeness in language: studies in its history, theory and practice* / R. J. Watts [et al.]; ed.: R. J. Watts, S. Ide, K. Ehlich. – Berlin; New York, 2005. – Chap. 3. – P. 71–107.
4. Mbouopda, D. La politesse, forme d'hybridité culterelle [Recurso electrónico] / D. Mbouopda // *Mondes Francophones*. – Modo de acceso: <http://mondesfrancophones.com/espaces/afriques/la-politesse-forme-dhybridite-culterelle/>. – Fecha de acceso: 24.08.2016.
5. Held, G. Politeness in linguistic research / G. Held // *Politeness in language: studies in its history, theory and practice* / R. J. Watts [et al.]; ed.: R. J. Watts, S. Ide, K. Ehlich. – Berlin; New York, 2005. – Chap. 5. – P. 131–153.
6. Casares, J. Diccionario ideológico de la lengua española / J. Casares. – Barcelona : G. Gili, 1963. – 887 p.
7. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 355 с.

8. *Витгенштейн, Л.* Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике: [сб. ст.]. – М., 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 79–128.
9. *Álvarez, A. I.* Hablar en español / A. I. Álvarez. – Oviedo : Ed. Nobel, 2005. – 206 p.
10. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь : ок. 50 000 слов / И. Х. Дворецкий. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1976. – 1096 с.
11. *Corominas, J.* Breve diccionario etimológico de la lengua castellana / J. Corominas. – Madrid : Gredos, 1973. – 627 p.
12. *Lapesa, R.* Historia de la lengua española / R. Lapesa. – Madrid : Gredos, 1981. – 690 p.

The article deals with the peculiarities of formation of lexical means to express politeness in the Spanish language. The paper identifies the historical core of the lexical means of politeness, of which 80 % had been formed by the 17th century. Due to the cultural and hybrid context, the historical testimonies in language can act as functionally active elements of contemporary communication although they retain signs of ancient times. The study of the etymological bases and the internal form of linguistic means of politeness is useful for understanding the modern state of the Spanish language.

Поступила в редакцию 12.12.2018

М. А. Соловьева

«АББАТСТВО ДАУНТОН» КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена исследованию британского сериала «Аббатство Даунтон» как прецедентного текста англоязычного дискурса. Фильм рассматривается как явление современного семиотического пространства, насыщенное культурными и историческими кросс-референциями. В статье анализируются основные темы сериала, способствующие функционированию этого феномена культуры как элемента референции в законодательной деятельности, публичных выступлениях, текстах различных жанров, документальных фильмах и сети Интернет.

По утверждению современных исследователей, дискурс как форма общественных коммуникативных практик, характеризуемая взаимопроникновением контента и контекста, а также интертекстуальностью, репрезентируется любым объектом культуры, вовлеченным в коммуникативный процесс [1, с. 52; 2, р. 39]. Одним из таких объектов является, на наш взгляд, исторический сериал «Аббатство Даунтон» («Downton Abbey») по сценарию Джулиана Феллоуза. Этот фильм является призером многочисленных телевизионных и кинематографических премий и представляет собой знаковое явление британской культуры и мирового англоязычного дискурса в целом. Несмотря на то, что сериал транслировался несколько лет назад, темы, затронутые им, продолжают обсуждаться в англоязычном дискурсе по сей день. Этот фильм способствовал возрождению интереса к постэдвардианской эпохе, написанию научных, научно-популярных и художественных книг, а также созданию документальных киноматериалов о данном периоде.

Указание на «Аббатство Даунтон» активно используется как ключевая тема, референтный элемент (объект культуры, по отношению к которому осуществляется поиск информации и кросс-референции) в сети Интернет.

Вышесказанное позволяет отнести «Аббатство Даунтон» к «прецедентным текстам культуры» в трактовке Ю. Н. Караулова, который называет «прецедентными текстами» театральные спектакли, кино, телевизионные программы, представляющие собой явления культуры, известные всем, используемые как критерии оценки и сравнения, аргументы в дискуссии, факторы принадлежности коммуникантов к одному и тому же речевому коллективу или социально-культурному слою и т.д. [3, с. 43–44]. Подтверждением прецедентности текста, вероятно, может служить и понятный коммуникантам отсыл к нему в шутке в публичном выступлении [4].

Воздействие фильма непосредственно на жизнь британского общества, его социокультурный и политический дискурс оказалось очень велико. Проиллюстрировать данный факт можно, например, тем, что сериал повлиял даже на законодательную деятельность Парламента Великобритании. Толчком для этого стала поднятая в фильме проблема запрета на наследование имущества и титула предков прямыми потомками женского пола. В начальных сериях фильма повествуется о том, что леди Мэри как старшая дочь графа Кроули (лорда Грэнтэма) не может быть полноправной наследницей титула и имени отца, поскольку ее предполагаемый жених – кузен и главный наследник мужского пола – гибнет на «Титанике», необходимо отыскать следующего в ряду наследования родственника-мужчину, чтобы сохранить имущество и титул лорда Грэнтэма. Общеизвестно, что этот сюжет послужил предпосылкой для создания и рассмотрения в Парламенте в 2013 году проекта «Билля о равноправии» (Equality (Titles) Bill), называемого в народе «Законом Даунтон» или «Законом Аббатства Даунтон», который был призван положить конец гендерной дискриминации и позволить женщинам-аристократкам наследовать титул и имущество предков [5]. Состоялось только два чтения этого «Билля», он не был принят, при этом ситуация такова, что некоторые титулы в британской системе находятся под угрозой вымирания, поскольку в аристократических семьях, обладающих ими, нет наследников мужского пола [6].

Постэдвардианский период, отраженный в драме, является очень важным в истории Великобритании, так как он связан со многими общественными, политическими и культурными переменами в жизни страны и мирового сообщества. В сериале многие сложные исторические события не только упоминаются и обсуждаются его героями, но и непосредственно влияют на их судьбу как представителей своего класса. Это такие перипетии, как Первая мировая война, Октябрьская революция в Российской империи, эпидемия испанки, война за независимость Ирландии, британские выборы 1923 года, зарождение нацистского движения в Германии и другие. Таким образом, историческая эпоха, связанная с кардинальными изменениями в жизни Великобритании, может быть осознана зрителями через образы персонажей фильма, что способствует эмоциональной вовлеченности интерпретатора и иллюзии его личной погруженности в события, возникновению эмпатии как фактора, способствующего максимальному осознанию narra-

тива [7, л. 14–16]. Сериал, насыщенный культурными, социальными, политическими и историческими кросс-референциями, вводит зрителя в британский дискурс начала 1910–1920-х годов, опираясь на хорошо известные факты эпохи, стимулируя интерес к тонкостям прошлого страны и демонстрируя динамику развития британского общества соответствующего периода не только за счет фактологии фильма, но и при помощи образов его персонажей, а также основных тем анализируемого произведения искусства.

Одной из ключевых тем фильма является противостояние традиции и серьезных общественных изменений, многие из которых оказались весьма прогрессивными для британского общества. Наиболее явной тенденцией, затрагиваемой сериалом, является тема эмансипации женщин. В 1910-х британским женщинам любого класса сложно было наслаждаться независимостью, если они были не замужем [8, loc. 376, 1953]. Как ни странно это звучит в XXI веке, замужество позволяло женщине создать идентичность, которой она не обладала, будучи «пленницей» родительской семьи, пусть и в роскошном замке [8, loc. 1796].

Дочери лорда Кроули стремятся к эмансипации и преодолевают предрассудки своего времени различными способами, включая комические. Например, леди Сибил шокирует свою консервативную семью тем, что под влиянием коллекции «султана моды» Поля Пуаро надевает к ужину шаровары [Там же, loc. 1342]. До Сибил ни одна женщина ее класса не позволяла себе носить брюки [Там же]. Сестра Сибил, Эдит, отважится надеть брюки только во время Первой мировой войны, когда следование гендерным ролям будет менее важно, чем работа во имя победы над врагом.

Совершает Сибил и более серьезные поступки, расходящиеся с общественными представлениями об образе аристократки. Она, как и ее старшая сестра Мэри, работает сестрой милосердия, когда во время Первой мировой войны в их замке располагается госпиталь. Как отмечают некоторые исследователи, после организации в замке госпиталя, патриархальная иерархия нарушается, роли меняются и Роберт Кроули уже не чувствует себя полноправным хозяином усадьбы, поскольку на первый план выходят его жена и дочери, что знаменует собой начало серьезных социальных перемен в Великобритании [8, loc. 1729].

Еще ранее леди Сибил увлекается социалистическими идеями, посещает митинг социалистов и сочувствует взглядам шофера семьи Тома Брэнсона – ирландца-социалиста и католика. Здесь отражается критика неприятия английской аристократией католиков [9]. В целом же семья Кроули демонстрирует религиозную и этническую терпимость, и это отражает начало перемен в британском обществе.

Тема изменений и эмансипации иллюстрируется и посредством образа леди Мэри. Героиня осознает, что время процветания больших аристократических поместий прошло, и, несмотря на то, что она женщина, сражается за право управлять имением, чтобы избежать продажи поместья, как это происходит с ее соседями.

Одной из поначалу одиозных, а в итоге наиболее эмансипированных и самостоятельных фигур в сериале является средняя дочь лорда Грэнтэма –

Эдит. Война, нравы двадцатых годов и пережитые невзгоды позволяют Эдит освободиться от роли незамужней неудачницы, не способной найти достойного жениха и превратиться в человека, занятого полезным для общества делом, не обязательно типичным для женщины не только ее положения. Она проходит трансформацию от трактористки-помощницы фермера до автора колонки и владелицы журнала, унаследованного ею по завещанию несостоявшегося мужа, предположительно, погибшего от рук «коричневых рубашек» в Германии. Эдит нанимает женщину-редактора и проживает самостоятельно в лондонской квартире. Героиня отваживается на сохранение жизни своей незаконнорожденной дочери, но воспитывает ее не в качестве матери, скрывая практически от всех родственную связь с ребенком, а в качестве опекуны, что отражает предубеждения той эпохи.

В американском дискурсе взгляды, передаваемые фильмом «Аббатство Даунтон», определяются как бесспорно феминистские («*decidedly feminist*»), несмотря на то, что классовое устройство общества в 1910–1920-х годах интерпретируется в сериале с позиций Тори, а сам Дж. Феллоуз является консервативным членом Палаты лордов [10]. Сценарист сериала подчеркивает, что сознательно ввел тему феминизма, т.к. вплоть до 1960-х годов женщины жили в рамках бесконечных ожиданий касательно своего поведения и должны были каким-то образом отыскать свой путь, находясь в тисках традиций того времени [10].

Сериал «Аббатство Даунтон» пробуждает интерес публики не только к истории Великобритании в целом, аристократии и эмансипации ее представителей в частности, но и к положению низших классов в постэдвардианскую эпоху. Говоря о Великобритании того времени, надо помнить, что Англия – это «страна слуг» [11]. Так, при общем числе населения в 36 миллионов в начале XX века количество слуг составляет 1,5 млн. [12].

Бесспорно, существование слуг было далеким от комфортного, отличным от того идиллического образа, который создается фильмом [8, лос. 1019]. Нельзя забывать, что речь идет о работе в больших поместьях, со множеством комнат, которые необходимо содержать в чистоте и порядке, с многочисленными лестницами, которые надо преодолевать, часто с тяжелыми емкостями для воды, а званые ужины готовятся на сорок человек [11; 13]. И все же для людей низшего сословия работа слуги означала надежную занятость и при этом была интересной в том смысле, что люди становились частью того мира, который иначе был для них закрыт [8, лос. 996, 1082].

В сериале отражается то, что обязанностью помещного аристократа было обеспечить представителей местного сообщества работой, в частности, предоставить место слуги, это было важно для сирот и безработных, что демонстрируется в фильме [11]. Когда речь идет о взаимодействии со слугами и людьми, живущими в окрестностях, в литературе о фильме «Аббатство Даунтон» встречается концептуальная метафора «семья» [8]. Лорд Грэнтэм позиционируется как глава «расширенной семьи» [Там же, лос. 312]. Высказывается мнение о том, что слуги обретали в поместье новую семью, так же как современные британцы, покидая родной дом, формировали дружеские или рабочие связи, создавая эрзац семьи [Там же, лос. 106].

Это утверждение интересно тем, что оно достаточно нетипично для британского дискурса, где, как представляется, ключевым является понятие «community» («община, общество, сообщество»), в то время как концепт «семья» является основополагающим для американского общественного и политического дискурса [14].

Однако уже в 1910-е годы у людей появляются новые возможности. Число слуг сокращается с 1,38 миллионов человек в 1891 году до 1,27 миллионов в 1911 году, при том, что растет буржуазный средний класс, который мог бы быть заинтересован в найме слуг на работу [11]. Новое время предоставляет и новые шансы для представителей более низких слоев общества при переходе в более высокий класс или при выборе более комфортных, выгодных условий труда. У женщин появляются альтернативы: они могут работать секретарями, на фабрике, продавцами в больших супермаркетах [8, loc. 793]. Женщины также могли быть вовлечены в работу местного управления, к которому относится и работа учителя [8, loc. 793].

В фильме демонстрируется то, как в начале XX века работа слуги теряет привлекательность и флер респектабельности, поскольку социальные границы размываются. Если предыдущее поколение гордилось верностью хозяевам, то представители молодежи даже из отдаленных сельских уголков отдают предпочтение иным профессиям, понимая, благодаря растущему уровню грамотности и доступу к массовой культуре, в частности радио и кино, что современная жизнь предлагает им больше возможностей, чем их родителям [8, loc. 1146].

Еще более серьезные изменения в жизни слуг происходят из-за Первой мировой войны, когда на фронте гибнут владельцы поместий и их работники, а имения разоряются. Как ни печальны жертвы, причиненные войной, она открыла новые вакансии для женщин. Эти возможности повлекли за собой серьезные социальные и гендерные изменения, посодействовав эмансипации женщин, оттоку слуг из поместий и продвижению мужчин не дворянского происхождения по службе в армии [8].

Еще одним фактором, повлиявшим на облик рынка труда, стало появление и внедрение бытовой техники. В фильме отражается, как доступность электричества и постепенно появляющаяся домашняя техника, например, пылесосы и холодильники, отменяют необходимость в большом количестве слуг [8, loc. 847; 12].

В сериале имеется несколько примеров того, как тенденции указанного времени сказались на жизни одного загородного поместья. Так, служанка Гвен, еще до Первой мировой войны, купив печатную машинку и пройдя заочные курсы машинистки и стенографистки, с помощью леди Сибил находит работу секретаря сначала в телефонной компании, а потом в правительстве. Карьера секретаря может показаться скромной с позиций сегодняшнего дня, но в 1913 году идея фермерской дочери отказаться от хорошей работы в поместье выглядела безумной, а ее успех был одновременно и невероятным, и вдохновляющим для ее бывших сослуживцев [8, loc. 1194]. Безграмотная помощница поварихи Дейзи самостоятельно приобретает базовые школьные знания, чтобы вести дела на ферме своего

свекра, что повышает ее статус по сравнению с работой служанки. Дворецкий Вайолет Кроули, надменный Септимус Спрэт, в конце фильма ведет колонку советов в журнале леди Эдит под псевдонимом Мисс Кассандра Джоунс. А неудачник-лакей и добряк Джозеф Моузли, сдав необходимые экзамены, прощается с карьерой слуги и реализует свою мечту, став школьным учителем и найдя себя в этом призвании.

Таким образом, на общем фоне отражения изменений, имевших место в британском обществе в 10-х–20-х годах XX века в сериале «Аббатство Даунтон», ставшем знаковым феноменом культуры, наиболее ярко переданы темы эмансипации женщин и слуг как представителей общества, не имевших ранее перечисленных выше возможностей для самореализации и обретения самостоятельности. Фильм также выражает тенденции общественных, политических и технологических преобразований, характерных для указанного периода. Сериал представляет британскую аристократию в достаточно благоприятном свете как носителей благородных ценностей, прослойки общества, действующей в рамках метафорического восприятия поместий как центров расширенной семьи, включающей в себя представителей местного сообщества. Фильм «Аббатство Даунтон» является прецедентным текстом англоязычного дискурса, поскольку, будучи насыщенным культурными и историческими кросс-референциями, выступает активным референтным элементом в публичных выступлениях, документальных фильмах, текстах различных жанров и в сети Интернет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ухванова-Шмыгова, И. Ф. Лингвистика дискурса и теория познания: кластерные контент-контекстная и практико-деятельностная теории дискурса / И. Ф. Ухванова-Шмыгова // La Table Ronde. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной лингвистики: материалы круглого стола, Опол, 11–12 апреля 2011 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Д. Бжосовска [и др.]. – Минск, 2013. – Вып. 2. – С. 51–59.
2. Oukhvanava, I. Methodology of discourse analysis in the works on art criticism by Pavel Florensky / I. Oukhvanava // Discourse linguistics and beyond / SPRACHLIT. – Berlin, 2017. – Vol. 2: Current approaches in Eastern Europe. – P. 37–44.
3. Караулов, Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативная вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. – М. : ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
4. Brown, B. Why Your Critics Aren't The Ones Who Count / B. Brown // 99u.adobe.com [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access : <https://99u.adobe.com/videos/20052/brene-brown-stop-focusing-on-your-critics>. – Date of access : 23.10.2018.
5. Equality (Titles) Bill // www.parliament.uk [Electronic resource]. – 06.12.2013. – Mode of access : <https://services.parliament.uk/bills/2013-14/equalitytitles.html>. – Date of access : 17.10.2018.
6. Singh, A. Julian Fellows: inheritance laws denying my wife a title are outrageous / A. Singh // The Telegraph [Electronic resource]. – 13 Sep. 2011. – Mode of access : <https://www.telegraph.co.uk/news/picturegalleries/celebritynews/8757793/Julian-Fellows-inheritance-laws-denying-my-wife-a-title-are-outrageous.html>. – Date of access : 17.10.2018.

7. *Соловьева, М. А.* Роль дистантных отношений в структурировании и понимании английского художественного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М. А. Соловьева. – Минск, 2005. – 183 л.
8. *Fellowes, J.* The World of Downton Abbey / J. Fellowes. – New York: Collins, 2011. – 304 p.
9. *Walker, T.* Downton Abbey's anti-Catholic plot / T. Walker // The Telegraph [Electronic resource]. – 22 Oct. 2012. – Mode of access : <https://www.telegraph.co.uk/culture/tvandradio/downton-abbey/9624196/Downton-Abbeys-anti-Catholic-plot.html>. – Date of access : 17.10.2018.
10. *Lincoln, Ross A.* How Feminist and LGBT Themes Shaped 'Downton Abbey' / Ross A. Lincoln // Deadline [Electronic resource]. – June 6, 2015. – Mode of access : <https://deadline.com/2015/06/downton-abbey-panel-discussion-social-issues-1201438853>. – Date of access : 17.10.2018.
11. *Wallis, L.* Servants: a life bellow stairs / L. Wallis // BBC [Electronic resource]. – 22.09.2012. – Mode of access : <https://www.bbc.com/news/magazine-19544309>. – Date of access : 17.10.2018.
12. *Lee, A.* The real life Downton Abbey: The true story servants / A. Lee // Daily Express [Electronic resource]. – 25.09.2012. – Mode of access : <https://www.express.co.uk/expressyourself/348130/The-real-life-Downton-Abbey-The-true-story-of-servants>. – Date of access : 17.10.2018.
13. *Carnarvon, F.* Lady Almina and the Real Downton Abbey: The Lost Legacy of Highclere Castle / F. Carnarvon. – New York: Broadway Books, 2011. – 310 p.
14. *Lakoff, G.* The Political Mind / G. Lakoff. – New York: Penguin Group, 2008. – 292 p.

The article investigates the «Downton Abbey» series as a precedent text of discourse in the English language. The film is considered as a contemporary semiotic space phenomenon, saturated with cultural and historical cross-references. The article analyses the main topics of the series which determine this cultural phenomenon functioning as a reference element in legislation, public speeches, texts of diverse genres, documentaries and the Internet.

Поступила в редакцию 05.11.2018

Т. В. Тропец

ФОРМИРОВАНИЕ ДЕНОТАТИВНОГО КОМПОНЕНТА СЕМАНТИКИ АНГЛИЦИЗМОВ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена выявлению закономерностей формирования денотативного компонента лексического значения англицизмов в итальянском языке. Материалом исследования послужили лексические единицы, проникшие в итальянский язык из английского в конце XX – начале XXI вв. и зафиксированные толковыми словарями итальянского языка, а также лексические единицы английского языка, выступившие в качестве прототипа заимствования. Англицизмы распределяются по двум группам, в качестве критерия выступает отсутствие/наличие преобразования значения, свойственного прототипу. Выявлены семантические процессы, лежащие в основе преобразования денотативного компонента заимствованных слов. Результаты исследования (типология семантических процессов и их количественная характеристика) могут быть использованы применительно к англицизмам в других языках либо в сопоставительных исследованиях.

Во второй половине XX в. в составе иноязычных заимствований в итальянском языке англицизмы по количественному показателю превзошли заимствования из других языков, в том числе и из французского [1]¹, который являлся на протяжении длительного времени основным внешним источником пополнения итальянского лексикона. По данным наиболее полного из современных толковых словарей и весьма авторитетного в научном смысле *Grande dizionario italiano dell'uso* в начале XXI в. в итальянском языке насчитывается 6292 заимствования из английского и 4944 – из французского [2, р. 1168, 1170]. Присутствие английского языка, по словам М. Дардано, является одним из факторов, лежащих в основе развития лексической системы современного итальянского языка [3, с. 340]. Тем не менее, вопросы, касающиеся семантики англоязычных заимствований, до настоящего времени не получили теоретического осмысления. Об этом свидетельствует, например, такое капитальное исследование, как монография, посвященная англицизмам в итальянском языке, сербского лингвиста И. Кляйна [4]. Автор говорит о том, что «семантика заимствований, если исследовать ее полно и всесторонне, предстает как область очень сложная и еще почти неизученная» [4, р. 104] и приводит около двух десятков слов с указанием их значения в итальянском и английском языках. В других исследованиях, направленных на решение частных задач, анализируются изменения отдельных заимствованных слов в диахроническом аспекте [5], приводятся фрагментарные сведения о семантических преобразованиях английских заимствований в сравнении с прототипом в языке-источнике [6; 7; 8; 9], а также интуитивно утверждается, что преобразование значения происходит в соответствии с общими семантическими процессами [10]. Вышесказанным определяется актуальность настоящего исследования.

Одним из элементов лексического значения является предметно-понятийное содержание. Данному типу содержания соответствует денотативный компонент значения [11, с. 195]. Значение обладает иерархической организацией. В его составе выделяют архисемы – семы родового значения и дифференцирующие семы – семы видового значения, а также потенциальные семы, отражающие побочные характеристики обозначаемого объекта [12, с. 275]. Изменения рангового статуса сем, их центростремительные или центробежные перемещения, редукция или актуализация составляют основу семантических процессов, происходящих в лексическом значении слова [13, с. 203]. Семантические процессы являются общими для всех языков, но проявляются в каждом языке по-разному [12, с. 95].

Цель настоящего исследования состоит в выявлении закономерностей формирования денотативного компонента лексического значения англицизмов в итальянском языке.

Материал исследования составили лексические заимствования, проникшие в итальянский язык из английского в последнее десятилетие XX – начале XXI века и зафиксированные в толковых словарях итальянского языка, а также лексические единицы английского языка, выступившие в качестве прототипа заимствования.

¹ Здесь и далее перевод с итальянского и английского наш. – Т. Т.

Источником материала послужили авторитетные лексикографические источники современного итальянского языка¹: *Grande dizionario italiano dell'uso* (Большой толковый словарь итальянского языка) под редакцией Т. де Мауро, *Il Sabatini Coletti: dizionario della lingua italiana* (Сабатини Колетти: словарь итальянского языка) под редакцией Ф. Сабатини и В. Колетти и *Lo Zingarelli: vocabolario della lingua italiana* (Ло Дзингарелли: словарь итальянского языка) под редакцией М. Дольотти и Л. Розьелло. Обращение к толковым словарям продиктовано, прежде всего, тем фактом, что иноязычное слово входит в язык-реципиент постепенно, на первых порах выступает окказионализмом. Фиксация же слова в толковом словаре «... указывает на то, что слово признается принадлежащим лексико-семантической системе данного языка» [15, с. 78]. Из словарей методом поиска по помете были отобраны лексические единицы с этимологической пометой *angl[icismo]* ‘англ[ицизм]’, датированные, как заимствованные в исследуемый период. Так как в работе не ставятся и не решаются вопросы хронологии, то результаты исследований, зафиксированные в словарях, являются исходным моментом.

Отбор прототипов осуществлялся по принципу случайной выборки из англоязычных толковых словарей, а также терминологических словарей по различным отраслям науки и других справочных изданий. Были использованы электронная база данных издательства Оксфорд (*Oxford Reference on Line*, которая включает языковые словари и справочные издания по всему спектру знаний), Оксфордский словарь английского языка (*Oxford English Dictionary*, 600 тыс. слов), а также словари других издательств (см. Список лексикографических источников).

Изучение становления лексического значения англицизмов проводилось путем сравнения семного состава прототипа и коррелятивного заимствования. Для этого в работе использовался дефиниционный анализ как основной инструмент при изучении содержательной стороны языковой единицы: «Словарная дефиниция представляет собой текст особого рода – объяснительный по своему характеру. Специфика этих текстов заключается в том, что они целиком состоят как бы из ключевых слов, а это значит, что всякое полнозначное слово <...> в правой части толкового словаря может расцениваться как отдельный семантический компонент» [16, с. 54]. Единицей анализа выступило заимствованное значение², для наименования которого в работе используется термин «лексико-семантический вариант» (ЛСВ). Общее количество выборки составляет 1398 ЛСВ.

Описание семантических процессов и установление закономерностей формирования денотативного компонента заимствованных слов осуществлялись с применением описательного метода и метода количественного анализа. Работа выполнена в рамках синхронического подхода.

¹ Подробная характеристика итальянских словарей содержится в [14].

² Номер значения указывается в случае наличия соответствующей маркировки в используемых словарях.

В составе англицизмов в итальянском языке были выделены две группы:
1) заимствованные с сохранением денотативного компонента прототипа;
2) заимствованные с изменением денотативного компонента прототипа.

Большинство исследуемых единиц входит в состав первой группы (932 ЛСВ; 66,7 %). Сохранение денотативного компонента характерно для англицизмов, представляющих собой узкоспециальные термины в обоих контактирующих языках, например, *tamoxifene*, *rille*, *blooper*, а также слов, называющих новые предметы или явления, например, *quad*, *chutney*. Семные составы прототипа и коррелятивного заимствования являются практически идентичными, совпадают как архисемы, так и дифференцирующие семы, например, англ. *tamoxifen* '(медицина) синтетическое лекарственное средство, используемое для лечения рака груди и бесплодия у женщин. Является антагонистом эстрогена' [17] – итал. *tamoxifene* '(фармакология) синтетическое лекарственное средство, способное предупреждать поглощение эстрогенов в специфических участках рецепторов, применяется в химиотерапии рака молочной железы на поздних стадиях' [18]; англ. *rille* '(астрономия) расщелина или узкая борозда на поверхности Луны' [17] – итал. *rille* '(астрономия) типичное образование на поверхности Луны, представляющее собой длинную борозду в нижней части долины, похожую на ту, которая возникает под действием водного потока' [18]; англ. *blooper* '[морское дело] передний парус, который используется на гоночных яхтах в хорошую погоду, он не крепится к форштагу и часто ставится со спинакером с подветренной стороны от него' [19] – итал. *blooper* 'мор[ское дело], парус из легкой ткани, который ставится вместе со спинакером, преимущ[ественно] в фордевинде' [18]; англ. *quad* '1. (неформальное) мотоцикл с четырьмя широкими колесами для езды по пересеченной местности' [17] – итал. *quad* 'разновидность мотоцикла-вездехода с четырьмя колесами' [18]; англ. *chutney* 'острый соус индийского происхождения, приготовленный из фруктов или овощей с уксусом, специями и сахаром' [17] – итал. *chutney* '(кухня) кисло-сладкий соус из фруктов и овощей, приготовленных в сиропе из уксуса, сахара и специй' [20].

Вторая группа представлена меньшим количеством единиц (466 ЛСВ; 33,3 %). Изменение денотативного компонента прототипа произошло в результате таких семантических процессов, как конкретизация (208 ЛСВ; 14,9 %), метонимический перенос (168 ЛСВ; 12 %), метафорический перенос (38 ЛСВ; 2,8 %), обобщение (32 ЛСВ; 2,3 %), смещение (19 ЛСВ; 1,3 %).

На семном уровне конкретизация значения проявляется в появлении или исчезновении дифференцирующих сем, изменении дифференцирующей семы либо архисемы от более общей, родовой в английском языке к конкретной, видовой в итальянском языке, появлении или исчезновении элементов архисемы. Имеет место также и сочетание этих процессов. Подобные изменения в семном составе привели к тому, что слово от обозначения родового понятия в английском языке перешло к обозначению видového понятия в итальянском языке. Как следствие, англицизмы в сравнении с прототипом называют меньшее количество предметов и явлений, например, англ. *bike* '(неформальное) велосипед или мотоцикл' [17] – итал. *bike* 'мотоцикл' [18]; англ. *biopic* '(неформальное) биографический фильм'

[17] – итал. *biopic* ‘фильм, основанный на биографии современного деятеля’ [18]; англ. *de-icing* ‘удаление или предотвращение образования льда’ [21] – итал. *deicing* ‘авиа[ция], освобождение ото льда внешних элементов и двигателей самолета перед полетом’ [18]; англ. *retailer* ‘человек, магазин или предприятие, которые продают товары населению’ [22] – итал. *retailer* ‘торг[овля], предприятие, которое торгует в розницу’ [18]; англ. *social dance* ‘1. групповой или парный танец, которым занимаются в качестве досуга либо для общения’ [23] – итал. *social dance* ‘групповой танец’ [20].

Обобщение значения представляет собой обратный семантический процесс. В семной структуре англицизма в сравнении с прототипом имеет место появление либо исчезновение дифференцирующей семы. В ряде случаев архисема прототипа обобщается вследствие перехода от видовой к родовой либо усложняется за счет появления нового элемента, а также упрощается в результате утраты одного из элементов. Англицизмы и их прототипы соотносятся как родовое и видовое понятие. Подобные изменения привели к увеличению номинативной возможности англицизмов: они называют большее число явлений и предметов, употребляются в более разнообразных ситуациях и контекстах в сравнении с прототипом, например, англ. *Disneyland* ‘большое, оживленное место с красочными достопримечательностями’ [24] – итал. *disneyland* ‘красочное место, впечатляющий момент’ [25] – англ. *party line* ‘2. параллельная телефонная линия’ [26] – итал. *party-line* ‘телефонная линия или чат, с помощью которых могут общаться несколько людей’ [18]; англ. *playlist* ‘список записанных песен или музыкальных произведений, выбранных для трансляции в радиопередаче или на какой-либо радиостанции’ [17] – итал. *playlist* ‘совокупность музыкальных произведений, переданных по радио или использованных в заведении за определенный период времени’ [18]; англ. *frontman* ‘1. солист поп- или рок-группы’ [17] – итал. *frontman* ‘выдающийся участник, особ[енно] музыкального коллектива’ [18].

Процесс смещения заключается в замене дифференцирующих сем прототипа на дифференцирующие семы англицизма при сохранении архисемы, в результате чего происходит переход от видového понятия в языке-источнике к смежному видовому понятию в языке-реципиенте в рамках одного родового понятия. Таким образом, прототип и англицизм называют различные предметы и явления, объединенные при этом общим родовым, например, англ. *bookshop* ‘магазин, в котором продают книги’ [21] – итал. *bookshop* ‘место продажи книг, репродукций, различных материалов в музеях, на выставках, презентациях’ [25]; англ. *superbike* ‘мотоцикл с номинальной мощностью двигателя 750 см³ и более’ [21] – итал. *superbike* ‘мотоцикл[етный спорт], мотоцикл с таким [более 500 см³] рабочим объемом двигателя’ [18]; англ. *hub* ‘3. большой региональный аэропорт, который служит местом пересадки на другие рейсы’ [27] – итал. *hub* ‘1. большой межконтинентальный аэропорт, который является важным авиаузлом’ [18].

Изменение лексического значения англицизмов вследствие метонимического и метафорического переносов, в отличие от описанных выше семантических процессов, отражается на денотативной отнесенности прототипа и коррелятивного заимствования.

Метонимический перенос значения в процессе заимствования идет по пути замены архисемы прототипа на архисему англицизма. Сходство значения подтверждается наличием общих дифференцирующих сем. Прототип в языке-источнике и англицизм в итальянском языке используются для обозначения разных, но обладающих смежностью предметов, явлений и ситуаций реальной действительности. Одно и то же слово в английском и итальянском языках обозначает, например, действие и исполнителя действия, вместилище и вещество, вещество и инструмент для его использования и т.д. Ср., например, англ. *roll-on* ‘дезодорант и т. п., который наносится с помощью вращающегося аппликатора, установленного на горлышке флакона’ [21] – итал. *roll-on* ‘косм[етика], аппликатор дезодоранта в виде шарика, который вращается на коже’ [18]; англ. *popper* ‘2. (неформальное) небольшой флакон с амилнитритом, используемым для вдыхания, который при вскрытии издает хлопок’ [17] – итал. *popper* ‘хим[ия], вещество на основе амилнитрита, которое тайно применяют в качестве афродизиака’ [18]; англ. *food* ‘любое питательное вещество, которое едят или пьют люди или животные, либо то, которое потребляют растения для того, чтобы поддерживать свою жизнедеятельность и рост’ [17] – итал. *food* ‘промышл[енность], пищевой сектор большой торговой сети’ [18].

Изменение значения вследствие метонимического переноса может быть также обусловлено исчезновением одного или нескольких элементов сложного слова, послужившего в качестве прототипа. В результате сокращения морфологической структуры происходит перенос значения на оставшуюся часть многокомпонентного слова, например, англ. *surround sound* ‘стереосистема, состоящая из трех или более колонок, расположенных вокруг слушателя для того, чтобы создать более реалистичный эффект’ [17] – итал. *surround* ‘электр[оника], особая акустическая система, состоящая из двух или более колонок расположенных вокруг слушателя с целью создания эффекта звуковой вовлеченности’ [18]; англ. *rooming-in* ‘форма госпитализации, при которой родильница и новорожденный находятся вместе и мать как можно больше заботится о ребенке’ [21] – итал. *rooming* ‘мед[ицина], практика, которая состоит в том, чтобы оставлять новорожденного ребенка с матерью, а не в палате для новорожденных с другими детьми’ [18]; англ. *snooze alarm* ‘будильник на прикроватных часах, который можно установить так, чтобы он повторялся спустя некоторое время’ [21] – итал. *snooze* ‘в современных будильниках функция, которая позволяет временно прервать звонок, который снова работает некоторое время спустя’ [18].

Основу метафорического переноса составляет замена дифференцирующих сем прототипа на дифференцирующие семы заимствования на основе общей семы, которая может иметь статус дифференцирующей или потенциальной. Общая сема указывает на признак, форму, размер, общность функции, назначения или характер протекания действия. Архисемы прототипа и англицизма не совпадают. Заимствованное слово используется в сравнении с прототипом для наименования абсолютно разных, но обладающих некоторым сходством предметов, явлений, например, англ. *case history* ‘сведения о квалификации человека или история болезни, которые хранятся

у врача или социального работника' [17] – итал. *case history* 'упр[авление] предпр[иятием], описание особенно с дидактической или иллюстративной целью, стратегических и управленческих способов, с помощью которых предприятие решило проблему' [20]; англ. *foundry* 'мастерская или завод, которые занимаются литьем металла' [17] – итал. *foundry* 'электрон[ика], товаров[едение], мастерская или предприятие, которые производят интегральные схемы, а не центр по их разработке' [18]; англ. *billboard* 'большой наружный рекламный щит' [24] – итал. *billboard* 'телев[идение], картинка либо небольшое видео в начале или конце программы, в которых указываются спонсоры' [18].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Формирование лексического значения англицизмов в современном итальянском языке идет преимущественно по пути сохранения денотативного компонента лексического значения прототипа. Определяющими факторами являются терминологический характер современных заимствований и новизна обозначаемых ими понятий. Преобразование лексического значения выявлено у одной трети заимствованных лексем. Наиболее активно изменение семантики англицизмов происходит вследствие конкретизации и метонимического переноса, другие семантические процессы (метафорический перенос, обобщение и смещение) представлены в меньшей степени. В основе изменения денотативного компонента лежат номинативные и, отчасти, экспрессивные потребности итальянского языка: англицизмы являются не только средством обеспечения более точной номинации, но и выступают в качестве одного из источников обновления языковых форм.

Сохранение лексического значения, свойственного прототипу заимствования в английском языке, обусловлено на современном этапе также и экстралингвистическими факторами, основным среди которых является знание языка-источника.

Изучение денотативного компонента лексического значения прототипа на материале англицизмов в других языках позволит установить закономерности и специфику семантических процессов, как для отдельных языков, так и в сопоставительном плане.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rando, G.* Anglicismi nel «Dizionario moderno» dalla quarta alla decima edizione / G. Rando // *Ling. Nostra.* – 1969. – Vol. 30, fasc. 4. – P. 107–112.
2. *De Mauro, T.* Postfazione / T. De Mauro // *Grande dizionario italiano dell'uso* : in 7 vol. / ideato e diretto da T. De Mauro; con la collab. di G. C. Lepschy, E. Sanguineti. – Torino, 2000. – Vol. 6 : SF–Z. – P. 1163–1183.
3. *Dardano, M.* Profilo dell'italiano contemporaneo / M. Dardano // *Storia della lingua italiana* : in 3 vol. / a cura di L. Serianni, P. Trifone. – Torino, 1994. – Vol. 2: Scritto e parlato. – P. 342–430.
4. *Klajn, I.* Influssi inglesi nella lingua italiana / I. Klajn. – Firenze: L. S. Olschki, 1972. – 212 p. – (Studi / Accademia toscana di scienze e lettere La Colombaria; 22).

5. *Fanfani, M.* Per un repertorio di anglicismi in italiano / M. Fanfani // Italiano e inglese a confronto: problemi di interferenza linguistica: atti del convegno, Venezia, 12–13 apr. 2002 / a cura di A.-V. Sullam Calimani. – Firenze, 2003. – P. 151–176.
6. *Sanniti di Baja, M. T.* When night becomes a place / M. T. Sanniti di Baja // Aspects of English diachronic linguistics : papers read at the 2nd Nat. conf. of history of Engl., Naples, 28–29 Apr. 1989 / ed. N. Pantaleo. – Fasano, 1992. – P. 147–160.
7. *Pulcini, V.* Some new English words in Italian / V. Pulcini // Textus. English Studies in Italy. – 1995. – Vol. 8, № 2. – P. 267–279.
8. *Sočanac, L.* Adattamento dei prestiti inglesi in italiano / L. Sočanac // L'italiano oltre frontiera : atti del V Convegno intern. del Centro di Studi Ital., Lovanio, 22–25 apr. 1998: in 2 vol. / Centro di Studi Ital. della Katholieke Univ. Leuven [et al.]; a cura di S. Vanvolsem [et al.]. – Leuven; Firenze, 2000. – Vol. 1. – P. 119–127.
9. *Pulcini, V.* Much the same meaning: semantic integration of Anglicisms in Italian / V. Pulcini // Challenges for the 21st century: dilemmas, ambiguities, directions: papers from the 24th AIA conf.: in 2 vol. / Associazione italiana di anglistica; ed. G. Di Martino, L. Lombardo, S. Nuccorini. – Roma, 2011. – Vol. 2: Language studies. – P. 437–445.
10. *Iamartino, G.* La contrastività italo-inglese in prospettiva storica / G. Iamartino // Rassegna italiana di linguistica applicata. – 2001. – № 2/3. – P. 7–130.
11. *Алефиренко, Н. Ф.* Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Гносис, 2005. – 326 с.
12. *Гак, В. Г.* Языковые преобразования. Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований / В. Г. Гак. – Изд. стер. – М. : URSS : Либроком, 2016. – 407 с.
13. *Алефиренко, Н. Ф.* Теория языка: вводный курс : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – 4-е изд., стер. – М. : Академия, 2010. – 384 с.
14. *Della Valle, V.* Lezioni di lessicografia: storie e cronache di vocabolari / V. Della Valle, G. Patota. – Roma : Carocci, 2016. – 158 p.
15. *Крысин, Л. П.* Этапы освоения иноязычного слова / Л. П. Крысин // Рус. яз. в шк. – 1991. – № 2. – С. 74–78.
16. *Караулов, Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов; отв. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1981. – 366 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

17. The Oxford dictionary of English [Electronic resource] / ed. C. Soanes, A. Stevenson. – Rev. ed. – Oxford: Oxford. Univ. Press, 2005. – Mode of access : <http://www.oxfordreference.com>. – Date of access : 15.12.2009.
18. *De Mauro, T.* Grande dizionario italiano dell'uso: in 7 vol. / ideato e diretto da T. De Mauro; con la collab. di G.C. Lepschy, E. Sanguineti. – Torino : UTET, 1999–2003. – 7 vol. + 1 compact disc (CD-ROM).

19. The Oxford companion to ships and the sea [Electronic resource] / ed. I. C. B. Dear, P. Kemp. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. – Mode of access : <http://www.oxfordreference.com>. – Date of access : 15.12.2009.
20. Zingarelli, N. Lo Zingarelli 2006: vocabolario della lingua italiana [Electronic resource] / N. Zingarelli; a cura di M. Dogliotti, L. Rosiello; motore di ricerca a cura di I.CO.GE. informatica. – Bologna: Zanichelli, 2005. – 1 compact disc (CD-ROM).
21. The Oxford English dictionary online [Electronic resource]. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. – Mode of access : <http://www.oed.com>. – Date of access : 15.12.2009.
22. Cambridge advanced learner's dictionary / ed. E. Walter [et al.]. – 3rd ed. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. – XIV, 1699 p. + 1 compact disc (CD-ROM).
23. Merriam-Webster [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.merriam-webster.com>. – Date of access : 20.05.2018.
24. The new Oxford American dictionary [Electronic resource] / ed. E. McKean. – 2nd ed. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. – Mode of access : <http://www.oxfordreference.com>. – Date of access : 15.12.2009.
25. Sabatini, F. Il Sabatini Coletti: dizionario della lingua italiana / F. Sabatini, V. Coletti. – Milano : Rizzoli-Larousse, [2005]. – XXII, 3080 p. + 1 compact disc (CD-ROM).
26. The Oxford American dictionary of current English [Electronic resource]. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. – Mode of access : <http://www.oxfordreference.com>. – Date of access : 15.12.2009.
27. The Canadian Oxford dictionary [Electronic resource] / ed. K. Barber. – 2nd ed. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. – Mode of access : <http://www.oxfordreference.com>. – Date of access : 15.12.2009.

The paper examines the denotational component of the lexical meaning of Anglicisms in Italian. The Anglicisms are divided into two groups in accordance with the absence/presence of changes in their meaning as compared to that of their prototypes. It was found that several semantic processes determine the change of the denotational component of a loanword.

Поступила в редакцию 09.01.2019

Т. Н. Чельцова

ВЫДЕЛИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ

Статья посвящена исследованию синтаксических приемов актуализации темы и ремы высказываний в текстах специальной коммуникации (научной, технической, массовой и т.д.). Приведены соответствующие примеры с их переводом на русский язык. Выявлены наиболее распространенные выделительные синтаксические конструкции в специальных текстах, комментируется предпочтение использования перечисленных в качестве примеров конструкций. Изучены лексические средства, активно используемые в коммуникативном членении предложения и вносящие в сообщение дополнительную смысловую нагрузку. Даны варианты перевода на русский язык примеров из спецтекстов.

Возрастание роли специальной коммуникации (научной, технической, массовой и т.д.) в жизни общества привлекает внимание лингвистов, в сферу их внимания включаются специальные тексты. Перед этими исследованиями ставятся разнообразные цели и решаются многочисленные задачи, среди которых изучение специфики данных текстов на структурном и лексическом уровнях. Цель нашей статьи – рассмотрение приемов актуализации определенной части информации именно с синтаксической точки зрения и предложение вариантов перевода изучаемого типа конструкций. Были проанализированы тексты языковой дидактики и литературной критики, то есть тексты научной сферы.

Эмфатическая конструкция *c'est ... qui, c'est ... que* (презентативы) оказалась наиболее используемой среди проанализированных типов выделения. Она позволяет акцентировать любую важную часть предложения и способствует связности текста.

Пример выделения подлежащего: *C'est la singularité des situations qui a formé l'identité de l'écriture révolutionnaire* [В, р. 12] '(Ведь) именно своеобразие обстоятельств сформировало специфику революционной литературы'.

Выделение дополнения:

C'est une véritable "ligne Maginot" qu'on cherche à édifier chez nous [М, р. 25] 'Настоящую линию Мажино, вот что пытаются у нас построить'.

Выделение обстоятельства:

C'est dans l'espace de cette même dialectique que pourrait s'élaborer une pédagogie... [S, р. 19] 'Именно в области такой диалектики может возникнуть метод...'. *C'est au XVIIe siècle que, dans le domaine de la pédagogie des langues, apparaissent les premiers grands précurseurs, comme Claude de Sainliens Du Tertre et surtout Comenius, dont nous avons parlé au chapitre précédent* [G, р. 69] 'Именно в XVII веке в сфере преподавания языков появляются такие великие...'.

Презентативная конструкция *c'est... que* может быть усилена выражением *bien en effet*: *C'est bien en effet d'une «faculté» générale de langage qu'il s'agit et non pas de la «connaissance» de principes formels, faculté qui s'exerce dans un certain contexte pour produire une certaine compétence linguistique.* [G, р. 46] 'Действительно (совершенно верно), именно об общем «свойстве» языка идет речь...'.

Акцент на указательном *ce* в препозиции может быть сделан также с помощью частицы *là*, устанавливающей отношение сообщения с его источником. Эта частица очень близка к наречию, так как совмещает значение акцентирования со значением указательным. *L'élévation est au mérite ce que la parure est aux belles personnes. C'est là un exemple privilégié d'économie binaire...* [В, р. 72] 'Воспитание для достоинства – то же самое, что ожерелье для красивых людей. Вот исключительный пример двойной экономии...'. *C'est là en fait une des grandes différences avec la méthode audiovisuelle* [G, р. 125] 'Вот именно в этом и состоит одно из важнейших отличий от аудиовизуального метода'.

Сделать акцент на предмете или идее помогают также и презентативы *voilà, voici*. В нижеследующем примере делается ссылка на уже высказанную

мысль: *Il a été démontré que... Voilà qui est propre à satisfaire ceux qui insistent volontiers sur la créativité ...* [G, p. 24] ‘Было доказано, что... Вот что способно угодить тем, кто добровольно настаивает на изобретательности ...’. В следующем примере, наоборот, выделяется то, что только будет сказано: *Voici par exemple deux séquences d’actions qui y sont rattachées. La première est celle qui...* [B, p. 148] ‘Вот, например, два пути к действию, которые следуют затем. Первый состоит в том, чтобы...’.

Часто используются конструкции *ce qui ... c’est, ce que... c’est. Ce qui (ce que)* дополняется *ce*, выделяющим динамичную часть фразы, которая следует затем, а *ce qui (ce que)* отсылает на предшествующую часть высказывания: *Ce qui est certain, c’est que les langues ont une aptitude interne à évoluer;...* [S, p. 57] ‘Что известно точно, так это то, что языки обладают внутренней способностью изменяться; ...’. В случаях, когда конструкция *ce qui (ce que)* не дополняется *ce*, на главном предложении делается более слабый акцент: *Ce que nous vivons aujourd’hui est tout autre chose: un véritable éclatement intellectuel* [S, p. 8] ‘То, что мы переживаем сейчас, совсем иное: это настоящий прорыв интеллекта’ *Ce qui se passait en France n’avait évidemment rien d’exceptionnel et l’on note une évolution semblable dans tous les pays d’Europe, ...* [G, p. 87] ‘То, что происходило во Франции, конечно, не было чем-то исключительным, ведь похожие изменения наблюдались во всех странах Европы...’.

Дидактическим текстам свойственна функция обучения (наставления, толкования). Этим объясняется широкое распространение некоторых специфических презентативных конструкций.

Так, причина либо объяснение (толкование) могут быть акцентированы конструкцией *c’est que*, она, в свою очередь, усиливается или распространяется с помощью выражений *en effet, aussi bien* и др., которые следуют за ней: *Ces théories auraient pu, certes, éclairer ...ce chapitre sur l’apprentissage... C’est qu’en effet ce sont elles qui sont ...à la base de la méthodologie moderne des langues vivantes* [G, p. 68] ‘Эти теории, конечно, могли бы разъяснить ту главу об обучении... . Ведь в действительности именно они лежат в основе современной методологии живых языков’.

Выделению причины или толкования способствуют конструкции *si...c’est que* или *si... c’est parce que*. В данном случае *si* вводит термин, который требует пояснения и, следовательно, затем поясняется с помощью *c’est que*. Значение *si* приравнивается к значению *quand*, но остается менее категоричным. Здесь превалирует его объединяющее значение; речь идет о выводе (констатации) после *c’est*: *Si nous avons cité W. Hivers, c’est qu’elle fut la première à mettre en doute les «postulats» de la méthode audio-orale* [G, p. 126] ‘Мы упоминали В. Иверс потому, что она была первой, кто подверг сомнению «постулаты» устного метода’. *Si j’insiste sur ce point c’est parce qu’ici apparaît un cas où la culture...* [S, p. 26] ‘Если я (и) делаю акцент на этом пункте, то потому, что это пример того, как культура...’. Толкование (вывод) довольно часто строится и выделяется конструкцией, в которой главное предложение вводится лишь с помощью *c’est*: *Si le profane fait allusion à tel ou tel individu ...ce n’est pas par hasard* [G, p. 12] ‘Если непосвященный имеет

в виду того или иного человека, то это не случайно'. *Si le premier rôle de linguiste est de décrire les faits de langue, c'est dans l'Inde ancienne que l'on trouve les premiers vrais linguistes...* [G, p. 87] 'Если главной задачей лингвиста является описание языковых явлений, то именно в Древней Индии появились первые лингвисты'.

Во фразе, начинающейся с придаточной части, вводимой с помощью *si*, за которой следует главное предложение без использования *c'est*, можно отметить выделение главной части, если отношения между главной и придаточной частями представляют собой противопоставление с оттенком уступки: *Si les hommes se sont souvent ingéniés à inventer pour leur langue une trasposition écrite... il va de soi que toute langue a d'abord été parlée.* 'Если часто людям (и) удавалось создать в своем языке письменность... само собой разумеется, что в любом языке изначально существует его устная форма'. *Si le latin reste la langue de la diplomatie, les langues vernaculaires commencent à recevoir un statut officiel* [G, p. 12] '(Даже)Если латинский (и) остается дипломатическим языком, то местные наречия начинают приобретать официальный статус'.

Достаточно часто употребляется синтаксическая конструкция с инфинитивом в начале предложения, акцентируемым конструкцией *c'est*, которая выделяет следующее за ней толкование информации: *Commencer par l'oral c'est suivre l'ordre naturel, historique et génétique...* [G, p. 17] 'Начинать с устной части – значит следовать естественному порядку, историческому и генетическому...'. *Apprendre une langue étrangère, c'est apprendre à maîtriser... les lois phonologiques et morphosyntaxiques qui...* [G, p. 32] 'Изучать иностранный язык – значит учиться понимать фонологические и морфосинтаксические законы, которые...'.

Конструкция *c'est* может быть усилена частицей *là*: *Faciliter l'apprentissage, n'est-ce pas là d'ailleurs la meilleure définition... que l'on puisse donner du verbe «enseigner»? [GII, p. 41] 'Облегчить обучение, разве не в этом состоит лучшее определение... которое можно дать глаголу «преподавать»? Alternar, c'est donc là l'un des procédés de la pointe... [B, p. 79] 'Чередовать, вот в чем состоит один из современных методов...'.*

Если инфинитив не дополняется конструкцией *c'est*, сглаживается акцент на главной части предложения. Однако в проанализированных нами текстах такое явление встречается редко: *Enseigner aux élèves à entendre la langue étrangère est en fait une des premières tâches du professeur...* [G, p. 56] 'На самом деле, одна из главных обязанностей преподавателя – научить детей слышать иностранный язык'.

Употребление глагола в роли подлежащего довольно необычно, что и позволяет сделать акцент на подлежащем. Кроме того, данная структура может быть обусловлена требованием удобства восприятия в случае, когда распространенное подлежащее смещает глагол. В примерах, которые мы выделили в специальных текстах, именно требование удобства является определяющим. Фраза имеет необычный порядок слов, а именно: глагол-подлежащее, так как подлежащее слишком длинное и невозможно поместить глагол в конец предложения. Это относится и к тем случаям, когда подлежащее представляет собой перечисление, дефиницию и т.п.

В специальных текстах нами были отмечены примеры вынесения придаточной дополнительной части в начало фразы. Встречаются два варианта такого выделения: либо главное предложение вводится конструкциями *c'est, cela, ça*, либо данные конструкции опускаются. Приведем несколько примеров: *Qu'une explication de ces règles doive intervenir et... un certain moment dans le déroulement pédagogique, cela ne fait aucun doute...* [G, p. 5] 'То, что должно даваться объяснение этих правил (в определенный момент педагогического процесса), не подлежит сомнению'.

Que tout ne soit pas qu'une affaire d'interférence de la langue maternelle est un fait généralement admis aujourd'hui [G, p. 31] 'То, что это не более, чем результат взаимовлияния с родным языком, сегодня является признанным фактом'.

Que les auteurs ne parviennent pas toujours à démêler très nettement ces deux aspects d'une situation où l'élève et le professeur sont les deux protagonistes inévitables est un fait d'évidence [G, p. 42] 'То, что авторам не всегда удается четко разграничить эти два аспекта ситуации, в которой ученик и преподаватель неизбежно являются главными действующими лицами, очевидный факт'.

Если акцент на главном предложении, которое не вводится с помощью *ce*, кажется слабее, чем в случае с выделением с помощью *c'est*, тем не менее его достаточно, чтобы образовать значительный противовес придаточному предложению, обычно довольно длинному. Выделительная сила вывода кажется особенно убедительной, когда две фразы такой конструкции следуют друг за другом: дублируются причины или обстоятельства, из которых затем следует важный вывод. *Qu'il soit utile au professeur de connaître ce «modèle chomskien» pour avoir une meilleure connaissance de la langue qu'il enseigne, cela ne fait aucun doute. Que les auteurs de manuels et de méthodes de langue utilisent ce modèle pour faire le choix des matériaux linguistiques à enseigner et établir des progressions satisfaisantes est également facile à concevoir* [G, p. 93] 'То, что преподавателю полезно знать «модель Хомски», чтобы лучше понимать язык, который он преподает, не подлежит сомнению. То, что авторы учебников и языковых методик прибегают к этой модели, чтобы определить выбор лингвистического материала для преподавания и установить уровни удовлетворительных достижений, также легко понять'. *Que les tests de langue et, plus généralement l'intégration d'une évaluation précise à l'enseignement des langues vivantes aient progressé au cours de la dernière décennie tombe sous les sens. Que cette progression aille en se poursuivant dans les années à venir apparaît comme très probable, et cette progression ne peut se faire que...* 'То, что проведение языковых тестов и введение системы точной оценки вообще в систему преподавания живых языков получило развитие в последнее десятилетие, вполне очевидно. И то, что это развитие продолжится в будущие годы, кажется очень вероятным, а такое развитие не может происходить без того, чтобы...'

Иные типы выделения встречаются редко. Лишь в одном примере из изученных текстов предикатив (именная часть сказуемого) предшествовал существительному: *Nombreuses sont en effet les sciences qui sont*

considérablement développées au XIXe siècle et dont l'enseignement des langues a pu bénéficier [G, p. 62] 'На самом деле многочисленны те науки, которые получили развитие в XIX в. и оказали вклад в преподавание языков'.

Обратимся к приему сегментации. Исследование показало, что этот прием мало используется в нехудожественных текстах. Отмечены примеры сегментирования предложения с помощью предложного сочетания *quant à*: *Quant à l'intelligence, elle est malheureusement distribuée de façon inégale dans un groupe donné* [GII, p. 8] 'Что же касается ума, то он, к сожалению, неравно распределяется в группе людей'. Сегментированный член предложения может быть повторен (акцентирован) с помощью *ce*: *Enfin, la campagne, c'est le Récit; ... Ensuite, la campagne, c'est la mémoire où il se produit une certaine pondération du temps ...* [B, p. 159] 'В конце концов, этот поход – История; ... Затем этот поход – память, в которой происходит уравнивание времени, ...'.

Акцентируемый член предложения подчеркивается местоимением, выделенным запятой. Такое построение фразы позволяет противопоставить две идеи: *Le plus souvent, les enfants sont pris le plus fortement dans le courant... Les adultes, eux, resteront davantage dans leur «modèle A»* [S, p. 44] 'Чаще всего детей сильно захватывает определенное течение... А взрослые (же) больше относятся к «модели А»'. Смотрите также: *L'élève nous est donné: nous ne le changerons pas... Le professeur, lui, s'est préparé à cette tâche redoutable* [GII, p. 11] 'Перед нами ребенок: его мы не изменим. А преподаватель (же) готов к этой опасной миссии'.

Анализ синтаксических средств выделения в специальных текстах позволяет сделать вывод, что конструкция *c'est ... qui, c'est... que* наиболее частотна, так как она позволяет не только сделать акцент на предмете, но и дать ему определение. Что касается конструкций *ce qui (ce que)... c'est*, их указательный характер способствует частоте их употребления. Конструкция *c'est que* позволяет выделить пояснение или причину, эту же роль выполняет и структура *si c'est que (c'est parce que)*. Прием сегментации в специальных текстах встречается гораздо реже, чем в текстах художественных и в разговорной речи. В основном это отделенный член предложения в препозиции, который несколько раз дополняется *ce*. Довольно часто используется тип выделения с целью толкования и наставления, когда инфинитив (подлежащее или предикатив) помещается в начало предложения. Распространено выделение придаточной части путем ее размещения в положении предшествования главной: данный тип выделения характерен для письменной речи. Случаи использования иных способов выделения единичны.

Следовательно, исходя из результатов нашего исследования, мы можем сделать вывод, что перечень типов выделения в специальных текстах более ограничен, чем в художественных текстах или в разговорной речи. С другой стороны, в специальных текстах встречаются такие типы выделения, которые не характерны для разговорной речи. Это объясняется тем, что эмоциональная составляющая играет второстепенную роль в специальных текстах. В них в первую очередь речь идет о констатации фактов. Сравнение двух работ одного автора позволило нам заключить, что использование типов выделения может определяться и темой текста. Однако эти различия в первую очередь касаются частотности использования определенных конструкций, а не их

разнообразия. Тем не менее средства выделения играют важную роль в специальных текстах, так как, даже если они менее разнообразны и отличаются от средств выделения разговорной речи, то не менее эффективны.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

B – Roland Barthes: *Le degré zéro de l'écriture, suivi de Nouveaux essais critiques*. – Paris: Seuil, 1972.

G – Denis Girard. *Les langues vivantes*. – Paris: Ed. Larousse, 1974.

GII – Denis Girard. *Linguistique appliquée et didactique des langues*. – Paris: Ed. A. Colin, 1972.

M – Claude-Edmonde Magny. *Histoire du roman français depuis 1918*. – Paris: Ed. Seuil, 1950.

S – *Les amis de Sevres, La communication interculturelle*. – N 4, dec. 1982.

The article examines both lexical and syntactic actualisation of the topic-comment relationship in French special communication. It reveals the most common emphatic structures in French special texts and explains their use in both original and translated utterances.

Поступила в редакцию 14.11.2018

А. Э. Черенда

СТАНОВЛЕНИЕ ИНАКТИВНОЙ СТРУКТУРЫ С ГЛАГОЛАМИ ЗВУЧАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Объектом исследования в данной статье является инактивная структура с глаголами звучания. Цель исследования состоит в поэтапном диахроническом анализе семантико-синтаксических особенностей указанной структуры и формально схожих с ней структур. Проведенный анализ показал, что инактивная структура появилась в английском языке в среднеанглийский период. Условием зарождения структуры является перестройка падежной системы имени существительного. Дальнейшее распространение инактивной структуры в языке происходило в новоанглийский период.

В данной работе исследуется распространенная в современном английском языке инактивная структура типа *The door bell rang*. Особенностью структуры является отражение объекта реального действия актантом в позиции подлежащего при употреблении глагола-сказуемого в активной залоговой форме. В работе осуществлялся поэтапный семантико-синтаксический диахронический анализ предложений с глаголами звучания: *ring, click, bang, clang, groan, knock* и т.д., которые употребляются в инактивной структуре в современном английском языке.

На первом этапе проводилось исследование всех типов синтаксических структур с указанной группой глаголов, выделенных из текстов древнеанглийского периода, которое предусматривало: а) определение типа отражаемой в предложении ситуации, б) рассмотрение характера соотношения элементов семантических (денотативного и сигнификативного) и синтаксического уровней предложения и в) сопоставление особенностей инактивной структуры и структур, формально схожих с ней.

Элементы каждого уровня были представлены в моделях. В модели денотативного уровня предложения использовались следующие символы: V – для обозначения отношения, связывающего участников ситуации, а для самих

участников применялись прописные начальные буквы их имен: А – агенс, П – пациенс. Элементы сигнификативного уровня предложения – предикат и аргументы – обозначались следующими символами: р – предикат, а для аргументов использовались строчные начальные буквы их имен: а – агентив, п – пациентив. Для обозначения элементов синтаксического уровня предложения использовались символы: Ск – сказуемое, Подл – подлежащее, П Доп – прямое дополнение (только для древнеанглийского периода).

Особое внимание уделялось рассмотрению особенностей структур, формально схожих с инактивной структурой, под которыми имелись в виду структуры со следующими параметрами: 1) отсутствие прямого дополнения (для последующих периодов – беспредложного дополнения); 2) невозможность контекстуальной подстановки прямого дополнения, что позволяло разграничить инактивную структуру и структуру с абсолютным употреблением переходных глаголов; 3) употребление глагола-сказуемого в активной залоговой форме.

Итак, из текстов древнеанглийского периода были выбраны примеры со следующими глаголами звучания: *hringan (to ring)*, *granian (to groan)*, *cnucian (to knock)*, *blawan (to blow)*, *cracian (to crack)*. Остальные глаголы звучания, отобранные для анализа, как показал этимологический словарь, не встречались в древнеанглийском. Глаголы *blawan* и *hringan* встретились в двух типах синтаксических структур, а глаголы *cnucian* и *granian* – только в структуре одного типа. Приведем примеры структур с каждым названным выше глаголом.

1. *And ðær bleowon windas = And the winds blew there [ASD, p. 108].*

2. *Hē ... ne hrīeme ne horn blāwe = He ... nether shouts nor blows a horn [ASR, p. 97].*

3. *His searo hringeþ = His armour rings [ASD, p. 561].*

4. *Hī ringden ða belle = They rang the bells [ASD, p. 561].*

5. *Hī granedan = They groaned [ASD, p. 487].*

6. *He cnucode æt ðære dura = He knocked at the door [ASD, p. 163].*

Синтаксическая структура предложений № 1, 3, 5, 6 содержит только один актанта, который занимает позицию подлежащего, а в синтаксической структуре предложений № 2 и 4 – два актанта: один – в позиции подлежащего, а второй – в позиции прямого дополнения.

Наличие прямого дополнения в винительном падеже указывает на то, что глаголы *blawan* и *hringan* выражают значение ‘воздействие’. «Глагольный корень может выразить действие и поэтому требовать дополнения ... или состояние и не требовать дополнения» [1, с. 49]. В данной работе использовалась иная терминология: термин ‘действие’ применялся для указания на ненаправленное действие, т.е. действие, замкнутое сферой субъекта/объекта в подлежащем, а термин ‘воздействие’ означал действие, направленное на некоторый объект и вызывающее его изменение. Итак, глаголы *blawan* и *hringan*, выражая значение ‘воздействие’ в предложениях № 2 и 4, называют одноименную ситуацию ‘воздействие’, в которой присутствуют агенс и пациенс воздействия.

При определении типа ситуации следует учитывать семантику глагола, поскольку именно глагол называет ситуацию реальной действительности: «фиксирующиеся в семантике глагола понятия ‘действие’, ‘процесс’, ‘состояние’ обычно воспринимаются одновременно с предметами, которые от них неотделимы» [2, с. 7]. Денотативную функцию актанта определяем, принимая во

внимание «функциональную характеристику, приобретаемую предметом в ситуации через взаимодействие с другими предметами» [3, с. 49]. Агенса и пациенс, присутствующие в ситуации ‘воздействие’, отражаемой в предложениях № 2 и 4, называются актантами, занимающими позиции подлежащего и прямого дополнения соответственно.

Сигнификативную функцию актантов определяем, исходя из типа глагола (динамического или статального) и применяя формализованные правила, разработанные Л. К. Козловой [4]: 1) в акциональных предложениях при глаголе-сказуемом в активной залоговой форме актанта в позиции подлежащего выполняет функцию агентива, а актанта в позиции прямого дополнения – функцию пациентива; 2) в статальном предложении актанта в позиции подлежащего выполняет функцию пациентива. Принадлежит ли глагол к динамическому или статальному типу, зависит от его семантики.

Глаголы *blawan* и *hringan* в предложениях № 2 и 4 выражают значение ‘воздействие’, т.е. являются динамическими глаголами. Следовательно, один из аргументов должен характеризоваться как агентив. Применяя правила агентива и пациентива, приходим к заключению, что сигнификативными функциями актантов в предложениях № 2 и 4 являются агентив – для актанта в позиции подлежащего и пациентив – для актанта в позиции прямого дополнения, т.е. актанта в позиции подлежащего является одновременно агенсом и агентивом, а актанта в позиции прямого дополнения – пациенсом и пациентивом. Таким образом, соотношение элементов трех уровней предложений № 2 и 4 носит однозначный характер, что можно отразить в следующей схеме: V – А – П / р – а – п / Ск – Подл – П Доп.

В предложениях № 1, 3, 5, 6 прямое дополнение в винительном падеже отсутствует. Если нет актанта в форме винительного падежа, т.е. глаголу не требуется дополнение, то значение ‘воздействие’ не отражается в данном предложении, а в самой ситуации не может быть такого участника, как пациенс воздействия. Глагольный корень, не требуя дополнения, может иметь значения ‘состояние’ или ‘действие’, называя соответствующие ситуации. Для разграничения этих двух глагольных значений должно приниматься во внимание лексическое значение имен существительных, употребленных в позиции подлежащего.

Актанта в позиции подлежащего в предложении № 3 называет такой объект, который не способен осуществить действие, выражаемое глаголом *hringan*. Следовательно, глагол выражает значение ‘состояние’, называя одноименную ситуацию, и характеризуется как статальный, а объект в подлежащем является носителем состояния, т.е. денотативной функцией актанта в подлежащем является пациенс состояния. Опираясь на статальный характер глагола и применяя правило пациентива для статального предложения, определяем сигнификативную роль актанта в подлежащем данного предложения как пациентив. Таким образом, актанта в позиции подлежащего является одновременно пациенсом и пациентивом, следовательно, соотношение элементов семантических и синтаксического уровней предложения № 3 носит однозначный характер, что можно отразить в следующей схеме: V – П / р – п / Ск – Подл.

Актанты в позиции подлежащего предложений № 1, 5, 6 называют субъект или объект, способный выполнить обозначаемые глаголами действия. В анализируемых предложениях глаголы выражают значение ‘действие’, называя одноименную ситуацию, и характеризуются как динамические. Функцию агенса

может выполнять только актанта в позиции подлежащего, поскольку других именных компонентов в предложениях не обнаружено. Учитывая характер глаголов *blawan*, *granian* и *snucian*, приходим к выводу, что сигнификативная функция актанта в подлежащем – агентив. Таким образом, актанта в позиции подлежащего является одновременно агенсом и агентивом, следовательно, соотношение элементов трех уровней предложений № 1, 5, 6 носит однозначный характер, что можно отразить в схеме: V – A / p – a / Ск – Подл.

Что касается глагола *cracian*, он был зафиксирован только в одном примере: *Sio eorþe eall cracode = The whole earth quaked [ASD, p. 168]*. Исходя из выражаемого глаголом значения (перемещение), этот пример далее не анализируется.

Итак, в каждом типе синтаксической структуры, встречаемом в древнеанглийском периоде, мы зафиксировали однозначный характер соотношения элементов семантических и синтаксических уровней. Данный характер соответствия обусловлен морфологической фиксированностью семантических ролей актантов в древнеанглийском предложении, что означает следующее: актанта, называющий некоторого участника ситуации, не только оформляется определенной падежной флексией, но и занимает определенную синтаксическую позицию. В структурах, формально схожих с инактивной, в позиции подлежащего называется либо пациенс, находящийся в некотором состоянии, либо агенс, осуществляющий действие, замкнутое его сферой. Следовательно, отражение в структурах, формально схожих с инактивной, ситуаций ‘действие’ или ‘состояние’, но не ‘воздействие’, а также однозначный характер соотношения семантика/синтаксис препятствуют выделению инактивной структуры в указанный период.

На следующем этапе проводился анализ выделенных из текстов среднеанглийского периода структур, формально схожих с инактивной, цель которого состояла в определении типа отражаемой в них ситуации и характера соотношения семантика/синтаксис. Если предположить, что среднеанглийский период является временем зарождения в языке инактивной структуры, т.е. актанта в позиции подлежащего отражает объект реального действия, то одновременно допускается и другая возможность – нарушение однозначного характера соотношения семантика/синтаксис, который в древнеанглийском был обусловлен морфологической связанностью семантических ролей актантов.

Но в среднеанглийский период происходят изменения в падежной системе имени существительного, в результате которых общий падеж используется для оформления актантов, занимающих любые синтаксические позиции. Следовательно, соотношение морфологической формы имени с конкретным участником ситуации невозможно, что означает разрушение морфологической фиксированности семантических ролей актантов.

С распадом падежной системы возникает формальная возможность перестановки актантов, называющих участников ситуации ‘воздействие’. Так, при активной форме глагола-сказуемого агенс и пациенс эксплицируются актантами, занимающими позиции подлежащего и беспредложного дополнения. Но при изменении залоговой формы глагола-сказуемого происходит и изменение синтаксических позиций актантов, т.е. актанта, называющий пациенс, перемещается в позицию подлежащего, а актанта, называющий агенс, – в позицию предложного дополнения. Если сохранить активную залоговую форму глагола-сказуемого и не эксплицировать, скажем, агенс, тогда в позиции подлежащего будет отсутство-

вать актант. Поскольку предложение может существовать без дополнения, но не может существовать без подлежащего, то актант в позиции беспредложного дополнения перемещается в позицию подлежащего.

Формально перемещение актантов осуществимо. Однако, если в ситуации, отражаемой в предложении, агенс отсутствует, то отсутствует и возможность его экспликации. Для определения денотативной функции актанта в подлежащем формально схожих с инактивной структур следует применить прием перифраза (или преобразования): в измененную структуру ввести актант, называющий агенс. И если из структуры *Seoððen speren chrakeden* можно получить структуру *Heo chrakeden speren*, то в позиции подлежащего первой структуры отражен пациент воздействия. В противном случае, т.е. если преобразование не осуществимо, актантом в подлежащем называются либо пациент состояния, либо агенс.

В среднеанглийском периоде мы выделили два типа структур, формально схожих с инактивной. Структура только одного типа признается собственно инактивной, поскольку в ней отражается ситуация 'воздействие', а актант в подлежащем называет пациент воздействия, что можно подтвердить указанным выше преобразованием. В инактивной структуре в среднеанглийском периоде употребляются следующие глаголы звучания: *blow, crack, ring, clatter, clink*. Приведем по одному примеру с каждым из названных глаголов.

1) *Seoððen speren chrakeden = Then cracked spears (Heo chrakeden speren = They cracked spears) [LB, p. 94].*

2) *Alle þe bellys of þe close rongen at ones = All bells of these abbey grounds rang at once (Heo rongen alle þe bellys of þe close = They rang all bells of these abbey grounds) [MED, p. 507].*

3) *The arwes ... clateren faste and ringe = The arrows clattered fast and rang (Heo clateren and ringe the arwes = They clattered and rang the arrows) [CT, p. 152].*

4) *They herde a belle clinke = They heard a bell clink (Heo clinke a belle = They click a bell) [CT, p. 123].*

5) *Bemen þer bleowen = Trumpets blew there (Heo bleowen bemen = They blew trumpets) [LB, p. 93].*

В скобках даны структуры, которые мы получили в результате преобразования выделенных из текстов примеров.

Формально схожая с инактивной структура второго типа отражает, как и в древнеанглийском, ситуацию 'действие', поскольку актант в подлежащем называет объект-элементатив, способный осуществить называемое глаголом действие: ... *biter wind þar bloweth*.

Сигнификативной функцией актанта в подлежащем предложений № 1–5 является агентив. Характер соотношения элементов трех уровней этих предложений можно представить в следующей схеме: V – П / р – а / Ск – Подл.

Таким образом, анализ примеров с глаголами звучания, выделенных из текстов среднеанглийского периода, показал, что перестройка падежной системы имени существительного в среднеанглийский период явилась условием зарождения инактивной структуры в языке.

Следующим исследуемым языковым периодом является новоанглийский. Задачи, которые предстояло решить на последнем этапе анализа, заключались в определении соответствия характеристик выделенных примеров параметрам инактивной структуры и подтверждении гипотезы о том, что новоанглийский являлся периодом дальнейшего распространения инактивной структуры в языке.

В новоанглийском периоде нами были выделены примеры со следующими глаголами звучания: *blow, crack, ring, sound, clang*. Приведем по одному примеру с каждым из названных глаголов.

1. *A horn sounded within [CWS (III), p. 130].*
2. *The trumpets freshly blew [SFQ, p. 36].*
3. *The bone cracked [CWS (IV), p. 325].*
4. *The curfew bell hath rung [CWS (IV), p. 460].*
5. *Have I not heard trumpets clang [CWS (II), p. 24].*

Синтаксическую структуру всех примеров объединяет общая особенность – незаполненность позиции беспредложного дополнения. Схему данного уровня предложения можно представить следующим образом: Ск – Подл. Для построения схем семантических структур необходимо определить денотативную и сигнификативную функции актанта в подлежащем, руководствуясь вышеизложенными правилами. Анализ позволяет заключить, что преобразование синтаксических структур оказалось возможным, и в результате мы получили структуры, семантически тождественные исходным вариантам:

6. *He sounded a horn.*
7. *They freshly blew the trumpets.*
8. *He cracked the bone.*
9. *He hath rung the curfew bell.*
10. *They clang trumpets.*

Таким образом, в примерах № 1–5 отражается ситуация ‘воздействие’, денотативной функцией актанта в подлежащем является пациенс, подвергающийся воздействию, а сигнификативной функцией – агентив. Характер соотношения элементов трех уровней предложений № 1–5 можно представить в следующей схеме: V – П / р – а / Ск – Подл. Указанные характеристики выделенных примеров соответствуют параметрам инактивной структуры и позволяют отнести их к последней.

Итак, анализ примеров новоанглийского периода показал: число примеров инактивной структуры увеличилось, хотя и незначительно, перечень глаголов, допускающих употребление в названной структуре, расширился, что указывает на ее дальнейшее распространение в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бруннер, К.* История английского языка: в 2 т. / К. Бруннер; – М. : Изд-во иностр. лит., 1956. – Т. 2. – 391 с.
2. *Медведева, Л. М.* Части речи и залог / Л. М. Медведева. – Киев : Вища школа, 1983. – 143 с.
3. *Гуминский, А. П.* О составе списка семантических падежей / А. П. Гуминский // Учен. зап. Тартуского ун-та. – 1990. – Т. 903. – С. 45–62.
4. *Козлова, Л. К.* Семантическая структура и текстовые функции предложений с неличными формами глагола в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. К. Козлова. – Минск, 1987. – 215 л.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

ASR – An Anglo-Saxon Reader edited with notes and glossary by Alfred J. Wyatt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1939. – 360 p.

ASD – An Anglo-Saxon Dictionary based on the manuscript collections of the Late Joseph Bosworth edited and enlarged by T. Northcote Toller. – Oxford: Oxford University Press, 1898. – 1302 p.

LB – Layamon's Brut or Chronicle of Britain. A poetical semi-saxon paraphrase of the Brut of Wace. By Sir Frederic Madden: in 3 vol. – London: society of antiquaries of London, 1847. – 659 p.

MED – Middle English Dictionary / ed. by R. E. Lewes. – University of Michigan Press, 2000. – 511 p.

CT – The Canterbury Tales by Geoffrey Chaucer. – Bantam Book, 2006. – 642 p.

CWS – Complete Works of Shakespeare with notes by Malone, Steenens and others: in 4 vol. – Philadelphia: David McKay, 1888. – Vol. II. – 752 p.; Vol. III. – 690 p.; Vol. IV. – 872 p.

SFQ – Spenser's Fairie Queene / ed. by J. C. Smith. – Oxford: Clarendon Press, 1961. – Vol. II, B. IV–VII. – 536 p.

The object of investigation in the given article is the inactive structure containing verbs of sound. The purpose of research consists in a step-by-step diachronic analysis of semantic and syntactic peculiarities of the structure mentioned and those of formally similar structures. The analysis conducted revealed that the inactive structure appeared in the Middle English period. Changes in the case system of the noun resulted in its appearance in the language. Further distribution of the inactive structure in the language continued in Modern English.

Поступила в редакцию 12.11.2019

С. Ф. Чистая

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ТЕКСТ КАК ДИСКРЕТНАЯ ЕДИНИЦА АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА

В статье обосновывается возможность рассмотрения научно-популярного текста как репрезентанта медийного дискурса. Для этого во внимание принимается интегральная модель указанного текста и постулируются экстралингвистические предпосылки его создания, представленные, главным образом, каналом трансляции, фактором адресанта и фактором адресата. Акцент делается на своеобразии научно-популярных текстов англоязычных качественных СМИ. Его детализация позволяет конкретизировать жанровую палитру научно-популярного изложения в медиа и квалифицировать детерминализацию заимствуемого научного материала в процессе популяризации науки как отличительный признак соответствующих публикаций.

Традиционным подходом к изучению специфики научно-популярного текста является его сопоставление с текстом научным и установление степени и способов его преобразования по отношению к последнему. В то же время по-разному определяется дискурсивно-стилевой статус научно-популярного изложения: как отдельной разновидности или как подвида научного дискурса и обеспечивающего его научного стиля. Связано это с информационно-смысловой составляющей научно-популярного текста, которая коррелирует с выбранной областью научного знания. Соответственно, базовыми условиями для выделения данной типологической разновидности выступают оперирование концептами отдельной научной сферы и опора на научные источники получения информации. Вместе с тем подчеркивается феномен дискурсивно-стилевой контаминации / погранич-

ности научно-популярных текстов, прочитываемой из самого термина, поскольку их целеполагающей установкой является популяризация результатов научных изысканий, т.е. донесение потенциально востребованных научных сведений до широкой аудитории, состоящей из неспециалистов.

Изложенная точка зрения характерна для большинства лингвистических школ, занимающихся вопросами вариативности языка и классификации подязыков, соотносящихся с ними типов текста, а также закономерностями текстопорождения. Например, суммарно она отражена в предложенной В. Е. Чернявской типологии текстов сферы научной коммуникации, которые классифицируются ею в зависимости от выполняемой функции. Так, научно-теоретические тексты реализуют исследовательские цели и вербализуют новое научное знание, тексты научно-информационные сообщают о новом научном знании, в научно-критических текстах новое научное знание подвергается осмыслению, научно-учебные тексты создаются для учебных целей, тексты научно-популярные распространяют научные данные среди тех, кто не причастен к науке [1, с. 38–39]. Эта и многочисленные подобные классификации указывают не только на общую для научных и научно-популярных текстов цель передачи научного знания, но и на маргинальность научно-популярных текстов в силу иной адресованности: адресат научно-популярного текста не ограничен фактором принадлежности к науке.

Ключевыми экстралингвистическими параметрами, которые также следует учитывать при обособлении научно-популярного текста, являются канал его трансляции и та платформа, на которой он создается. Наблюдения за реалиями сегодняшнего дня позволяют сделать заключение, что научно-популярный текст стал неотъемлемым атрибутом средств массовой информации. Количественно и по степени охвата аудитории научно-популярные тексты СМИ, бесспорно, превосходят продукцию источников исключительно научно-популярного профиля.

В современной научной литературе можно встретить точку зрения, согласно которой научно-популярный текст является единицей медиадис-курса. В этой связи привлекает внимания концепция В. В. Хорольского, где он структурирует медиапространство в виде типологии медийных текстов с учетом их сферы использования, проблемно-тематической и смысловой направленности. Выглядит указанная типология (с предпринятыми нами сокращениями в части мотивов, что не влияет на понимание ее сути) следующим образом:

1. Политический медиатекст (основные мотивы: власть, выборы, демократические реформы, гражданское общество, партийная жизнь, политическое лидерство, общественная полемика, социально-политическая агитация, международные конфликты, войны и т.д.).

2. Экономический медиатекст, или бизнес-текст (основные мотивы: модернизация экономики, инвестиции, деловое сотрудничество, торговля, финансовые кризисы, экономика и НТР, уровень жизни, развитие промышленности и сельского хозяйства, безработица и т.д.).

3. Рекламный медиатекст (основные мотивы: продвижение товаров и услуг, развитие и повышение культуры торговли, просвещение потребителя и т.п.).

4. Социокультурный медиатекст (мотивы: деятельность различных слоев и групп населения, производственные и бытовые отношения, образование и воспитание, здоровье людей, нравы и обычаи разных стран и народов и т.д.).

5. Пиар-текст (мотивы: имидж и репутация, агитация, медиарилейшнз, работа с персоналом фирмы и т.д.).

6. Юридический медиатекст (мотивы: законы и их нарушения, уголовный процесс и адвокатура, арбитраж, силовые ведомства, гражданское и административное право и т.д.).

7. Научно-популярный медиатекст (основные мотивы: достижения и провалы науки, сенсационные открытия, положение ученых в обществе, столкновение научных школ, научно-технологические революции и др.)

8. Программа радио- и телепередач, прогноз погоды и т.п. [2, с. 28–29].

Очевидная эклектичность данной типологии представляется нам неизбежной. Она обусловлена самой природой конвенционально выделяемого медиадискурса, собирательно отражающего коммуникативные возможности соответствующей сферы деятельности и состоящего из продуктов интердискурсивного свойства. Так, изначально интердискурсивный научно-популярный медиатекст может одновременно быть материализацией политического, экономического, юридического и других дискурсов.

Фиксация факта представленности научно-популярного текста в типологии научных текстов и в типологии текстов медийных возвращает нас к уже упомянутому в преамбуле тезису о его дискурсивно-стилевой контаминации и подтверждает состоятельность данного тезиса. Более того, открывается перспектива для дальнейшей детализации этого явления. В своем исследовании А. А. Тельнова, изучив контаминацию научно-популярного текста с позиции функциональной стилистики, трактует ее как итог взаимодействия газетного стиля и стиля научной прозы в процессе создания текста, подразумевающим переработку научной публикации в соответствии с нормами газеты. В результате в научно-популярных статьях что-то остается от научного стиля и что-то приобретает от газеты с возможным превалированием атрибутов научного изложения или практически полной трансформацией в газетный текст. Как итог, адаптация исходного научного текста к стандартам массовой коммуникации, т.е. в изменяющихся условиях его функционирования, отражает связь между текстом и условиями его создания, которые по степени значимости подразделяются на ведущие и второстепенные. Сфера коммуникации и тип адресата относятся к ведущим условиям, содержательный аспект текста и роль адресанта в его создании – к второстепенным [3, с. 1–6].

Исследователи Т. Н. Хомутова и С. Г. Петров разработали интегральную модель научно-популярного текста, состоящую из четырех взаимосвязанных секторов. Когнитивный сектор – это сегмент специального научного знания, объективного и представляющего закономерности окружающей действительности. Одновременно передача знания посредством научно-популярного текста предполагает ориентацию на потенциального потребителя-неспециалиста, которая заключается в упрощенном изложении научного материала и выдвигании его практической пользы. Социальный сектор научно-популярного текста является следствием социального пространства, в рамках которого он создается, включающего его социальные концепты, модели социального поведения, участников коммуникации, уровень научного знания

в социуме и научном сообществе. Культурный сектор выделяется благодаря опоре научно-популярного текста на культурные ценности конкретного народа. Языковой сектор научно-популярного текста соотносится с планом выражения и находится в прямой зависимости от специфики иных секторов, прежде всего представляющих план содержания. Он складывается из средств языка, позволяющих в доступной форме донести до потребителя научные сведения, а также учесть упомянутые социальные концепты и культурные ценности [4, с. 39–40]. Логичным после изучения приведенной модели выступает тезис о том, что научно-популярному тексту присущ особый коммуникативный фон, поскольку он являет собой «материальное воплощение сопряженных коммуникативных деятельности представителей научного сообщества как генератора научного знания, представителей журналистского цеха как медиаторов, звена передачи этого знания, и языкового сообщества в целом как реципиента этого переработанного научного знания» [Там же, с. 40].

Регулярная работа посредством Интернета с медиа Великобритании и США позволяет констатировать: все известные нам англо-американские новостные порталы и издания качественной прессы содержат научную рубрику *Science* как обязательный элемент контента, что, вне сомнения, обусловлено высокой развитостью научной сферы указанных стран. Обращение к данной рубрике и последующий переход по ссылкам приводят к обнаружению большого спектра текстов разнообразной научной тематики. В мире англоязычных СМИ существуют понятия *science writing* и *science journalism*, обозначающие научную журналистику и свидетельствующие о двойной природе текстов, которые порождаются в результате данного вида журналистской деятельности.

Внимания заслуживает адресант научно-популярного текста, который не обязательно имеет отношение к научной деятельности. В англо-американском медиaprостранстве он нередко принадлежит к *journalists of the field*. Это журналисты, специализирующиеся на отдельной проблематике, включая научную. Более узкие понятия *science journalists* и *science correspondents* закреплены за создателями медиатекстов, доносящими сугубо актуальные научные сведения до широкой аудитории. Ими могут быть специалисты в сфере СМИ, приобретшие специальные знания или дополнительно получившие специальное образование, приглашенные ученые, выступающие в роли журналистов, эксперты-практики, имеющие отношение к очерченной научной отрасли и т.п. Справку об авторе можно получить из ссылок, содержащихся в медиаисточнике.

Исследователь М. В. Загидуллина, изучив современные тенденции научной журналистики, в частности, проанализировав ее приоритеты в США, вывела универсальный свод принципов профессионально грамотной популяризации науки. Первый принцип – редуцирование сложного научного явления до общего представления, характерного для потенциального адресата, как правило, массовой аудитории. Второй принцип – использование аналогии, т.е. сравнение научного явления с бытовым. Третий принцип заключается в демонстрации эмоционального отношения к научным реалиям.

Четвертый принцип сопряжен с практическим прогнозом, акцентирующем практическую значимость научного события. Далее следует принцип пропаганды, предполагающий активную интеграцию научных достижений в общество и предъявление научных достижений как одной из ключевых стратегий социального развития. Завершает спектр принципов мастерство изложения материала, общее – безотносительно специализации – требование к профессиональной культуре журналиста. Оно включает жанровое разнообразие, баланс глубины детализации и расчета на неподготовленную аудиторию, дозирование терминологического присутствия в материале, соблюдение интересов ученых и читателей [5]. Данные принципы в полной мере характерны для научно-популярного изложения в англо-американских СМИ. В практическом плане особый интерес для лингвиста представляет то, как они преломляются в жанровой палитре научно-популярного текста, объеме эмоциональной окраски и оперировании его создателями терминологической лексикой.

Интегрированность научно-популярного текста в медиасреду, безусловно, детерминирует его жанровую картину, поскольку авторы научно-популярных публикаций должны передавать информацию, следуя канонам традиционных медиажанров. Оправданным в нашем случае является обращение к жанрово-видовой классификации англо-американских медиатекстов, отраженной в трудах Т. Г. Добросклонской. Она включает новости (тексты раздела «news»), информационную аналитику и комментарий (тексты разделов «analysis, opinion, comment»), публицистику (тексты-очерки группы «features») и др. Данная классификация была выведена с учетом выполняемых медиатекстами функций. Новости – это информационные тексты, которые, главным образом, реализуют функцию сообщения. В медиааналитике взаимодействуют функции сообщения и воздействия через выражение оценки и мнения. В публицистике наблюдается усиление воздействия через использование художественно-эстетических элементов [6, с. 57, с. 86].

Как отмечалось, в случае с научно-популярными текстами, публикуемыми в СМИ, мы имеем дело с донесением научного знания до широкой читательской аудитории посредством ориентированной на массовую аудиторию журналистской манеры подачи информации. В связи с проблематикой она приобретает свои особенности и модифицируется в зависимости от того, является текст лишь информационным или его информационная составляющая расширяется аналитико-публицистическим компонентом. Это означает, что, в соответствии с существующей в англоязычной среде жанрово-видовой классификацией медиатекстов, научно-популярные статьи могут быть квалифицированы как представители «news journalism», а также публикации «analysis, opinion, comment journalism» и тексты-очерки, т.е. как информационные научно-популярные тексты или научные тексты аналитико-информационного и публицистического свойства. Последним как раз присуща эмоциональная презентация информации, привносимая в необходимом для автора публикации масштабе экспрессивными языковыми средствами: фигурами речи, эмоционально окрашенной лексикой, структурами экспрессивного синтаксиса и т.п.

Отличительной чертой научно-популярных текстов СМИ, которая расширяет спектр журналистских приемов, выступает их терминологизация, гарантирующая точность изложения. Она, по сути, является результатом детерминологизации исходного научного текста. Авторы научно-популярных статей, обеспечивая их доступность, демонстрируют особое обращение с общенаучной лексикой и терминами, присвоенными концептам выбранной научной области, возможное незнание которых адресатом-неспециалистом создаст непреодолимый барьер для восприятия предлагаемого содержания. Иными словами, терминологическая лексика подвергается адаптации. Ее разновидности в англоязычных научно-популярных текстах подробно изучены, иллюстративно прописаны в специальной литературе и легко верифицируются при работе с текстами. Так, С. В. Кислицына и Г. А. Васюченко к ним относят объяснение значения термина (узкоспециального слова, общенаучного слова и т.п.) посредством развернутого описания; использование определения; объяснение значения термина через раскрытие его этимологии и перевод с латинского, греческого и других языков, являющихся источником его происхождения, с возможным указанием на происхождение составных частей термина или термина в целом; одновременное использование термина и его эквивалента-синонима, известного читателю; употребление обобщающего слова для ряда терминов в связи с их многочисленностью и сложностью для понимания специалистом; одновременное использование термина в книжном и разговорном вариантах (синонимия терминов); употребление разговорной, бытовой лексики в терминологическом значении; создание «телескопических» образований (термины, созданные на случай); популяризацию терминов с помощью метафор и сравнений; а также сочетание нескольких различных способов раскрытия значения термина [7, с. 9–15; 8, с. 10–13].

Необходимо отметить, что аналогично оперируют терминами и те журналисты, для которых популяризация научного знания не является основной целью профессиональной деятельности, поскольку адаптация узкоспециальных понятий различных областей общественной жизни предстает требованием универсальным. Однако для научно-популярного текста она выступает ключевым текстообразующим признаком.

Таким образом, научно-популярный текст может быть рассмотрен как дискретная единица современного медиадискурса, подлежащая исследованию в рамках медиалингвистики. Данное заключение важно для стилистики и школы дискурсивного анализа текста, которые в соответствии с актуальной научной парадигмой призваны представлять стили как проводники различных типов дискурса. По этой причине оправданным видится изучение научно-популярного изложения с учетом релевантных решаемым задачам реалий стран конкретного языка и исходя из концепции, основывающейся на постулате о том, что одним из проводников научного дискурса, который, среди прочего, понимается как совокупность объединенных научной тематикой текстов, выступает газетно-публицистический стиль, обеспечивающий медиадискурс, и, следовательно, на тезисе о базисности медиадискурса и проективности дискурса научного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернявская, В. Е. Интерпретация научного текста : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – 5-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с.
2. Хорольский, В. В. Медийность текстов в средствах массовой информации (исторические и теоретические проблемы) / В. В. Хорольский; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж : ВГУ, 2016. – 152 с.
3. Тельнова, А. А. Функционально-стилевая контаминация в англоязычных газетных текстах научной тематики : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. А. Тельнова; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 1992. – 26 с.
4. Хомутова, Т. Н. Научно-популярный текст: интегральная модель / Т. Н. Хомутова, С. Г. Петров // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2013. – Т. 10, N 2. – С. 37–41.
5. Загидуллина, М. В. Мастерство популяризации науки как элемент профессиональной культуры современного журналиста [Электронный ресурс] / М. В. Загидуллина. – Режим доступа : http://zagidullina.ru/my_articles/мастерство-популяризации-науки. – Дата доступа : 10.09.2018.
6. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта: Наука, 2008. – 264 с.
7. Кислицына, С. В. Лингвостилистические средства научно-популярного изложения (на материале английских научно-популярных текстов для детей и юношества) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. В. Кислицына; МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1985. – 21 с.
8. Васюченко, Г. А. Функционирование лексики в научно-популярном стиле английского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Г. А. Васюченко; Одесса, 1977. – 23 с.

The article reveals the possibility to view texts of popular science as discrete units of media discourse. In this regard, it dwells upon the peculiarities of science journalism texts that make part of media production in English speaking countries.

Поступила в редакцию 16.11.2018

Л. А. Шабашева

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ И ИХ РОЛЬ В СОЗДАНИИ ИМПРЕССИОНИСТИЧНОСТИ ТЕКСТА ГИ ДЕ МОПАССАНА

Статья предлагает анализ роли глагола и его форм при текстуализации импрессионистской эстетики подвижности и изменчивости, мимолетности бытия явлений, цветовой палитры и состояния светотени в пейзажных и портретных описаниях Ги де Мопассана.

Языковая реализация импрессионистских описаний до сих пор представляет определенный интерес в аспекте того, как писатель сближает текст с живописью, как воспроизводит скоротечные природные эффекты, измен-

чивость материального кадра, неопределенность колористической палитры. Пейзажи и портреты Ги де Мопассана не «рассказывают», а «показывают» подобно живописи [1, с. 119], стремясь показать не банальную фотографию, а «la vision plus complète, plus saisissante, plus probante que la réalité même»¹ [2, р. 93]. Согласно с живописью, его текст утверждает «конкретику личного восприятия» [3, с. 297] и несет в себе впечатления «fugitives qui traversent la conscience devant le spectacle du monde» [4, р. 2579].

Данная статья предлагает анализ пейзажных и портретных описаний, заимствованных, в основном, из романа «Une Vie» [5], в котором история жизни героини – «наивной и невинной, ограниченной, но все-таки симпатичной женщины» [1, с. 123] – развивается на фоне одного кадра, в имении Peuples. Описания местности, земли, неба, моря и атмосферы в разных природных обстоятельствах, при солнечном или лунном свете, в ясную, пасмурную или дождливую погоду приобретают важную роль, сосуществуя с показом душевных настроений и переживаний героини. Согласно канонам импрессионистского стиля они создаются «par l'analyse diversement approfondie des données sensorielles» [4, р. 2578], отличаясь тщательной работой над языковым материалом, его художественной формой, точностью и выразительностью слова [6, с. 77].

Основным средством описания качеств и цветовой палитры является имя прилагательное. Мы же обратим внимание на роль глагола и отглагольных форм для указанного анализа чувственно поставляемых данных. Писатель использует для создания импрессионистских эффектов весь их ряд, не просто называя детали «пленэра», а фиксируя изменчивость, подвижность материального кадра, нюансы цвета, игру света и тени и создавая при этом психологический подтекст.

Ср., например, описание грозы в начале истории:

Jeanne ayant fini ses malles, s'approcha de la fenêtre, mais la pluie ne cessait pas. L'averse, toute la nuit, avait sonné contre les carreaux et les toits. Le ciel bas et chargé d'eau semblait crevé, se vidant sur la terre, la délayant en bouillie, la fondant comme du sucre. Des rafales passaient pleines d'une chaleur lourde. Le ronflement des ruisseaux débordés emplissait les rues désertes où les maisons, comme des éponges, buvaient l'humidité qui pénétrait au-dedans et faisait suer les murs de la cave au grenier [5, р. 10]. Выйдя из монастыря, Жанна волнуется перед неизвестностью своих романтических ожиданий, чему и соответствует атмосфера нестабильности и беспокойства в природе во время грозы, которая передается преобладанием в тексте глагольных форм: ливень **стучал**; набухшее дождем небо... **прорвало**, порывы ветра **обдавали**; журчание воды **наполняло**; улицы **впитывали сырость**, которая **проникала** ... [8, с. 4].

Картина освобождения небосвода от грозовых облаков и вращения чистой лазури неба, т.е. семантика изменчивости бытия природы создается в описании:

¹ Цит. по: Interprétation du texte. Documentation thématique : учеб.-метод. пособие: в 2 ч. Ч. 2 / сост. А. Д. Москалёва, Л. А. Шабашева; на фр. яз. – Минск : МГЛУ, 1998. – 115 с. – С. 92–93.

Et, les nuages s'étant fendus, le fond bleu du firmament parut; puis la déchirure s'agrandit comme un voile qui se déchire ; et un beau ciel pur d'un azur net et profond se développa sur le monde [5, p. 16], где причастие совершенного вида *s'étant fendus* передает с о с т о я н и е разорванности облаков: *тучи расступились* [8, с. 8]. Проявление голубизны небосвода – нюанс б ы т и я – выражается семантикой личной формы глагола *paraître* ‘commencer à être visible, à exister’ [7]. Семантика глаголов действия *s'agrandir, se déchirer, se développer* в личной форме фиксирует и з м е н е н и я состояний небосвода в момент наблюдения.

Д в и ж е н и е и одновременно х а р а к т е р и з м е н е н и я облачности выражаются инфинитивами в *La voûte des nuages semblait s'élever, blanchir* [5, p. 43]: *s'élever* ‘monter’ [7] описывает д в и ж е н и е облаков кверху, а *blanchir* ‘devenir blanc’ – и з м е н е н и е цвета, он светлеет по мере того, как облака поднимаются. В то же время глагол *sembler* ‘avoir l'air, paraître, donner l'impression de’ [7] фиксирует впечатление героини, которая не может определиться с названием цвета, воспринимает лишь процесс его изменения от более темного к светлому, т.е. запечатлевает мимолетный, преходящий характер состояния.

Д в и ж е н и е передается глаголами действия с зависимыми дополнениями и обстоятельствами при описании пейзажа в тексте ... *dans l'azur profond du ciel que traversait vite un vol d'hirondelle, ou la silhouette blanche d'un oiseau de mer* [5, p. 29], в котором *ласточки проносились* и *реял силуэт морской птицы* [8, с. 15] на фоне густой лазури неба. Также и в примере:

Et les grandes mouettes blanches aux ailes déployées passaient en décrivant des courbes dans le ciel bleu, s'éloignaient, revenaient d'un vol arrondi [5, p. 49] глаголы *passaient, s'éloignaient, revenaient* описывают движения *больших белых чаек по синему небу* [8, с. 28], а деепричастие *en décrivant* с дополнением *des courbes* и отглагольное существительное *un vol* с эпитетом *arrondi* характеризуют эти движения.

При чтении следующих текстов возникает ощущение п о д в и ж н о с т и п е й з а ж а: *Le soleil avait plongé derrière les sapins* [5, p. 156] *солнце скрылось за елями* [8, с. 91]; *il (le soleil) précipitait sa chute* [5, p. 45] *он спешил опуститься* [Там же]; *une allée étroite s'avavançait* [4, p. 43] *аллея продвигалась*. Семантика подвижности природных явлений создается благодаря глаголам в личной форме *plonger* ‘suivre une direction de haut en bas’, *précipiter* ‘hâter, accélérer’ и *s'avancer* ‘se porter en avant’ [7].

Писатель неустанно наделяет природные явления способностями одушевленного субъекта, используя их имена в функции подлежащего. В примере ... *tandis que, cambrant sous le ciel son ventre luisant et liquide, la mer, fiancée monstrueuse, attendait l'amant de feu qui descendait vers elle* [5, p. 45] *водная стихия, невеста-великанша, ожидала огненного жениха, нисходящего к ней* [8, с. 26], море и солнце олицетворяются, а пейзаж рисует перемещение солнца по небосклону.

Т е н и также действуют: *Leurs ombres allaient et venaient* [5, p. 35] : *бежали то впереди них, то позади* [8, с. 19] .

В высказывании *Jeanne regardait au loin la longue surface moirée des flots qui semblaient dormir sous les étoiles* [5, p. 22] покой океана соответствует состоянию спящего: *как будто дремал под звездным небом* [8, с. 11].

Состояние природы к началу утра в описании ... *la lune, achevant son voyage à travers le ciel, allait disparaître dans la mer* [5, p. 23]: *уже и луна совершила свой путь по небу и собралась скрыться в море* [8, с. 12] показывается причастным оборотом *achevant son voyage* и сказуемым в форме ближайшего будущего времени *allait disparaître*.

Глагольные формы позволяют зафиксировать различные характеристики изменений. В описании *L'astre dardait ses flammes, faisait fondre cette nuée brillante* [5, p. 42] семантика глагола *darder* 'frapper, blesser avec un dard' [7], метафорически запечатлевая момент, когда *солнечные лучи пронизывают и растворяют дымку облака*, привносит сему 'projeter violemment' [Там же], где *violence* 'une force brutale' [Там же], а глагольное выражение *faire fondre* 'faire disparaître rapidement' семой 'rapidité' [Там же] уточняет скорость, с которой светило производит изменения.

В высказывании *Un soleil dévorant tombait sur eux ...* [5, p. 43] глагольная метафора *tomber sur* 'attaquer violemment' [7] в совокупности с семантикой причастия *dévorant* в роли эпитета имплицитно отсылают к испытываемым героями ощущениям от силы воздействия природного явления: *жгучее солнце палило их* [8, с. 24].

Большое внимание Мопассан уделяет причастиям и деепричастиям в роли эпитетов. Вот как причастие запечатлевает движение (кружение) капель в пелене дождя: *une très fine poussière de pluie voltigeant* [5], где *voltigeant* 'qui flotte au gré du vent' [7]. Ср., в связи с этим: «Предикативная дескрипция предмета направлена на выявление его существенных черт (...) заострить внимание на одном признаке предмета, тем или иным способом его уточнить, выделить и оттенить» [9, с. 128].

Посредством глагольных форм автор фиксирует едва уловимые движения цвета и света. Метафора *Le soleil semblait étendre un drap d'or fin* рисует картину распространения *золотистого* цвета, чему способствует семантика *étendre* 'se déployer en surface' [7].

В высказывании *Le soleil semblait saigner* [5, p. 45] инфинитив *saigner* 'perdre du sang' [7] имплицитно сравнивает распространение красного цвета с кровотечением человеческой раны.

Глагол *tacheter* позволяет подражать импрессионистской технике пуантилизма в *Une rivière y promenait son cours, et...des mares d'eau la tachaient de plaques lumineuses*, где *tacheter* 'marquer de multiples petites taches' [7].

Благодаря использованию глагола цвет и свет получают необычные мимолетные оттенки. В примере *Sa peau, sous la clarté qui l'inondait, prenait des nuances de velours blond, tandis que ses cheveux s'éclairaient de leurs fauves quand elle remuait la tête* [10, p. 28] автор показывает и изменение цветовой гаммы кожи и волос героини. Под воздействием распространяющегося и заливающего (*inonder* 'envahir' [7]) света кожа

принимает оттенок *velours blond*, а волосы при движении головы сияют рыжеватым оттенком шерсти диких животных (*lueurs fauves*), создавая психологический образ «охотницы» за мужскими чувствами.

Таким образом, глагол в активной форме изъявительного наклонения при имени подлежащем природного явления позволяет автору передать семантику движения в природе: *traversait, passaient, s'éloignaient, revenaient*; способности явления к действию: *précipitait, attendait, descendait*; в том числе со светом и цветом: *semblait étendre*; состояния феноменов: *parut, allait disparaître*, в том числе светотени: *tachetaient*; позволяет дополнить семантику движения семей характеристик процесса: *faisait fondre, dardait*; передать эффект влияния на состояние героев: *tombait sur* и появление необычных цветовых нюансов: *prenait des nuances de velours blond, s'éclairaient de leurs fauves*. В создании указанной семантики участвуют также инфинитив – *s'élever, blanchir, dormir, saigner*, причастие – *s'étant fendus, achevant son voyage, voltigeant* и деепричастие – *en décrivant*.

Импрессионистские цветовые и световые эффекты передаются причастиями в функции эпитета, а также деепричастиями: *Aucune autre voix ne montait sous le ciel torride, d'un bleu miroitant et jauni...* [5, p. 43], где причастие от глагола *miroiter* 'renvoyer la lumière en présentant **des reflets changeants, scintiller**' [7] совместно с причастием *jauni* 'devenir jaune' [7] создают семантику 'изжелто-синего мерцающего' света.

В описаниях цветовой гаммы портретов Мопассан, наряду с другими языковыми средствами, виртуозно использует причастия и создает живописные эффекты. Голубые глаза героини романа « Notre soeur » ... *étaient bleus, d'un bleu déteint, comme si on l'eût lavé, frotté, usé* [10, p. 24], где неповторимые голубые оттенки глаз фиксируются нанизыванием причастий, называющих действия, производимые с тканью в процессе стирки.

Семантика деепричастия в описании *Des maisons éclairées apparaissaient de place en place, traversant les ténèbres d'un point de feu...* [5, p. 17] совместно с семантикой причастия *éclairées* и глагола *apparaissaient* позволяют создать эффект игры света и тени.

Значения сверкания, искрения, поблескивания привносятся семантикой причастий от глаголов *luire, éclater, étinceler, miroiter, flamber, briller, scintiller*: ... *les têtes touffues de grands arbres semblaient luisantes sous les rayons du soleil* [5, p. 55], где причастие от глагола *luire* 'qui luit, qui a des reflets' [7] в функции именной части сказуемого запечатлевает блики на кронах деревьев.

Причастие *étincelant* в функции эпитета в высказывании ... *le triangle de mer bleue étincelante au soleil* [5, p. 29] создает картину искрения голубизны моря, где *étinceler* 'briller, jeter des éclats de lumière' [7]. Причастия усложняют семантику сверкания в высказывании ... *une chasse gigantesque sur un voile éclatant*, где сема 'qui brille avec éclat' усложняется семей 'qui frappe le regard' [7]; также и эпитет в ... *sous l'azur flambant de soleil* усложняет семантику искрения 'brûler d'un feu vif' [7] семей 'produisant surtout des flammes en brûlant' [7], создавая образ *обжигающего* солнечного света.

Таким образом, причастия и деепричастия, характеризуя номинацию, позволяют, благодаря заложенной в них семантике действия, создать новые значения цвета, показать изменчивость света, игру света и тени, а также отыгрывают значительную роль в передаче психологического контекста.

Отглагольные прилагательные, не связанные с семантикой цвета или света, тем не менее, передают указанную семантику, например, *impénétrable* 'où l'on ne peut pénétrer' [7] в ... *une allée étroite s'avançait sous de grands arbres impénétrable au soleil* создает образ тенистой аллеи [5, p. 43]. В описании ... *la ligne des côtes se prolongeait indéfiniment jusqu'à n'être plus qu'un trait insaisissable* [5, p. 26] отглагольное прилагательное передает значение *зыбкости, неуловимости* явления 'que l'on n'arrive pas à rencontrer, à capturer, à arrêter...' [7].

Отглагольные прилагательные в роли эпитетов, как и причастия, многократно расширяют возможности передачи семантики цвета и света. Цвет волос героини определяется как *intraduisible* в *Ses cheveux n'étaient point rouges, mais de couleur intraduisible de certaines feuilles mortes brûlées par l'automne* [10, p. 24]. Сравнимый с увядшей листвой 'brûlées par l'automne', цвет не имеет однозначной номинации, вызывая удивление при восприятии.

Если нюансы света или природных состояний не поддаются определению простыми эпитетами, автор прибегает к помощи описания простыми или сложноподчиненными предложениями: *La nuit s'effaçait, les étoiles pâlissaient; c'était l'heure fraîche qui précède le jour. La lune descendue allait s'enfoncer dans la mer qu'elle nacrait sur toute la surface* [5, p. 176]. Глагол *s'effacer* в функции сказуемого простого предложения, описывая процесс окончания ночи, показывает исчезновение ночных красок: 's'enlever, disparaître' [7], глагол *pâlir* – потускнение цвета звезд 'prendre une teinte moins viv' [7]; а *nacrer* 'donner l'aspect irisé de la nacre' – появление перламутрового оттенка морской глади [8, с. 107].

Именно отглагольные формы позволяют создать ту самую «поэтику впечатлений», о которой говорил В. Я. Брюсов, когда, благодаря фиксации мимолетной особенности состояния или процесса, автор вызывает у читателя ассоциации, напр., *un bleu presque exagéré, la lumière ardente, un azur puissant, une allée impénétrable au soleil, la poésie visible* (qui s'exhalait de la terre), *le repos illimité* (de la mer) [5], а также, олицетворяя, придает характеристикам экспрессивно-психологическую окраску: *un soupir heureux* (de la terre), *son haleine pénétrante, le mordant parfum, le vent hargneux, un rose joyeux, amoureux, charmant* [5], *une couleur intraduisible* [10]. В связи с этим приведем метафоры А. Фета (*тающая скрипка, овдовевшая лазурь*) или А. Платонова (*уставшая трава*).

Обратим внимание на роль глагола *sembler*, который у Мопассана является, с одной стороны, основанием для сравнения, а с другой – средством создания семантики уникальности состояний в описываемый момент. Своей семой 'avoir l'air, paraître' глагол позволяет показать индивидуальное видение феномена. Например, сравнение на основе глагола ... *des mares d'eau ... qui semblaient des trous ouverts sur un autre ciel intérieur* [5, p. 57] описывает картину светящихся луж, «размывая» в то же время их статичность сравне-

нием с *trous ouverts sur un autre ciel intérieur*, где сема 'qui donne un libre accès' создает ассоциацию с движением света и тени, т.е. психологический подтекст неожиданности и эфемерности происходящего.

Таким образом, благодаря точному подбору глагольных форм, природные явления получают жизненность, становятся видимыми и осязаемыми. Подобно передаче изменчивости природы, светотени и нюансов цвета техникой разложения красок в живописи, Мопассан воссоздает эти эффекты изобразительной силой глагола и его форм, содержащих в свернутом виде анализ мысли. Можно утверждать, что во многом импрессионистичность текста основывается на семантике процессности глагола и его форм, позволяющих показать изменчивость материального кадра. Гений автора воссоздает образы, часто неясные, ускользающие от неподготовленного взгляда, фиксируя трудноуловимые значения и обращая внимание на то, что нужно увидеть, так как « *Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable* » [2, p. 93].

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилин, Ю. И. Жизнь и творчество Мопассана / Ю. И. Данилин. – М. : Худож. лит., 1968. – 255 с.
2. *Maupassant, G. de. Le roman. Préface pour « Pierre et Jean »* / G. de Maupassant. – Paris : Albin Michel, 1968.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина, Ин-т науч. инф. по обществ. наукам РАН. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.
4. Grand Larousse de la langue française en six volumes. Tome troisième. – Paris : Librairie Larousse, 1973. – 2619 p. – P. 2578–2579.
5. *Maupassant, G. de. Une Vie* / G. de Maupassant. – Paris : Hachette Livre, 1999. – 320 p.
6. Ковалёва, Т. В. История зарубежной литературы второй половины XIX – начала XX века / Т. В. Ковалева, Т. Д. Кириллова, Е. А. Лещева. – Минск : Завигар, 1980. – 336 с.
7. Dictionnaire Hachette encyclopédique illustré. – Paris : Hachette Livre, 1997. – 2066 p.
8. *Мопассан, Ги де. Жизнь* / Г. де Мопассан; пер. с фр. Н. Касаткиной // Жизнь. Милый друг: романы. – Минск : Маст. літ., 1980. – 416 с.
9. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – I–XV. – 896 с.
10. *Maupassant, G. de. Notre Coeur* / G. de Maupassant. – М. : Editions « Ecole Supérieure », 1975. – 179 p.

The article presents the analysis of the usage of verbs and verb forms by Guy de Maupassant in creating an impressionist image of the moment and rendering the fleeting quality of light and colour.

Поступила в редакцию 17.12.2018

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Н. В. Зыгмантович

АВТОМАТИЧЕСКОЕ СОЗДАНИЕ ОБРАТНОГО СЛОВАРЯ ТЕКСТА

В статье рассматривается история проблемы создания обратного словаря текста. Отмечается, что формирование подобного рода словарей вручную является достаточно трудоемким процессом, требующим значительных временных затрат. С развитием методов обработки лингвистических единиц с помощью компьютера появилась возможность создавать обратные словари в автоматическом режиме. Подчеркивается важная роль таких словарей при анализе словоформ флективных языков лингвистами, а также различными системами автоматической обработки текста. В публикации приводится алгоритм создания обратного словаря русскоязычного текста и демонстрируется принцип его действия с помощью компьютерной программы Cygwin.

Современным средством поддержки работы лингвистов являются информационные технологии и созданные на их основе специализированные лингвистические ресурсы и системы автоматической обработки текста, обеспечивающие решение задач информационного поиска, смысловой компрессии содержания текстовых документов, поиска и извлечения данных и знаний, осуществления перевода, проведения лингвистической экспертизы и т.д. Долгие годы перечисленные выше и целый ряд других систем переработки текста, написанного на естественном языке, разрабатывались в рамках так называемого инженерного подхода, основанного на машинных словарях и определенных правилах. Необходимость создания электронных специализированных словарей, совершенствование компьютерных технологий привели к становлению и развитию новой области – компьютерной или электронной лексикографии.

Компьютерная лексикография является разделом прикладной лингвистики (точнее компьютерной лингвистики) и занимается созданием в автоматизированном режиме электронных словарей (лингвистических баз данных), компьютерных карточек, программ обработки текста, которые позволяют в автоматическом режиме формировать словарные статьи, хранить словарную информацию и определенным образом ее обрабатывать [1, с. 88; 2, с. 274]. К основным задачам компьютерной лексикографии относится определение структуры словаря и зон словарной статьи, а также разработка принципов составления разных видов словарей. Компьютерная лексикография является важным направлением компьютерной лингвистики, поскольку создаваемые ею продукты обладают мультимедийностью, легкостью в использовании и обновлении, а также предоставляют пользователю широкий доступ к необходимой информации.

Электронные словари могут различаться по типу пользователя: одни предназначены для непосредственного использования человеком, другие – для обработки текста определенной компьютерной системой [2, с. 275].

Основные преимущества электронных словарей по сравнению с их бумажными аналогами сводятся к следующему. В отличие от электронного словаря традиционный словарь требует больших расходов полиграфических материалов и с течением времени физически изнашивается. Электронный словарь занимает меньше места и более удобен в работе, чем бумажное издание. Электронный словарь может включать максимально полную информацию и различные справочные материалы, обеспечивает легкий и быстрый поиск информации (может обрабатывать навигационные, общие запросы), а бумажный словарь всегда имеет ограниченный объем и поддерживает традиционный поиск данных (как правило, по алфавиту). В состав электронного словаря можно включать заметки, комментарии, а также электронные ссылки на другие словари или справочные издания. Электронный словарь позволяет визуализировать разные типы данных и обладает вариативным цветовым решением, что не характерно для бумажного словаря. Очень важной характеристикой электронного словаря является наличие автоматизированной или автоматической системы обновления информации. В то же время переиздание бумажных словарей требует больших затрат в области материальных и временных ресурсов [3, с. 182].

С помощью компьютера создаются разные типы словарей: терминологические, частотные, обратные, словоуказатели, конкордансы, тезаурусы и т.д. В контексте данной статьи рассмотрим подробнее историю возникновения, развития, основные характеристики, применение и, самое главное, автоматическое формирование обратного словаря. Необходимо отметить, что отличие обратного словаря от любого другого словарного издания состоит в следующем. В обычных словарях (двуязычных, толковых и др.) слова располагаются в алфавитном порядке, а в обратном – используется так называемый алфавитный порядок по концу слова или обратный (инверсионный) алфавитный порядок, что не означает перевернутого алфавита от буквы *я* до буквы *а*. Из любых двух слов первым в такой словарь помещается то, у которого конечная буква ближе к началу алфавита. Например, в обратном словаре русского языка на первом месте стоят слова, оканчивающиеся на *-а*, потом на *-б*, *-в*, *-г* и т.д.

Родоначальниками обратных словарей считаются средневековые арабские классические словари XIII–XIV вв. В Европе обратный алфавитный порядок слов XVIII в. использовался еще и при составлении словарей рифм (так называемых рифмовников). В конце XIX – начале XX в. появились лингвистические обратные словари древних индоевропейских языков: латинского, древнегреческого, санскрита, тохарского, древнеперсидского и старославянского. Первые обратные словари русского языка были созданы за рубежом: 1958 г. – в Берлине, 1958–1959 гг. – в Висбадене. В середине 50-х гг. XX в. Л. Успенский высказал мысль о том, что лингвистам был бы очень полезен словарь, в котором слова располагались по алфавиту не начальных, а конечных букв. Ученый писал: «Представьте себе, что я захочу узнать что-либо, связанное не с началами, а с окончаниями слов. Ну, положим, какое

значение имеет в русском языке суффикс ‘-л-’ в словах среднего рода, вроде ‘зерка-л-о’? Или каких суффиксов ‘-чик’ в нем больше: тех ли, которые образуют слова, означающие профессию, род занятий (вроде ‘лет-чик’, ‘рез-чик’, ‘пулемет-чик’), или образующих уменьшительные имена (‘маль-чик’, ‘паль-чик’ и пр.). Мне может понадобиться и сведение, какой суффикс более употребителен: ‘-чик’ или ‘-ник’ (а может быть, ‘-тель’) в тех же словах, означающих род занятий (‘гранат-о-мет-чик’ или ‘подрыв-ник’?)» [4, с. 66–67], имея в виду обратный словарь русского языка.

Русскоязычные обратные словари начали издаваться в 70-х гг. XX в. Первый «Обратный словарь русского языка» был создан в 1974 г. и содержал около 125 тыс. слов. В данном словаре при каждом слове указаны словаристочники, имеются грамматические пометы, приводятся статистические сведения о количестве слов, оканчивающихся на определенную букву или сочетание букв, о распределении слов по грамматическим классам [5, с. 416]. Компьютерная обработка словаря проводилась в вычислительном центре Академии наук СССР.

В настоящее время создано большое количество обратных словарей для разных, как правило, флективных языков. В таких словарях представлены грамматическая и словообразовательная структуры слов. Расположение слов в алфавитном порядке, начиная с конца слова, объединяет их с одинаковой конечной частью: сначала идут все слова, оканчивающиеся на первую букву алфавита, потом слова, оканчивающиеся на вторую букву алфавита и т.д., как если бы они читались справа налево [6, с. 112–116]. При совпадении последних букв учитываются предпоследние буквы, далее – третьи с конца и т.д. В обычном словаре рядом оказываются слова с одинаковыми приставками и корнями, например, *переброс*, *перевод*, *перегон*. В обратном словаре рядом находятся слова с одинаковыми окончаниями и суффиксами, например, *банщик*, *барбанищик*, *обманищик*, *денщик*, *каменщик*. При этом, естественно, объединяются слова, относящиеся к единому словообразовательному или словоизменительному типу, а также сложные слова с одинаковой последней составляющей.

Выделить из текста все слова и расположить их в алфавитном порядке, начиная от конца слова, вручную является не простой задачей. Поэтому разработаны различные компьютерные программы, позволяющие создавать обратные словари автоматически. Наиболее удобной из них является Cygwin – среда для запуска Linux-приложений из-под Windows [7]. Определенный набор команд данной среды позволяет формировать разные типы словарей: частотные, обратные, конкордансы.

Рассмотрим алгоритм построения обратного словаря русскоязычного текста программой Cygwin на конкретном примере. Предположим, что в память компьютера поступил следующий текст:

Недавно купил этот автомобиль. Авто отличное! Двигатель 2,5 литра, турбодизель. Прежний хозяин сказал при продаже, что масло не жрет, солярку тоже, летит как угорелая! Так оно и есть. 140 км/ч нормальная крей-

серская скорость. Вообще немцы умеют делать автомобили. Дорогу держит отлично, так как достаточно широкая машина. Тормоза все дисковые. Главное передний привод, по сравнению с другими немецкими автомобилями. Такими как мерседес и БМВ этого же класса. Места в автомобиле очень много. Не тесно даже, когда сидят пять взрослых человек. Багажное отделение тоже огромно. Влезла стиральная машина. По соотношению цена-качество, отличный автомобиль. Всем рекомендую Ауди.

В соответствии с алгоритмом обработки текста компьютер должен выполнить следующую последовательность действий.

1. Заменить каждый пробел в тексте на символ *Enter*, то есть преобразовать текст в словарь словоформ. Фрагмент такого словаря приведен ниже:

<i>недавно</i>	<i>хозяин</i>
<i>купил</i>	<i>сказал</i>
<i>этот</i>	<i>при</i>
<i>автомобиль.</i>	<i>продаже,</i>
<i>авто</i>	<i>что</i>
<i>отличное!</i>	<i>масло</i>
<i>двигатель</i>	<i>не</i>
<i>литра,</i>	<i>жрет,</i>
<i>турбодизель.</i>	<i>...</i>
<i>прежний</i>	

2. Удалить из состава некоторых словоформ присоединенные к ним знаки препинания [. , ! - , ? и т.д.]. Данная процедура необходима для правильного выделения в дальнейшем окончаний слов. Фрагментарно словарь очищенных от знаков препинания словоформ представлен ниже:

<i>недавно</i>	<i>сказал</i>
<i>купил</i>	<i>при</i>
<i>этот</i>	<i>продаже</i>
<i>автомобиль</i>	<i>что</i>
<i>авто</i>	<i>масло</i>
<i>отличное</i>	<i>не</i>
<i>двигатель</i>	<i>жрет</i>
<i>литра</i>	<i>солярку</i>
<i>турбодизель</i>	<i>тоже</i>
<i>прежний</i>	<i>...</i>
<i>хозяин</i>	

3. Поменять в каждой словоформе словаря буквы справа–налево, например, *недавно* – *онваден*. Фрагментарно результаты выполнения такой процедуры приведены ниже:

<i>онваден</i>	<i>лазакс</i>
<i>липук</i>	<i>ирп</i>
<i>тотэ</i>	<i>ежадорп</i>
<i>ьлибомотва</i>	<i>отч</i>
<i>отва</i>	<i>олсам</i>
<i>еончилто</i>	<i>ен</i>
<i>ьлетагивд</i>	<i>терж</i>
<i>артил</i>	<i>укрялос</i>
<i>ьлезидобрут</i>	<i>ежот</i>
<i>йинжерп</i>	...
<i>ниязох</i>	

4. Отсортировать преобразованный таким образом словарь по алфавиту. Фрагмент полученного словаря представлен ниже:

<i>онваден</i>	<i>лазакс</i>
<i>липук</i>	<i>ирп</i>
<i>тотэ</i>	<i>ежадорп</i>
<i>ьлибомотва</i>	<i>отч</i>
<i>отва</i>	<i>олсам</i>
<i>еончилто</i>	<i>ен</i>
<i>ьлетагивд</i>	<i>терж</i>
<i>артил</i>	<i>укрялос</i>
<i>ьлезидобрут</i>	<i>ежот</i>
<i>йинжерп</i>	...
<i>ниязох</i>	

5. Поменять в каждой словоформе словаря буквы слева–направо, то есть вернуть ее в исходную форму, например, *онваден* – *недавно*. Фрагментарно результаты выполнения такой процедуры приведены ниже:

<i>когда</i>	<i>же</i>
<i>тормоза</i>	<i>даже</i>
<i>влезла</i>	<i>продаже</i>
<i>цена</i>	<i>тоже</i>
<i>машина</i>	<i>тоже</i>
<i>машина</i>	<i>отделение</i>
<i>литра</i>	<i>автомобиле</i>
<i>класса</i>	<i>не</i>
<i>места</i>	<i>главное</i>
<i>бмв</i>	...
<i>привод</i>	

В полном виде обратный словарь рассмотренного в качестве примера текста выглядит следующим образом:

<i>когда</i>	<i>такими</i>	<i>летит</i>
<i>тормоза</i>	<i>немецкими</i>	<i>этот</i>
<i>влезла</i>	<i>автомобилями</i>	<i>умеют</i>
<i>цена</i>	<i>при</i>	<i>сидят</i>
<i>машина</i>	<i>отличный</i>	<i>дорогу</i>
<i>литра</i>	<i>как</i>	<i>солярку</i>
<i>класса</i>	<i>так</i>	<i>взрослых</i>
<i>места</i>	<i>человек</i>	<i>км/ч</i>
<i>бмв</i>	<i>сказал</i>	<i>немцы</i>
<i>привод</i>	<i>купил</i>	<i>турбодизель</i>
<i>же</i>	<i>всем</i>	<i>двигатель</i>
<i>даже</i>	<i>хозяин</i>	<i>автомобиль</i>
<i>продаже</i>	<i>качество</i>	<i>очень</i>
<i>тоже</i>	<i>много</i>	<i>делать</i>
<i>отделение</i>	<i>этого</i>	<i>есть</i>
<i>автомобиле</i>	<i>масло</i>	<i>скорость</i>
<i>главное</i>	<i>недавно</i>	<i>пять</i>
<i>багажное</i>	<i>огромно</i>	<i>сравнению</i>
<i>отличное</i>	<i>оно</i>	<i>соотношению</i>
<i>все</i>	<i>тесно</i>	<i>рекомендую</i>
<i>вообще</i>	<i>отлично</i>	<i>широкая</i>
<i>дисковые</i>	<i>достаточно</i>	<i>крейсерская</i>
<i>ауди</i>	<i>авто</i>	<i>угорелая</i>
<i>передний</i>	<i>что</i>	<i>нормальная</i>
<i>прежний</i>	<i>мерседес</i>	<i>стиральная</i>
<i>автомобили</i>	<i>жрет</i>	
<i>другими</i>	<i>держит</i>	

В отличие от обратных словарей языков синтетического (флективного) типа обратные словари языков аналитического типа имеют несколько иной вид. Приведем фрагмент обратного словаря испанского языка [8]:

Всего слов, оканчивающихся на -а: 14682

Написание в прямой транскрипции	Написание в обратной транскрипции
<i>aba</i>	<i>aba</i>
<i>abab</i>	<i>baba</i>
<i>ababa</i>	<i>ababa</i>
<i>ababer</i>	<i>rebaba</i>
<i>abadla</i>	<i>aldaba</i>
<i>abaeb</i>	<i>beaba</i>
<i>abagla</i>	<i>algaba</i>
<i>abah</i>	<i>haba</i>
<i>abahcac</i>	<i>cachaba</i>
<i>abaj</i>	<i>jaba</i>
<i>abajla</i>	<i>aljaba</i>
<i>abajnoj</i>	<i>jonjaba</i>
...	...

Из вышеизложенного очевидно, что обратный словарь наглядно представляет морфологические характеристики конкретного языка. Если грамматические описания часто содержат утверждения о том, что слова с такими-то окончаниями обладают определенным свойством, то обратный словарь, в котором содержатся группы одинаково оканчивающихся слов, позволяет установить все слова, которые обладают тем или иным свойством, а также те, которые этим свойством не обладают. Обратный словарь необходим для выявления полного инвентаря имеющихся в языке типов словоизменения (склонения и спряжения), а также количественных соотношений между различными типами словоизменений и словообразований [9, с. 20].

Обратный алфавитный порядок удобен для построения грамматического словаря определенного языка. В таком словаре оказываются рядом слова со сходными грамматическими характеристиками, потому что одинаковый или сходный тип словоизменения в пределах одной части речи имеют слова со сходным концом. Например, в русском языке почти все прилагательные в форме м. р., ед. ч., им. п. оканчиваются на *-ый*, *-ий*, *-ой*, поэтому они сгруппированы в одной зоне словаря – в составе слов на *-й*. Можно также выявить все слова, имеющие одинаковое строение концов, но разные грамматические характеристики, и получить данные о соотношении окончания слова и его принадлежности к определенному словоизменительному типу.

Обратный словарь необходим также для решения многих вопросов из области фонетики и морфонологии. В случае необходимости получить количественные данные о фонемах исходный текст требуется представить в фонетической записи. Если словоформы включены в словарь в фонологической транскрипции, то на его основе устанавливаются все допустимые фонемы и конечные их сочетания (по две, три и т.д.). В обычном случае, когда единицы словаря представлены в своей орфографической форме, можно получить сведения о конечных буквах и их сочетаниях.

Обратный словарь предоставляет широкие возможности при проведении семантических исследований с целью изучения общего значения слов некоторой словообразовательной группы. Его можно использовать при корректировке поврежденных или неразборчиво написанных текстов, поскольку он позволяет осуществлять перебор всех слов, имеющих аналогичное окончание, но не поддающихся прочтению. Такой же перебор может понадобиться и при лингвистической дешифровке текста, если конец слова уже расшифрован [9, с. 20].

Обратные словари могут решать немалый круг задач не только в традиционной, но и в компьютерной лингвистике. В настоящее время они применяются в различных системах автоматической обработки текста для определения грамматических характеристик не найденных в специализированных встроенных словарях лексических единиц, например, в системах машинного перевода, системах извлечения информации и знаний, системах понимания и генерации текста на естественном языке и целом ряде других лингвистических текстовых процессоров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Палкова, А. В. Основные понятия электронной лексикографии / А. В. Палкова // Вестн. ТвГУ. Сер. Филология. – 2015. – № 4. – С. 88–93.
2. Чепик, Е. Ю. Компьютерная лексикография как одно из направлений современной прикладной лингвистики / Е. Ю. Чепик // Учен. зап. Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. – 2006. – Т. 19. – № 3. – С. 274–279.
3. Березовская, Е. А. Современная лексикография: возможности электронных словарей / Е. А. Березовская, Е. В. Сухова // Русский язык: человек, культура, коммуникация: сб. материалов Междунар. науч. конф., 15–16 апреля 2014 г., г. Екатеринбург. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 179–183.
4. Успенский, Л. Слово о словах / Л. Успенский // Звезда. – 1955. – № 1. – С. 27–32.
5. Обратный словарь русского языка: около 29 000 слов. – СПб. : Авалон; Азбука-классика, 2007. – 416 с.
6. Еськов, Н. Что такое «обратный словарь»? / Н. Еськов. – Наука и жизнь. – 1969. – № 12. – С. 112–116.
7. Лейкинд, Ю. Что такое CYGWIN? / Ю. Лейкинд [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nestor.minsk.by/kg/2001/04/kg10410.html>. – Дата доступа : 11.10.2018.
8. Испанско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://diccionario.ru/diccionario-inverso-del-espanol/A#ixzz5f0q8LLtR>. – Дата доступа : 15.10.2018.
9. Козьмина, Е. Л. Обратные словари. Принципы их создания и использования : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Л. Козьмина. – М., 1988. – 20 с.

The article deals with the linguistic problems which may be solved with the help of reverse dictionaries. The paper provides the main aspects and stages of the algorithmic model developing for a Russian Text reverse dictionary based on the computer program Cygwin. The author analyses the results of the developed computer model.

Поступила в редакцию 22.11.2018

Е. М. Яркова

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ИССЛЕДОВАНИИ БИЛИНГВАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В МУЛЬТИМЕДИЙНОМ КОНТЕКСТЕ

В статье рассматриваются проблемы билингвального восприятия стилистически маркированных лексических единиц в текстах новостных выпусков и газетных статей. Известно, что при достаточно высоком уровне владения языком существенным фактором понимания являются фоновые знания. Особую роль в исследовании устной и письменной речи играет психолингвистический эксперимент.

Глобализация современного мира диктует необходимость расширения языковых контактов во многих социальных сферах, от предлагаемых университетами разных стран образовательных программ до узкоспециализированной и разнообразной тематики общения. Нахождение в иноязычной среде порождает неуверенность, которая часто подкрепляется невозможностью понять реплики персонажей фильма или диктора при просмотре новостного выпуска. Возникает вопрос о том, как способствовать скорейшей адаптации человека к реалиям повседневной жизни.

Все чаще современные исследователи проводят эксперименты по восприятию речи в ее естественном проявлении. В фокусе исследований оказываются проблемы разграничения речевых сегментов и, следовательно, взаимного влияния звуков на стыках слов, изменения согласных и редукции гласных звуков в спонтанной речи с учетом акцентуации. Однако безошибочное повторение не значит понимание услышанного, и наоборот. В любом иноязычном тексте содержится определенное количество незнакомых слов для слушающего или читающего. Носитель языка также может не знать значение слова, которое редко употребляется и его частотность в речи не велика. Частотность лексики можно проверить по корпусным словарям. Как же измерить тот предел владения иноязычной лексикой, при котором становится возможным понимание текста?

Ответ на вопрос о необходимом для понимания текста количестве слов в перцептивном словаре билингва зависит не от установления определенного лексического порога, а, скорее, от желаемой степени понимания: 100 % лексического охвата обеспечивает почти стопроцентное понимание. Отмечено, что, как у носителей языка, так и у изучающих его в качестве второго, 98 % лексического охвата также обеспечивает достаточно высокий уровень понимания и является более предпочтительным по сравнению с более низким. Предположительно, что 95-процентный охват является оптимальным в условиях субординативного двуязычия при восприятии текста разговорного повествования, поскольку обеспечивает достаточно высокий уровень понимания и позволяет избегать вариативности, характерной для 90 % охвата. Это сужает количество гнезд слов, необходимых для слухового восприятия, с 6 000 – 7 000 при 98-процентном охвате до приблизительно 2 000 – 3 000 (95 % охвата). Оказалось, что даже 90 % лексического охвата позволяет понять разговорное повествование. Для этого необходимо знать 750 гнезд слов (1 500 отдельных слов). Таким образом, для того чтобы билингв мог понимать речь на слух, ему необходимо знать от 750 до 2 000 гнезд иноязычных слов.

Чтобы ответить на вопрос о том, какой же лексический охват необходим для слухового восприятия иноязычной речи, был проведен эксперимент с расширением контекста при помощи добавления несуществующих слов (Van Zeeland H., Schmitt N.). Аутентичные тексты содержали приблизительно 5 % слов, превышающих диапазон 2 000 гнезд слов. Данное исследование проводилось на материале разговорного повествования, которое считается

более простым для восприятия по сравнению с другими видами дискурса (например, дидактическим). В связи с тем, что более ранние исследования проводились на материале других типов дискурса, то необходимый для понимания текстов лексический охват мог быть выше и составлять 98 % [1].

В 2011 г. был проведен эксперимент по восприятию письменных текстов академических лекций (дидактический дискурс), целью которого было определить наличие фоновых знаний испытуемых для понимания текстовой информации. В результате было выявлено, что фоновые знания способствуют пониманию письменного текста, но с лексическим охватом в 94 % и выше (Schmitt et al.). Таким образом, при исследовании восприятия текста необходимо учитывать роль таких факторов, как тип дискурса, лексический охват и фоновые знания испытуемых.

К особенностям восприятия медийного дискурса можно отнести большое количество маркированной лексики (метафор, идиом, фразовых глаголов и т.п.), что, несомненно, затрудняет понимание новостных выпусков. В настоящее время ведется дискуссия о том, включены ли они в перцептивный словарь билингва в качестве самостоятельных структур (Санкт-Петербургская школа).

В современных исследованиях восприятия метафор используют технику, называемую MIP (the Metaphor Identification Procedure) ‘процедура идентификации метафор’. Метафора определяется как структура, в которой определенная лексическая единица имеет отличное от основного и уже существующего более современное значение в другом контексте. Решение о том, является ли эта лексическая единица метафорой, принимается при сопоставлении контекстуального значения с основным современным значением.

Еще одна техника – VIP (the Vehicle Identification Procedure) ‘процедура идентификации носителя (источника)’ – была предложена в 2003 г. Л. Кэмерон. В отличие от техники MIP, которая основана на особенностях лексических единиц и применима только к метафорам, VIP используется в отрезках речи любой протяженности в том случае, когда наблюдается расхождение свойственного ему значения с контекстом.

В университете г. Бирмингем было проведено исследование трудностей восприятия устных текстов лекций среди иноязычных студентов. Для участия в образовательном проекте они сдали экзамен на уровень владения английским языком (IELTS) и продемонстрировали результат от 5,5 до 6,5 балла (при минимуме 5,0).

Основная цель эксперимента состояла в том, чтобы высчитать пропорциональное соотношение метафор и лексических единиц, вызывающих трудности понимания, а также установить: были эти сложности связаны с метафоричностью высказываний либо с незнанием значений входящих в их состав лексем. Другой целью эксперимента было объяснить причины непонимания. На заключительном его этапе определялась также степень непонимания, поскольку в некоторых случаях это непонимание информантами не осознавалось.

На первом этапе эксперимента информанты читали стенограмму лекции два раза. При первом прочтении они смотрели и слушали видеозапись лекции и подчеркивали в стенограмме любые вызывающие трудности слова и словосочетания; при втором – в подчеркнутых местах выделяли маркером незнакомые лексические единицы. Это было необходимо для того, чтобы исключить трудности восприятия, обусловленные незнанием лексических единиц, и противопоставить их проблемам, вызванным метафорическим использованием знакомых единиц. Затем каждая лексическая единица, вызвавшая сложность восприятия, была подвергнута анализу на наличие метафоричности, а в некоторых случаях метафоричность устанавливалась при помощи ранее описанной процедуры MIP. Далее среди лексических единиц, вызывающих у информантов трудности, определялось количество метафор и высчитывалось пропорциональное соотношение M/P (Metaphor/Problematic item) ‘метафора/трудность понимания’. Для каждого информанта был высчитан средний показатель соотношения метафор и вызывающих трудности лексических единиц, а затем общий показатель был определен для каждой лекции. После завершения подсчетов для каждой лекции был рассчитан средний показатель соотношения M/P каждого информанта по всем лекциям.

В экономическом контексте пропорция метафор составила 57,5 % при наличии 4-х информантов. В медийном контексте пропорция метафор составила 45,4 % у 12 информантов. По всем лекциям показатель M/P составил 42 %.

На втором этапе эксперимента информантам предлагалось письменно объяснить значение предварительно выбранных в стенограммах метафор, которые сопровождалось небольшим контекстом. В стенограмме каждой лекции было отобрано по 38 метафор. Необходимо было выяснить, какой процент лексических единиц, состоящих из известных информантам слов и относящихся к метафорам, вызывал трудности в понимании текста. Далее предстояло установить то, были ли эти трудности вызваны просто незнанием составляющих слов, либо непониманием метафоричности. В ходе анализа результатов обнаружено, что в лекциях по экономике 23,1 % слов из вызывающих трудности словосочетаний были знакомы информантам; в лекциях по массмедиа таких оказалось 8,7 %. В экономических лекциях пропорциональное количество метафор среди лексических единиц, вызывающих у информантов трудности, несмотря на знание составляющих эти единицы слов, составило 73,2 %, в лекциях по массмедиа – 46,5 %. Это превысило количество метафор в других исследуемых типах контекста.

В ходе третьего этапа эксперимента было необходимо определить то, какие трудности понимания испытывают информанты. Для этого им предлагалось объяснить контекстуальное значение метафор. В результате было выделено 8 причин неправильного понимания:

- ошибки категоризации вследствие незнания истинного значения (e.g. *to get beyond* ‘выйти за предел’ объяснено как *take off* ‘отправиться, взлететь’);
- игнорирование (e.g. *gene pool* ‘генофонд’ не было объяснено информантами);

- ошибки, обусловленные морфологией (на грамматическом уровне), вследствие анализа отдельных компонентов сложносоставных слов (e.g. *foolproof* ‘антивандальный’ объяснено как *stupid evidence* ‘глупое доказательство’);

- ошибки, обусловленные неправильной смысловой отнесенностью и недостаточной погруженностью в контекст (e.g. *uniform level* ‘общепринятое’ интерпретировано как *common way of speaking* ‘распространенный способ общения’);

- слишком близкая к источнику интерпретация лексической единицы (e.g. *I should confess* ‘Я должен признаться’ интерпретировано как ‘Я хочу сказать что-то секретное’);

- непонимание метафоричности лексической единицы (e.g. *have worked on you* ‘поработал над тобой’ интерпретировано как *interrupted your life* ‘вмешался в твою жизнь’);

- неправильная, но часто встречающаяся интерпретация (e.g. *some point over the next week* ‘определенный важный раздел на следующей неделе’ интерпретировано как *some interesting subject over the next week* ‘определенная интересная тема/предмет на следующей неделе’);

- неправильная, не часто встречающаяся интерпретация (e.g. *stem from* ‘основываться на чем-либо, происходить от’ интерпретировано как *seem clearly different from* ‘казаться явно отличным от’);

- избыточная конкретизация/недостаточная генерализация (e.g. *social network* ‘социальная сеть’ интерпретировано как *social conversations* ‘общественные обсуждения’);

- избыточная генерализация/недостаточная конкретизация (e.g. *to confess* ‘исповедоваться’ интерпретировано как *to say* ‘говорить’).

В экономических лекциях большой процент ошибок был связан с близкой к источнику интерпретацией лексической единицы (26,2 %) и избыточной генерализацией (45,2 %). Подобная ситуация наблюдалась и в лекциях по массмедиа, где среди допущенных информантами ошибок слишком близкая к источнику интерпретация составила 13,5 %, а избыточная генерализация – 30,9 %. Эти показатели превышают аналогичные в других лекциях.

На заключительном этапе эксперимента необходимо было определить то, в какой степени информанты осознавали свои ошибки. Для этого пришлось вернуться к этапу эксперимента, когда информанты должны были объяснить значение лексических единиц, отобранных из стенограммы. Был составлен список метафор, которым информанты дали объяснение, хотя и не вполне приемлемое. Далее было выявлено, какие из них совпали с выделенными на первом этапе эксперимента лексическими единицами, вызвавшими трудности в их понимании. В этом случае информанты осознавали свои ошибки, хотя и не всегда понимая метафоричность высказывания. В случаях несовпадения было очевидно то, что информанты не осознавали свои ошибки.

В итоге большое количество лексических единиц (41–42 %), которые информанты классифицировали как трудные для понимания, несмотря на знание составляющих их слов, оказались метафорами. Эти случаи представляют собой проблему в процессе обучения студентов, для которых английский язык не является родным. В целом информанты не смогли дать приемлемое объяснение приблизительно 26 % отобранных из стенограммы метафор, что осознавалось ими только в 4 % случаев [2].

Мы проанализировали понимание студентами 4 курса смысла заголовков рубрик и статей новостных выпусков агентства CNN с целью выявить типичные трудности, возникающие при слуховом восприятии медийного текста, и определить способы их устранения. В ходе анализа также попытались выяснить, какое влияние оказывает контекст на понимание сообщения, т.е. насколько способствует пониманию так называемая «предсказательная сила» контекста. К распространенным трудностям восприятия можно отнести непонимание стилистически маркированных лексических единиц и отсутствие фоновых знаний.

Например, фраза *The 'Viking thunder clap' heads to Russia 2018* была осмыслена с большой долей обобщения. Ассоциации студентов были связаны с чемпионатом мира по футболу в России, однако смысл синтагмы понят не был. При обращении к Интернету выяснилось, что, аплодируя стоя, высоко подняв руки, исландские болельщики приветствовали свою команду в 2016 году. Этот жест переняли болельщики и других футбольных команд. Трудность понимания обусловлена еще и игрой слов, поскольку, кроме части сложносоставного слова *thunder clap* 'раскат грома', *clap* означает 'хлопок'. Интересно и то, что слово *Viking* присутствует в названии футбольной команды США: *the Minnesota Vikings*, которая, к сожалению, не прошла квалификацию. Напротив, команда такой маленькой страны, как Исландия, сумела пройти квалификацию и отправиться в Россию, чему и была посвящена статья.

Восприятие письменного текста существенно отличается от устного тем, что в случае непонимания человек может вернуться назад и перечитать фрагмент, вызвавший трудности. В ходе ассоциативного эксперимента, целью которого было выделить типичные трудности в понимании иноязычного текста и выяснить способы их устранения информантами, мы проанализировали особенности понимания студентами 4 курса статей экономической, политической, туристической и PR-направленности.

Уже сами заголовки печатных изданий часто вызывают трудности в их понимании. Например, статья о Китае в газете «Financial Times» озаглавлена *Chinese puzzles* 'Загадки Китая' и ее тематика не вполне понятна, поскольку Китай действительно таит в себе много неразгаданного. Обычно смысл заголовка раскрывается в первых абзацах статьи. В текстах экономической тематики встречается большое количество метафор: иногда не менее трех в одном абзаце. Смысл большинства из них угадывается по соответствиям в родном языке информантов, хотя сочетаемость лексических единиц в языках не совпадает.

*Since outsiders first visited, studied and traded with China, they have divided into two schools. First, there are those who believe that **around every corner lies another Chinese triumph**. For them China is and always will be **the cradle of human civilization and source of all prosperity**.*

Например, фраза *around every corner lies another Chinese triumph* ‘за каждым углом **лежит** китайский триумф’ не вполне совпадает с выражениями *встречаться на каждом шагу* либо *скрываться за каждым углом*, распространенными в русском языке. Тем не менее, ассоциация со значением ‘повсеместно’ возникла у большинства русскоязычных информантов, что нивелирует вариативные различия. Однако сочетаемость имен существительных *триумф, победа, успехи* с выражением *встречаться на каждом шагу* не часто употребляется в русском языке.

В следующем фрагменте также встречаются метафоры, значение которых легко угадывается благодаря наличию соответствий в родном языке.

*Then there are those who believe **China is camped on the slopes of a volcano, which is likely at any moment to blow its top**. While surprised that this has not happened already, their **seismological expectation** is that **the explosion cannot be long delayed**.*

Метафора *сидеть на пороховой бочке* в русском языке имеет соответствие в англоязычном варианте ‘*Китай разбил лагерь на склоне вулкана*’. И если в русском варианте естественным продолжением становится глагол *взрываться (о пороховой бочке)*, то в английском варианте *извергаться (о вулкане)*. Аллюзия на сейсмически неблагоприятный прогноз может быть не совсем понятна носителю языка. Однако общая для обоих языков ассоциация со взрывом позволяет понять смысл абзаца.

Понимание смысла следующего абзаца вызывает существенные затруднения у русскоязычных информантов, поскольку метафора *to clap eyes on something* в дословном переводе звучит как ‘хлопать глазами’ и вызывает ассоциативное сходство с глаголом *удивляться*.

*China exports as much in a day now as it did in a year when I first **clapped eyes on it** in 1979.*

На самом деле эта метафора означает ‘увидеть, заметить’. Русскоязычные информанты чаще всего затрудняются дать какую-либо интерпретацию данному фрагменту предложения. Несколько информантов ассоциировали глагол *to clap* ‘хлопать’ с существующей в русском языке метафорой *хлопать глазами*, что означает ‘удивляться’. Данная погрешность является коммуникативно релевантной, поскольку затрудняет понимание текста в целом.

Заголовок статьи *Cyprus and a dog that did not bark* ‘Кипр и собака, которая не лаяла’ представляет собой с грамматической точки зрения назывное предложение, однако его смысл не понятен, поскольку имена существительные *Cyprus* ‘Кипр’ и *dog* ‘собака’ не совместимы по смыслу. В таких случаях, как правило, требуется подзаголовок, например, *The curious incident of the market during the latest crisis* ‘Любопытное происшествие, случившееся с рынком во время последнего кризиса’.

В тексте статьи встречаются метафоры и аллюзии, которые не совсем понятны тому, кто перед просмотром газеты не перечитывал произведения Артура Конан-Дойля о знаменитом сыщике Шерлоке Холмсе.

One lesson is that systemic risk is, at least in part, in the eye of the beholder. If markets are quiet, like Sherlock Holmes's dog, they must be finding some crumbs of comfort in the situation.

В первом случае читающий должен знать смысл выражения *Beauty is in the eye of the beholder* 'красота в глазах смотрящего', что в русском эквиваленте означает 'каждый понимает (видит) по-своему'. Во втором случае стабильная ситуация на рынке сравнивается со спокойствием собаки Шерлока Холмса. Для понимания данной фразы необходимо владеть фоновыми знаниями в области английской литературы. Смысл сочетания слов *crumbs of comfort* 'крошки спокойствия' угадывается из контекста и может быть интерпретирован как 'немного спокойствия (успокоения)'.

Заголовок статьи *Sexual Politics* 'Сексуальная политика' можно интерпретировать как 'гендерная политика', т.е. политика государства в области равенства полов. В заголовке присутствует игра слов, что несколько затрудняет понимание смысла. Несмотря на то, что смысл статьи становится понятным уже после прочтения первого абзаца текста, ряд метафор требует комментариев.

Awaking giddy from the euphoria of Barack Obama's acceptance of his party's nomination the night before, I turned on CNN to find John McCain announcing he had chosen a woman – an unknown Alaska governor and mother of five – as his running mate: Sara Palin. "Obama's just won the election", I called to my still-slumbering companion. Five minutes later, having taken in Palin's cocky moxie and Wonder Woman veneer, I shouted: "Get up! You've got to see this woman. Maybe Mc Cain will win!"

Радость от победы на выборах сравнивается с эйфорией. Аллюзия на ощущения от похмелья создается уже в самом начале абзаца фразой *awaking giddy from the euphoria*. Намек на любимые американцами комиксы присутствует в той части абзаца, где Сэра Полин сравнивается с Чудо-женщиной. Современная трактовка данной метафоры как 'женщина, способная совмещать обязанности по дому с успешной профессиональной карьерой' не была знакома большинству информантов. Дополнительную трудность понимания составили лексические единицы с низкой частотностью: имя прилагательное *cocky* 'дерзкий, напористый', имена существительные *moxie* 'пробивная сила' и *veneer* 'обличье'. Многие информанты затруднялись интерпретировать сочетание *running mate* 'кандидат на пост вице-президента', относящееся к специальной политической терминологии.

Несомненно, понимание данной статьи предполагает наличие фоновых знаний как в области политики, так и общекультурных. Например, фраза *Nora Ephron accused Clinton of having as much authenticity as Naugahyde* предполагает знание того, кто такая Нора Эфрон и что такое *Naugahyde*. При поиске в Интернете была найдена информация о том, что *Naugahyde* является производителем искусственной кожи. Нора Эфрон – известный американский кинорежиссер, сценарист. Русскоязычная аудитория знакома с этим именем в связи с фильмами «Неспящие в Сиэтле», «Как Гарри встретил Сэлли». Только теперь становится понятно то, что в этой фразе Хиллари Клинтон обвиняют в неискренности.

В заголовке *Couture politics* ‘Высокая политика’ присутствует аллюзия на часто употребляемое сочетание *haute couture* ‘высокая мода’. Тематика статьи становится понятной после прочтения первого абзаца, в котором присутствует аллюзия на мир животных.

In the animal world, the male is usually the fancy dresser. But in the masculine jungle of global politics, it is the first lady who has to seduce a fickle public on behalf of her dully plumaged partner.

Первое лицо государства названо ‘партнером с бледным оперением’, а первая леди должна ‘соблазнять слабую общественность’.

Заголовок *Survival strategies* ‘Стратегии выживания’ вызывает ассоциации с выживанием людей в трудных условиях. И, тем не менее, назывное предложение не дает полной картины того, что представляет собой содержание данной статьи. Читатель может получить представление о нем после прочтения подзаголовка *Landscape Dungeness on the English coast is as rich as it is remote* ‘Пейзаж местечка Дандженесс на английском побережье настолько разнообразен, насколько удален от цивилизации’.

В тексте присутствует аллюзия на стиль художника прошлого века Хита Робинсона, получившего известность благодаря юмористическим рисункам, в которых присутствуют необычные механические конструкции.

This working landscape has some fabulously Heath Robinson-style touches; on one visit I admired the ingenuity of a fishing boat slipway made out of redundant central heating radiators.

Нами отмечено, что уровень понимания метафор в большей степени связан с вызываемыми метафорами универсальными (общими), а не индивидуальными (субъективными) ассоциациями; и не только с наличием или отсутствием прямых соответствий этим метафорам в языке информантов, как отмечалось в ранее проведенных исследованиях. При сходстве универсальных ассоциаций смысл метафоры изучаемого языка угадывается уже на уровне формирования концептов. Предположительно, именно концепты, а не сами стилистически маркированные единицы, могут входить в ментальный лексикон билингва.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Van Zeeland, H. Lexical coverage in L1 and L2 listening comprehension / Zeeland H. van, N. Schmitt // Applied Linguistics. – 2013. – Vol. 34. – P. 474–479.*
2. *Littlemore, J. Difficulties in metaphor comprehension faced by international students whose first language is not English / J. Littlemore, P. T. Chen, A. Koester, J. Barnden // Applied Linguistics. – 2011. – Vol. 4. – P. 408–429.*

The article deals with problems of bilingual comprehension of stylistically marked lexical units in newscasts and newspaper articles. It is known that at higher levels of language command the role of background information should be emphasized. Psycholinguistic experiment adds to the research into oral and written speech.

Поступила в редакцию 13.11.2018

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Н. С. Зелезинская

ТИПОЛОГИЯ МОТИВА САМОУБИЙСТВА
В ТРАГЕДИИ У. ШЕКСПИРА «ОТЕЛЛО»

В статье анализируется мотив самоубийства в трагедии У. Шекспира «Отелло» (1605). В первую очередь внимание обращено на образ главного героя, такие его характеристики, как инаковость, целостность, прямотуше, честность, идеализм, на стремление соответствовать венецианским представлениям о *virtu*, желание быть принятым в общество. Анализ этих черт в совокупности позволяет утверждать, что образ героя является основой для моделирования ситуации самоубийства. Проводится параллель с судьбой других шекспировских героев (Лукреции, Антония, Клеопатры, Эроса, Брута, Кассия, Титиния, Ромео и Джульетты). Значительное внимание уделяется проблеме соотносительности христианской идеологии и античной морали, на которую равнялись гуманисты и из которой черпали свои сюжеты, в ренессансной ментальности, в связи с чем в статье делается вывод о специфике позднеренессансного мировоззрения, проявившего суицидальный выход из ситуации краха для многих литературных персонажей.

В трагедии «Отелло» мотив самоубийства представляется нам наиболее типичным для творчества У. Шекспира. Причина типичности заключается в том, что в этой пьесе в основе проблемы самоубийства лежит сплав христианской и античной морали с позднеренессансным мировоззрением, т.е. так или иначе дублируются нравственно-философские искания шекспировских героев произведений на римские сюжеты, равно как и трагедий, проникнутых сугубо христианской идеологией.

В начале трагедии главный герой предстает перед зрителем (и читателем) человеком, который высоко ставит правду в себе и в других, превыше всего ценит доблесть и честь, принципиален, склонен судить резко и самоуверенно, решившись на что-то, всецело отдает себя делу. Для него важны чувства, которые зачастую и являются сигналом к действию. Отелло сознательно стремится соответствовать венецианскому пониманию *virtu*: он хочет добиться уважения как талантливый и богатый человек, требует признания своих заслуг, избирает христианскую религию вместо язычества матери. Но, как отмечает Дж. М. Мэтьюз, «Отелло научился жить в чужом обществе, но он не член этого общества» [1, с. 213]. Инаковость Отелло подчеркивается цветом его кожи и антиномией заимствованного у Чинтио подзаголовка трагедии: «Венецианский мавр». Поэтому так важны для Отелло все атрибуты его соответствия венецианскому обществу. Даже Дездемона для мавра в значительной степени является подтверждением его «правильности» и принятости. Во всех этих характеристиках проявляется абсолютная цельность натуры Отелло. В ней и кроется причина его трагедии: один выпавший камень влечет за собой падение всей башни. Исчерпывающе объяснил трагедию героя П. Кэннел: Отелло – «какой-то унифицированный персонаж, чьи прямотуше и цельность только приближают миг неминуемого краха» [2, с. 175]. Стоит оговориться, что герои, подобные Отелло, у Шекспира неизменно оказываются в ситуации самоубийства. Таковы Лукреция, Антоний, Клео-

патра, Эрос, Брут, Кассий, Титиний, Ромео и Джульетта. Им свойственны благородство, честность, прямота, верность долгу/семье/возлюбленному/ой и/или собственным моральным принципам, забота об имени и посмертной славе, первоначальная цельность натуры, которая нарушается в процессе конфликта. Можно резюмировать, что сам образ Отелло является основой для моделирования ситуации самоубийства.

Что же разрушает стройное здание, возведенное героем? По словам М. Кошкарян, «для того, чтобы разрушить гармонию Отелло, надо разбить его сердце» [3, с. 284]. В принципе неслучайно выпадает именно этот камушек: мы видим, как важна для Отелло любовь Дездемоны, видит это и Яго. И достаточно Отелло разувериться в одном аспекте своего существования, как тут же вся жизнь лишается смысла. Решимость, непоколебимость суждений, гармония разума и чувств прекрасны, когда представления о мире соответствуют реальности. Позволив себе усомниться в жене, Отелло с его цельностью усомнился в себе самом. И теперь страсть, точно сорвавшийся с горы камень, круша все на своем пути, понесла Отелло в пустоту: изоляция героя, которую он так пытался преодолеть, усиливается. Отметим, что одиночество, или изоляция, – это непереносимая составляющая ситуации самоубийства у Шекспира. Любовники, отвергнутые враждебным обществом (Ромео и Джульетта), побежденные заговорщики (Брут и Кассий), принц во власти врагов (Гамлет), проклятая женщина (леди Макбет), герой без родины (Кориолан), чужак (Отелло), слепой преданный старик (Глостер), пара, потерявшая мир, чтобы найти любовь (Антоний и Клеопатра), – таковы персонажи, которые мечтают покончить с собой или делают это. Каждый так или иначе отрезан от своей среды, оказывается один перед трагическим выбором. Изоляция оказывается фатальной в ситуации каждого из этих героев, в том числе и Отелло.

Герой все глубже погружается в хаос, сомнения не дают вздохнуть, все мысли направлены на одно. Он не может остановиться и разрушает уже сам себя. И поэтому логична не только смерть Дездемоны как разрушение важнейшей части жизни Отелло, но и его собственная неизбежная смерть через самоубийство. Самоубийство в трагедии – это апофеоз идеи саморазрушения, как и в трагедиях «Юлий Цезарь», «Антоний и Клеопатра» и др., что ставит эту идею в один ряд с другими типологическими чертами шекспировского самоубийства. В «Отелло» мы наблюдаем, как стойкий герой начала пьесы сменяется существом, потерявшим внутреннюю целостность, а в сцене самоубийства Отелло снова становится собой. В момент смерти он сам себе хозяин. Спокойный, ясный, он вспоминает прошлое, перед тем как исчезнуть. Этот исключительный человек может справедливо напомнить, перед тем как себя казнить, что он не принадлежит к низкосортным убийцам, а, напротив, является *an honourable murderer* ‘достойным убийцей’ [4, акт V, сцена 2]. Он просит: «Speak of me as I am» [V, 2]. Дж. Уилсон считает, что цель последней речи – напомнить, что Отелло действительно герой, который не может умереть от руки палача: он слишком велик для такого позора и подчиняется лишь закону чести [5, с. 93]. Во всех произведениях Шекспира самоубийство связано с понятием цельности личности. Оно венчает разделение «Я», как у Брута, или представляет собой усилие воссоздания потерянного единства, что мы видели на примере Антония.

Как и в других произведениях Шекспира, самоубийство не застаёт нас врасплох в «Отелло». Интересно, что период «неустойчивого состояния» самоубийцы присутствует и в других произведениях драматурга. В «Отелло» самоубийство упоминается несколько раз Родриго, Эмилией и Дездемоной еще задолго до развязки. Зрителя плавно подводят к осознанию неминуемости добровольного ухода из жизни на нескольких уровнях восприятия: оно подготовлено самоубийством второстепенных персонажей (действенный уровень), идеями и размышлениями (вербальный уровень) и упоминанием мифологических самоубийц (метафорический уровень). Данная авторская стратегия постепенно внушает читателю вывод о неизбежности смертельного исхода. Важно отметить, что все самоубийства героев Шекспира predetermined характером, понятием о чести и достоинстве, ожиданием со стороны общества или муками совести. Акцент на отсутствие выбора косвенно свидетельствует об одобрении автором действий своего персонажа. Если же у героя есть выбор (что наглядно показано размышлениями Гамлета), автор «убеждает» их жить дальше.

Как ни странно, самоубийство служит в пьесе силам добра и другим способом. В «Отелло», как и в «Ромео и Джульетте», «Лукреции», «Антонии и Клеопатре», «Короле Лире», оно является катализатором дальнейших (положительных) событий. Самоубийцам удается осознанно манипулировать происходящим непосредственно через акт самоубийства. В произведениях Шекспира, во-первых, героини стремятся через смерть избежать социальных и гендерных условностей и ограничений, во-вторых, протагонисты через смерть возвращают свое честное имя и репутацию, что и происходит в «Отелло».

Для шекспировского героя неважно, когда он умрет (см. реакцию Брута на смерть Порции, Макбета – на смерть леди Макбет, Капулетти – на смерть Тибальта, где основная мысль звучит как *все мы когда-нибудь умрем*), главное – как, поскольку смерть для протагониста – это реализация «Я» и гармоничное продолжение жизни, логическое выражение жизненной позиции. Смерть для Клеопатры – любовь и свобода (*liberty and reunion*), для Антония – покой и сон (*sleep*), для Гамлета – благословение (*felicity*), для Брута – покой (*rest*). Принцип осуществления собственной смерти воплощен в постулате: «*The readiness is all*». Драматург настаивает на гармонии между существованием человеческого существа и его смертью. Поэтому имя героя-самоубийцы совпадает с названием пьесы. Таковы «Лукреция», «Ромео и Джульетта», «Отелло» (не «Дездемона», не «Отелло и Дездемона»), «Антоний и Клеопатра», «Тимон Афинский». Исключением является «Юлий Цезарь».

В самом акте самоубийства Отелло мы также можем узнать шекспировский почерк. С точки зрения драматической постановки отметим, что Отелло убивает себя на сцене перед зрителем, его смерть эстетична и впечатляюща, под стать смерти Ромео, Джульетты, Антония, Клеопатры, Кассия и др. В своих пьесах Шекспир учитывал театральность и зрелищность самоубийства, однако не злоупотреблял визуальным эффектом. Далекое не все самоубийства выведены автором на сцену (например, Порции, Офелии, Тимона). Шекспир не показывает самоубийств злодеев и – эти факты связаны – никто не вешается на сцене. Ни леди Макбет, ни Гонерилья, ни королева из

«Цимбелина» не умирают на публике. Это значит, что самоубийства, при которых мы присутствуем, вызывают если не одобрение автора, то, по крайней мере, некоторое сочувствие. Такая разборчивость также указывает на значимость эстетического компонента в произведениях драматурга.

Необходимо упомянуть другие типологические черты самоубийства, изображенные в «Отелло». Самоубийство героя было придумано Шекспиром, а не взято из более ранних вариантов трагедии. Оно является развязкой трагедии и сопровождается прощальной речью, объясняющей мотивы и позицию Отелло: «прощальная тирада мавра – изумительная индульгенция его самоубийству, верно рассчитанный театральный жест» [2, с. 174]. Похвальное слово самоубийце произносит второстепенный персонаж, человек, облеченный властью и вызывающий у других уважение, в данном случае – Лодовико. Самоубийство главного героя вызвано обманом и заблуждением. Герой убивает себя без раздумий и проволочек. Орудием самоубийства становится холодное оружие.

Типичным является и то, что самоубийство играет для Отелло роль катарсиса. Как пишет М. Морозов, «узнав, что Дездемона невинна, Отелло в конце пьесы роняет обильные слезы, подобные целебной мирре аравийских деревьев. Он плачет слезами радости. Правы оказались они – Отелло и Дездемона, а не Яго. И в этих слезах сильного, мужественного Отелло перед смертью – тот катарсис, то просветление, в котором чувствуется бесконечная вера в человека и который лучом света озаряет финал великой трагедии» [6, с. 126]. О своем проклятии герой говорит в рамках убийства, а самоубийство предстает как соединение с добром в лице Дездемоны: «I kist thee ere I kill'd thee; no way but this, // Killing myself, to die upon a kiss» («С прощальным поцелуем // Я отнял жизнь твою и сам умру, // Пав с поцелуем к твоему одру») [4, V, 2].

Из этих слов следует вывод о благотворном эффекте самоубийства: влюбленные герои обретают друг друга в смерти. Несмотря на высказанное нами мнение об изоляции и разрушении, для возникновения ситуации самоубийства многое значат межличностные отношения. Убивают себя ради друг друга Ромео и Джульетта, Антоний и Клеопатра. Отелло принимает добровольную смерть ради Дездемоны, Брут – ради Цезаря, не говоря о тех, кто не может жить без дорогого существа, как Титиний, Эрос, Ирида или Хармиана. Эта черта свойственна не всем персонажам, но в случае самоубийства влюбленных тема единения после смерти выступает как доминирующая. Отсюда следует такая типологическая черта шекспировского самоубийства, как переплетение тем любви и смерти. При этом любовь может быть причиной самоубийства, его целью (Антоний и Клеопатра) или антитезой смерти. Символом единения любви и смерти у Шекспира является поцелуй («Ромео и Джульетта», «Отелло», «Антоний и Клеопатра» и др.).

В трагедии «Отелло» – и это верно в отношении всего творчества английского драматурга – тема самоубийства идет рука об руку с темами любви, хаоса, катарсиса, оно ассоциируется с покоем, сном, лекарством, безумием, карой (метафорический уровень прочтения самоубийства). Тяжесть существования заставляет стремиться к покою, который может дать

только смерть. Такова тема знаменитого монолога Гамлета, тревог Макбета, прощальных речей Антония, отчаяния Постума («Цимбелин»), философских размышлений Брута. Смерть – это сон. Но сон имеет разный смысл для тех, кто стремится его обрести: бегство – для Гамлета, конец кошмара – для Макбета, признание провала – для Брута, воссоединение с любимым – для Клеопатры. Шекспир также использует образ смерти как лекарства (Родриго в «Отелло», Постум в «Цимбелине»). Иногда самоубийство неразрывно с безумием. Так Констанция показывает, что сумасшествие и самоубийство являются убежищем для того, кто отягощен страданием («Король Иоанн»). Смерть как «очищение» от личной вины классически показана в «Отелло», где «Мавр судит себя строже обычного людского суда; а также в “Гамлете”, где, погибая, принц увлекает за собой антагониста – в какой-то мере выполняющая под конец и свой долг перед отцом и Данией» [7, с. 113]. В отношении злодеек (леди Макбет, Гонерилья, королева из Цимбелина) Шекспир представляет самоубийство как кару (по любому закону – божескому, людскому, поэтическому). К нему не применимы термины осуждения или одобрения, поскольку свой приговор выносят не люди, а сама природа. Образы покоя, сна, лекарства, безумия, очищения и кары – веяния Нового времени обозначают отход от античности. Эти ассоциации привнесены сознанием XVII в. Античные мотивы спасения чести, смерти от меча, решительности самоубийства, посмертного похвального слова, мести (убийцу-Отелло убивает та же рука, что и Дездемону) заглушены, как в «Антонии и Клеопатре», тем, что самоубийство вызвано обманом и заблуждением. Но неожиданно сильное звучание обретают христианские мотивы. В последней сцене трагедии Отелло использует много inferнальной лексики: «Whip me, ye devils, // From the possession of this heavenly sight! // Blow me about in winds! roast me in sulphur! – // Wash me in steep-down gulfs of liquid fire!» («Плетьми гоните, бесы, прочь меня // От этого небесного виденья! // Купайте в безднах жидкого огня!») [V, 2]. Мавр сравнивает Дездемону с ангелом, пытается узнать в Яго дьявола и даже ищет копыта на его ногах. Он верует в божественную справедливость, в то, что попадет «в дым и пламя». Одна из наиболее пессимистичных фраз его монолога – «Who can control his fate?» («Кто управляет собственной судьбою?») – также обусловлена религиозными воззрениями. Взятые вместе христианские мотивы: проклятие, смирение, муки на том свете, предопределение, неизбежность наказания – создают мрачную атмосферу и перспективу трагедии. В этом проявляется суть конфликта ренессансного и христианского мировоззрений. Если в «Антонии и Клеопатре» в добровольном уходе из жизни приветствуются триумф духа и любовный союз, то в «Отелло» самоубийство вводится, когда «ничего спасти уже не в состоянии» [8, с. 239].

Таким образом, в трагедии «Отелло» Шекспир показывает нам процесс саморазрушения человека Возрождения, попавшего в обстоятельства, с которыми он в силу своей природы справиться не может. Это трагедия не одного героя, а всего мировоззрения, всей системы эпохи Возрождения с ее противоречием: внешней силой и самоуверенностью и внутренней косностью, обрекающей на гибель человека, лишь на шаг отклонившегося от ее идеалов. В итоге «в шекспировском Отелло проигрывают все» [Там же, с. 240].

В трагедии «Отелло» самоуничтожение героя – логичное следствие существования титанической личности в переломную эпоху кризиса ренессанса, а именно эта тема является одной из ведущих в творчестве Шекспира. Следовательно, выводы и обобщения, сделанные нами в данном разделе, справедливы для других произведений Шекспира, в которых поднимается проблема самоубийства. Набор обозначенных тенденций дает нам право говорить о типологии самоубийства в произведениях Шекспира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мэтьюз, Дж. М. «Отелло» и человеческое достоинство / Дж. М. Мэтьюз // Шекспир в меняющемся мире. – М. : Прогресс, 1966. – С. 208–240.
2. Кэннел, П. Отелло и Антоний / П. Кэннел // Шекспир: главы из книги // ИЛ. – 1998. – № 11. – С. 174–89.
3. Кошкарян, М. С. Шекспир / М. С. Кошкарян // Платон. Шекспир. Слово и онтологическое обоснование справедливости. – М. : Изд-во гуманит. лит., 2003. – С. 125–300.
4. *Shakespeare, W.* Othello, the Moor of Venice / W. Shakespeare // The Complete Works: all the plays in chronological order, with all the sonnets and poems / Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd, 1994. – P. 818 – 857 / пер. приводится по: Шекспир, У. Отелло / У. Шекспир; пер. с англ. Б. Пастернака // Полн. собр. соч.: в 8 т. – М. : Искусство, 1960. – Т. 7. – С. 101–257. *Wilson F. P.* Elizabethan and Jacobean / F. D. Wilson. – Oxford: Clarendon Press, 1948. – 143 p.
5. Морозов, М. О Шекспире: избранное / М. Морозов. – М. : Искусство, 1979. – 669 с.
6. Пинский, Л. Е. Шекспир: Основные начала драматургии / Л. Е. Пинский. – М. : Худож. лит., 1971. – 602 с.
7. Котт, Я. Два парадокса Отелло / Я. Котт // Советская драматургия, 1989. – № 6. – С. 234–244.

The article analyses the character of Othello through the concepts of Otherness, wholeness, honesty, the Renaissance concept of *Virtu* and the idealistic worldview. We are apt to view these features in their unity as the bases of Othello's suicide. Moreover, the same set of features predetermines the suicide of some other Shakespearean heroes such as Lucrece, Antony, Cleopatra, Romeo, Juliette, Cassius, Titinius, Marcus Brutus, Eros. The Renaissance mentality is heavily emphasized as the necessity to coordinate Christian ideology and ancient ideals. We see their contradictory influences incorporated in many literary works of that time, e.g. in the representation of suicide in tragedies.

Поступила в редакцию 10.01.2019

Н. В. Ламеко

ПОЭТИКА СИМУЛЬТАННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖ. ДЖОЙСА И П. ПИКАССО

В статье исследуется поэтика симультанности в творчестве ведущих представителей модернизма Джеймса Джойса и Пабло Пикассо. Выявляются типологические сходжения в литературе и живописи, особое внимание уделяется экспериментам художников в сфере

синтеза искусств и концепту хаоса в их эстетической системе. Показывается, как эффект симультанности проявляется в композиции и хронотопе их произведений, подробно рассматриваются такие составляющие поэтики текстов, как гибридная образность, коллаж, мультиперспектива и «поток сознания».

Ирландский писатель Джеймс Джойс (James Joyce, 1882–1941) и испанский художник Пабло Пикассо (Pablo Picasso, 1881–1973) – ключевые фигуры эпохи модернизма, смелые экспериментаторы, оказавшие огромное влияние на современное искусство. В творческой эволюции авторов очевидны параллели: на раннем этапе оба следуют традиции (поэзия Джойса, портретная живопись Пикассо), позже разрабатывают принципиально новый художественный язык и радикально меняют представление о литературе и живописи. При этом не полностью порывают с искусством прошлого, а переосмысливают многовековое культурное наследие, все время ищут новые способы моделирования художественной реальности. Все этапные прозаические произведения Джойса отличаются в формально-стилевом плане. В сборнике рассказов «Дублинцы» («Dubliners») писатель обращается к поэтике эпифании, продолжает использовать ее в романе «Портрет художника в юности» («A Portrait of the Artist as a Young Man») и включает в текст элементы «потока сознания». Последний – в ряду ключевых приемов в романе «Улисс» («Ulysses»), большинство из эпизодов которого написаны в особой технике. В своем последнем романе «Поминки по Финнегану» («Finnegans Wake») Джойс конструирует новый гибридный язык, крайне усложняя возможности прочтения и интерпретации текста. Пикассо, в совершенстве овладевший искусством академического письма еще в подростковом возрасте, рано осознает необходимость обновления языка живописи. Выполненные в гризайльной технике работы «голубого» периода созвучны произведениям «розового» периода, но отличаются палитрой. Вместе с французским художником Жоржем Браком Пикассо открывает для XX века возможности кубизма, сотрудничает с сюрреалистами, на определенном этапе возвращается к классической манере, несколько модифицируя ее. Таким образом, для Джойса и Пикассо не существовало границ, им удалось наиболее полно воплотить идею о свободе художника и его безграничных творческих возможностях.

Среди типологических сходжений в творчестве Джойса и Пикассо особое внимание стоит обратить на симультанность, проявляющуюся на разных уровнях их произведений. М. А. Петров так характеризует это явление в искусстве: с одной стороны, это «особый, как правило, формальный способ организации произведения, при котором все части художественного целого репрезентируются в единый момент времени» [1, с. 7], с другой – «в широком и более глубоком смысле симультанность тождественна стремлению современных художников к универсализации языка искусства, созданию арт-объектов, охватывающих не только разные виды творчества (существующие в режиме интермодальности), но и базирующихся на синестезийных и синсемийных практиках» [1, с. 7–8]. Исследователь подчеркивает, что термин *симультанный* может выступать синонимом *синтетического*. Проявления симультанности очевидны в творчестве многих художников эпохи модернизма с ее явной ставкой на синтез искусств. Продолжая

тенденцию, начатую авторами рубежа XIX–XX вв., модернисты активно включают в свои произведения элементы из разных художественных систем. В качестве примера можно вспомнить каллиграммы Гийома Аполлинера или живописные симфонии Микалоюса Константинаса Чюрлёниса.

Джойс и Пикассо в своем творчестве также тяготели к синтезу искусств. В текстах ирландского автора заметно мощное музыкальное начало, его смелое словотворчество рассчитано не только на умозрительное, но и на слуховое восприятие. Переводчик С. С. Хоружий утверждает, что Джойса отличает «позиция художника-слуховика, художника, утверждающего примат звука и слуха, берущего слово и текст, в первую очередь, как звучащую материю» [2, с. 756]. Автор прибегает к музыкальности не просто ради внешнего эффекта, смысл и звук воспринимаются синхронно. Яркий пример – вариации на тему имени Блума в 11-м эпизоде «Улисса», подчеркивающие его одиночество (*Blew. Blue Bloom is on the <...> I feel so sad. P.S. So lonely blooming* [3, p. 329]). Музыкальное письмо Джойса достигает апогея в «Поминках по Финнегану»: крайне сложный для восприятия текст, насыщенный огромным количеством неологизмов и межъязыковых омонимов, требует от читателя предельной концентрации на звучании. Нередко именно фонетическая оболочка слова помогает расшифровать смысл того или иного фрагмента. Кроме этого, романы Джойса отсылают читателя к разным музыкальным произведениям и, в свою очередь, становятся основой для последующих работ. Н. А. Хрущева, исследуя влияние литературы на музыку композиторов второго авангарда, обнаруживает, что тексты Джойса, «насыщенные музыкальностью на всех уровнях – от гипертрофированных фонетических звукоподражаний до имитации конкретных музыкальных структур – сформировали целые поколения композиторов, отразившись в используемых ими приемах, выразительных средствах, концепциях» [4, с. 3].

Пикассо известен прежде всего как художник, однако стоит отметить и его новаторскую, неординарную скульптуру. Многие произведения автора созданы на стыке этих двух видов искусства («Стакан абсента» («*Le Verre d'absinthe*»), «Девочка со скакалкой» («*Petite fille à la corde*»), «Обезьяна с детенышем» («*La Guenon et son petit*») и др.). В скульптурных работах он активно использует цвет, а фигуры «неоклассического» периода напоминают монументальные статуи. Керамика Пикассо – это не просто функциональные предметы, а образцы декоративно-прикладного искусства, перекликающиеся с его живописными и графическими работами. Сквозные мотивы – голубь, бык, тореадор, коррида – используются в оформлении многочисленных тарелок, кувшинов, ковшей. В синтетическом творчестве Пикассо особое место занимают его работы для Русского балета Сергея Дягилева, например, декорации и костюмы для «Парада» («*Parade*»), музыка Эрика Сати, сценарий Жана Кокто, хореография Леонида Мясина). Облаченные в кубистские костюмы, герои напоминают ожившие рисунки художника. Еще одно проявление артистического синтеза – поэзия Пикассо. Симультанная композиция, стирание границ между отдельными образами, поэтика ассоциаций, богатая колористика, акцент на формах, линиях, цветах и оттенках, синестетические тропы – все это объединяет ее с экспериментальной живописью автора.

Симультанность в произведениях Джойса и Пикассо проявляется на уровне хронотопа. В разных видах искусства она предполагает предельную сжатость времени, избыточную концентрацию событий в определенный момент. В «Улиссе» и «Поминках по Финнегану» Джойс прибегает к приему гиперлокализации – сверхточному и подробному описанию пространства и времени за краткий период. «Улисс» – повествование об одном дне, «Поминки по Финнегану» – история одной ночи, при этом оба текста в символическом смысле вмещают в себя всю историю. На локальном уровне симультанность проявляется в отдельных частях текстов. Так, в 10-м эпизоде «Улисса» дана панорама городской жизни, автор показывает героев романа в разных местах города в одно и то же время. В 15-м эпизоде, временем действия которого является полночь, наблюдается смещение временных пластов, прошлое, настоящее и будущее сливаются воедино.

Передать движение времени в живописи можно с помощью симультанной композиции, включения в пространство картины эпизодов, повествующих о несинхронно развивающихся событиях. «Похороны Касагемаса» («Evocation (L'enterrement de Casagemas)») – размышление о судьбе друга Пикассо, покончившего жизнь самоубийством из-за несчастной любви. Художник структурирует полотно таким образом, что отдельные фрагменты выстраиваются в нарратив о жизни погибшего и затрагивают ее важные аспекты. Сам Карлос Касагемас изображен дважды – как покойник в белом саване, оплакиваемый людьми в траурных одеждах, и как возносящийся в небо человек на белой лошади. Другие персонажи несут символическое значение: женщина с ребенком на руках передает скорбь матери, оплакивающей сына, обнаженные фигуры в чулках отсылают к божественной жизни юноши, девушка, пытающаяся удержать Карлоса в своих объятиях, ассоциируется с возлюбленной, из-за которой и случилась трагедия.

Поэтика симультанности часто используется для передачи хаотичных состояний. Это могут быть нервные потрясения, утрата равновесия, душевный разлад, когда человек переживает целую гамму чувств. В живописи Пикассо примеры подобного рода – портреты плачущей Доры Маар. У Джойса можно отметить эпизод из «Портрета художника в юности», когда Стивен Дедал слушает священника в церкви и испытывает муки совести, ощущая греховность своих поступков и помыслов. В целом хаос – один из ключевых концептов в эстетической системе писателя. Конструируя уникальный язык «Поминок по Финнегану», автор изобретает слово *chaosmos* ‘хаосмос’, отражающее суть его художественного универсума. В этом произведении хаос и космос находятся в непрерывном взаимодействии и переходят друг в друга. Смешивая морфемы из разных языков, Джойс предельно усложняет свой текст. Один и тот же неологизм можно интерпретировать совершенно по-разному. Хаос смыслов уже не полностью зависит от авторской воли, текст способен упорядочиваться в гармоничное единство в зависимости от подготовки и рецептивных возможностей того, кто его читает.

Хаос находит воплощение и в творчестве Пикассо, например, в работах социально-политической тематики. Одна из наиболее известных картин, «Герника» («Guernica»), изображающая бомбардировку испанского города

и ужасы Гражданской войны, – манифест художника-пацифиста, осуждающего бесчеловечность и жестокость. На огромном полотне переданы страдания людей и животных, среди образов выделяются взывающая к небу мать с мертвым ребенком на руках, бегущие женщины, поверженный человек с обломком клинка в руке, лошадь, бык. Всех, кроме ребенка, объединяет символическая деталь – раскрытый в крике рот. Кубистская техника позволяет усилить эффект крушения мира, монохромные остроугольные фрагменты напоминают осколки битого стекла. Художник передает хаос, безумие войны и отчаянный протест живых существ против насилия и разрушения. Поэтика симультанности проявляется не только в синхронном изображении персонажей, но и в передаче пограничного состояния между жизнью и смертью. На картине выделяются фигуры в динамике боли и страха, а также части изувеченных тел, что свидетельствует о гибели. Герои будто одновременно находятся на грани земной жизни и небытия, а схематизированный рисунок выводит повествование за рамки испанских реалий. Произведение обретает универсальный размах и воспринимается как монумент жертвам любой войны.

Среди средств реализации эффекта симультанности в творчестве Джойса и Пикассо важное значение имеет коллаж, получивший широкое распространение в искусстве XX века. Пикассо оказал серьезное влияние на развитие коллажа, папье-колле и ассамбляжа, основанных на совмещении разнородных элементов в пределах единого эстетического целого. Такие его работы периода синтетического кубизма, как «Натюрморт с плетеным стулом» («*Nature morte à la chaise cannée*»), «Скрипка» («*Violon*») и др., включают элементы живописи, графики, фрагменты газетных статей и нотных партитур, этикетки, куски клеенки, обоев или веревки и даже песок. Р. Лесли анализирует, зачем Пикассо и Брак использовали в своих работах столь далекие от артистической сферы материалы, и приходит к выводу, что они будто стирали тем самым границы между искусством и жизнью: «В течение столетий искусство являлось иллюзией реального, но теперь, когда художники попытались постичь мир в себе, искусство смогло достигнуть перемены категорий; конечно, оно было частью реального, и где начиналось одно и заканчивалось другое – этот вопрос теперь ставили довольно часто» [5, с. 53].

Литературный коллаж также основан на «склейке» разнородных фрагментов текста. «Поэтика выжженной земли», к которой прибегает Джойс в романе «Улисс», позволяет автору создать грандиозный коллаж из разностилевых фрагментов. В пределах одного эпизода автор эксплуатирует какую-либо технику, исчерпывая ее возможности, и в следующей структурной части переходит к другой. Так, 7-й эпизод написан в стилистике газетных заметок, 11-й построен по модели фуги с каноном, 14-й представляет собой панораму стилей английской литературы, 18-й полностью написан в технике «потока сознания». Кроме этого, в тексте есть нелитературные вкрапления, например, ноты. Коллажная поэтика Джойса напоминает эксперимент немецкого писателя Альфреда Дёблина, включившего в свой роман «Берлин Александерплац» («*Berlin Alexanderplatz*») вывески, афиши, рекламу, рецепты, новостные заметки и т.д. Коллаж помогает ирландскому и немецкому авторам воссоздать картину Дублина и Берлина во всем многообразии людских судеб.

Близка коллажу гибридизация, основанная на совмещении разных по происхождению элементов. На знаменитом кубистском полотне Пикассо «Авиньонские девицы» («*Les Femmes d'Alger (O. J. R. M.)*»), ознаменовавшем начало кубизма, выделяются две фигуры справа. Их лица напоминают маски, таким образом, их можно одновременно воспринимать и как девушек, и как статуэтки. Источником вдохновения для Пикассо были не только изображения купальщиц в европейской живописи (например, у Поля Сезанна), но также иберийская скульптура и искусство африканских народов. Автор синтезирует некоторые особенности художественного языка этих культур и создает собственные образы. Гибридная поэтика – основная черта «Поминок по Финнегану» Джойса, вмещающих огромное количество гибридных вербальных конструкторов. Такие лексемы и словосочетания, как *chaosmos*, *biografiend*, *gossiple*, *Edenborough*, *foriver*, *allhorrors eve*, *Woeman's Land*, демонстрируют контаминацию по меньшей мере двух корней (часто из разных языков) и одновременно ассоциируются с несколькими понятиями. Так, слово *homogenius* напоминает словарное *homogeneous* ‘однородный’, однако его можно интерпретировать и по-другому. Очевидно, что оно состоит из корней *homo* (лат. ‘человек’) и *genius* (лат. ‘гений’, ‘дух’; англ. ‘гений’, ‘дух’, ‘одаренность’, ‘талант’, ‘склонность’), что позволяет перевести этот неологизм и как ‘гениальный человек’. Кроме того, главные герои романа Иэрвикер (*HCE, Here Comes Everybody*) и Анна-Ливия Плюрабель – также гибридные образы. HCE – это человек вообще, вбирающий в себя черты совершенно разных людей, а также мест, объектов, предметов, явлений (*Humpheres Cheops Exarchas; H²CE³; hear Caller Errin!* и т.д.). Его жена Анна Ливия Плюрабель – одновременно женщина и дублинская река Лиффи. Ее знаменитое описание в 8-й главе первой части романа – коллаж из слов, в которых угадываются названия многочисленных рек мира (например, *Yenessy, Amoor, Lefanu* и др.). В латинском корне *Plurabelle* заложена идея множественности (плюральности), которую автор акцентирует в 5-й главе первой части: *In the name of Annah the Allmaziful, the Everliving, the Bringer of Plurabilities, haloed be her eve, her singtime sung, her rill be run, unhemmed as it is uneven* [6, p. 104].

Джойс и Пикассо используют симультанную технику и в изображении людей. Создавая кубистские портреты, Пикассо использует мультиперспективу. Изображение лица и человеческой фигуры одновременно с разных ракурсов – один из наиболее узнаваемых приемов в творчестве художника. Автор нарушает каноны традиционной живописи. Как двухмерное искусство она позволяет посмотреть на что-либо только с одной точки, однако живописец ломает стереотипы восприятия и дает возможность увидеть изображенных людей под разными углами, почувствовать их напряжение или движение. Симультанность джойсовских образов основана на их полифункциональности. Считавший Одиссея образцом универсальной личности, Джойс создает образ Леопольда Блума и называет его «Всякий или Никто» («*Everyman or No-man*»). В 15-м эпизоде герой совершает трансгрессию и переживает серию метаморфоз, принимая лики совершенно разных людей из разных исторических эпох.

В арсенале художественных средств Джойса и Пикассо есть собственно литературные или живописные приемы создания эффекта simultaneity. В поэтике Джойса огромное значение имеет «поток сознания», цель которого – отразить реальное функционирование человеческой мысли. Фрагменты подобного текста включают основную тему и отклонения от нее, вызванные реакцией на окружающий мир или особенностями психического состояния человека. Зачастую в ткань «потока сознания» вторгается объективизированное повествование или авторский голос, что делает их яркими образцами simultaneity письма. В творчестве Пикассо можно отметить эксперименты с пространством: картины-коллажи за счет включения в них элементов со специфической текстурой воспринимаются как трехмерные объекты, в отличие от привычных живописных работ.

Таким образом, эффект simultaneity проявляется в композиции и хронотопе произведений Джеймса Джойса и Пабло Пикассо, а ключевые художественные приемы его реализации – гибридная образность, гиперлокализация, коллаж, мультиперспектива, «поток сознания». Поэтика simultaneity в творчестве ирландского писателя и испанского художника свидетельствует о масштабности их мышления, стремлении к всестороннему осмыслению мира и человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петров, М. А.* Симультанность в искусстве. Культурные смыслы и парадоксы / М. А. Петров. – М. : Индрик, 2010. – 176 с.
2. *Хоружий, С. С.* Комментарий / С. С. Хоружий // Джойс, Дж. Улисс / Дж. Джойс; пер. В. А. Хинкиса и С. С. Хоружего. – СПб. : Симпозиум, 2000. – С. 681–830.
3. *Joyce, J.* Ulysses / J. Joyce. – Glasgow : Flamingo, 1994. – 940 p.
4. *Хрущева, Н. А.* Взаимодействие музыки и литературы в творчестве П. Булеза, Л. Берио, Дж. Джойса: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Н. А. Хрущева; Санкт-Петербургская гос. консерватория (академия) им. Н. А. Римского-Корсакова. – СПб., 2014. – 26 с.
5. *Лесли, Р.* Пабло Пикассо. Мастер модернизма / Р. Лесли. – Минск : Белфаксиздатгрупп, 1998. – 128 с.
6. *Joyce, J.* Finnegans Wake / J. Joyce. – London : Penguin, 2000. – liv, 628 p.

The article deals with the poetics of simultaneity in James Joyce's and Pablo Picasso's works which manifests itself in the structure, chronotope and stylistic peculiarities of their texts. Special attention is paid to the concept of chaos in Joyce's and Picasso's aesthetics as well as to hybrid images, collage, multiple perspective and stream of consciousness as means of creating the effect of simultaneity.

Поступила в редакцию 27.12.2018

Е. А. Ревуцкая

ПРОСТРАНСТВО *ОТСУТСТВИЯ* В ПОЭЗИИ ПЬЕРА РЕВЕРДИ

Статья обобщает результаты изучения образов, составляющих пространство отсутствия в «Стихотворениях в прозе» («*Poèmes en prose*», 1915) одного из первых французских сюрреалистов Пьера Реверди (1889–1960). Исследование, использующее приемы

сопоставительного метода и основанное на определении отсутствия как одного из способов существования лирического героя, показывает: в изучаемых поэтических текстах это пространство образовано соположениями сущностей разных порядков и наделяется свойствами материи. Кроме того, учет эпистемической составляющей поэтического текста позволяет сделать вывод об открытости пространства отсутствия в исследуемых произведениях.

Сегодняшние исследователи творчества французского поэта Пьера Реверди все чаще обращаются к его ранним произведениям, не относимым к «литературному кубизму» – методу, основанному поэтом и «затмившему» его первые работы. Последним, не «зашифрованным» еще кубистской техникой, в большей степени присущи такие черты, как автобиографичность и событийность [1, р. 104]. Кроме того, первый опубликованный сборник Реверди – «Стихотворения в прозе» (1915) – стал одновременно и одним из первых модернистских текстов в этом жанре [2, р. 77] и явил читателю «образ прежде образа» [3, р. 7].

Даже непродолжительное знакомство с ранними работами Реверди показывает, что значимым содержательным элементом его творчества на этом этапе оказывается тема отсутствия. Так, в поэме «Под открытым небом» («*Belle Étoile*») «потерявший ключ» лирический герой «не может открыть ни одну дверь», не видит никого, потому что «все разошлись и позапирали ворота»:

(1) *J'aurai peut-être perdu la clé, et tout le monde rit autour de moi et chacun me montre une clé énorme pendue à son cou. Je suis le seul à ne rien avoir pour entrer quelque part. Ils ont tous disparu et les portes closes laissent la rue plus triste. Personne* [R. P.–1].

(1') 'Я, кажется, потерял ключ, и все вокруг надо мной хохочут, и каждый мне тычет в глаза свой огромный ключ, висящий на шее. И только я не могу открыть ни одну дверь. Все разошлись и позапирали ворота, улица приуныла. Вокруг никого' [Р. П.–1].

Образная система поэмы (1) представлена сущностями двух порядков – конкретного (ключ, ворота) и абстрактного (грусть, утрата). Отметим при этом, что идея отсутствия, отождествляемая в поэме (1) с невозможностью открыть ни одну дверь, формируется именно конкретными понятиями, как если бы одиночество можно было преодолеть, обретя ключ к одной из дверей. Кроме того, потеря ключа оказывается лишь одной из возможных причин одиночества лирического героя. Так, эпистемический показатель *peut-être* 'кажется' дает читателю понять: возникший конфликт не может быть разрешен благодаря одному только обладанию чем-то, что есть «у каждого» (*chacun me montre une clé énorme pendue à son cou* 'каждый мне тычет в глаза свой огромный ключ, висящий на шее').

Лирический герой поэмы «Ветер и мысли» («*Le Vent et L'Esprit*») «не понимает ни слова», «не слышит ни звука» – «вокруг все замерло без движения», «не оставив ничего»:

(2) *C'est une étonnante chimère. La tête, plus haut que cet étage, se place entre les deux fils de fer et se cale et se tient; rien ne bouge. La tête inconnue parle et je ne comprends aucun mot, je n'entends aucun son – bas contre terre. Je suis*

toujours sur le trottoir d'en face et je regarde; je regarde les mots qu'emporte le vent ; les mots qu'il va jeter plus loin. La tête parle et je n'entends rien, le vent disperse tout (...). Je n'ai plus rien [R. P.–2].

(2') 'Что за странное наваждение? На уровне вон того этажа, между проводами, устроилась голова и висит себе; вокруг все замерло без движения. Незнакомая голова говорит, а я здесь внизу, на земле, **не понимаю ни слова, не слышу ни звука**. Я по-прежнему стою на тротуаре напротив и гляжу, я гляжу на слова, уносимые ветром, слова, которые он бросит где-нибудь вдалеке. Голова говорит, а **я ничего не слышу**, все разгоняет ветер (...). У меня теперь нет ничего' [Р. П.–1].

Образность поэмы (2) также представлена сущностями конкретного (голова, висящая между проводами) и абстрактного (тишина, безмолвие) уровней. Идея одиночества, сводимая к невозможности услышать и понять слова, речь, образуется реальными обстоятельствами (расстояние, ветер), как если бы именно последние затрудняли синестетическое (*je regarde les mots* 'я гляжу на слова') восприятие лирическим героем обращенных к нему слов.

Лирический герой поэмы «Вечно один» («*Toujours Seul*») выбирает в комнате «самый укромный из четырех углов», чтобы «побыть одному». Вскоре «наступает крошечная темнота», а «никто из прохожих не смотрит вверх»:

(3) *J'ai préféré le coin le plus aigu de cette chambre pour être seul ; et la fenêtre d'en face s'estouverte. Viendra-t-elle? Dans la rue où nos bras jettent un pont, personne n'a levé les yeux, et les maisons s'inclinent. Quand les toits se touchent on n'ose plus parler. On a peur de tous les cris, les cheminées s'éteignent. Il fait si noir* [R. P.–3].

(3') 'Я выбрал в комнате самый укромный из четырех углов, чтобы побыть одному, и окно напротив открылось. Но где же она? Над улицей повис мост наших рук, никто из прохожих не смотрит вверх, и дома наклонились друг к другу. Когда две крыши соприкасаются, уже не решаешься говорить. Любые звуки внушают страх, каминные гаснут. **Наступает крошечная темнота**' [Р. П.–1].

Образная система поэмы (3) также образована соположением сущностей конкретного (руки, крыши домов) и абстрактного (страх, темнота) порядков. Идея встречи, призванная разрушить пространство отсутствия, материализуется благодаря «склонившимся крышам домов», «мосту из рук».

В центре поэмы «Неприметный человек» («*Une Apparence Médiocre*») – герой, который «ни от кого не уехал», которого «никто не будет встречать»:

(4) *Le train siffle et repart (...). C'est un long convoi de larmes et sur chaque quai où l'on se sépare de nouveaux bras agitent des mouchoirs. Mais celui-là est seul et ses lunettes se ternissent des larmes des autres ou de la pluie qui fouette la vitre où il colle son nez. Il n'a quitté personne et nul ne l'attendra à la gare où il va descendre. D'ailleurs il ne raconte pas ses voyages, il ne sait pas décrire les pays qu'il a vus. Il n'a rien vu peut-être, et quand on le regarde, de peur qu'on l'interroge, il baisse les yeux (...). A l'arrivée, sans expression de joie ou d'impatience, il part, seul dans la nuit (...). Il est seul, on le croit seul* [R. P.–4].

(4') 'Свисток – и состав тронулся (...). Это длинный заплаканный поезд, и на каждом перроне – все новые расставанья и все новые руки машут

платками вслед. А этот – совсем **один** (...). Он **ни от кого не уехал**, и **никто не будет встречать его** на вокзале. К тому же о своих странствиях он молчит, он не умеет рассказывать о краях, которые видел. **Может быть, он ничего и не видел**, и, почувствовав на себе чей-то взгляд, опасается, как бы не начали задавать вопросы, и опускает глаза (...). На станции назначения, не выражая ни радости, ни нетерпенья, он в одиночестве отправляется в ночь (...). **Рядом с ним никого, или кажется, что никого**’ [Р. П.–1].

Несмотря на это, у читателя не может быть полной уверенности в том, что лирический герой одинок, поскольку дальнейшее описание его личности сопровождается эпистемическая модальность: *Il n’a rien vu peut-être* ‘Может быть, он ничего и не видел’; *Il est seul, on le croit seul* ‘Рядом с ним никого, или кажется, что никого’. Образная система поэмы (4) оказывается развернутой (поезд, станции, машущие платками руки – радость, нетерпение, одиночество), но вместе с тем открытой, так как идея одиночества разрушается эпистемическими показателями (*peut-être* ‘может быть’, *on croit* ‘кажется’).

Лирический герой поэмы «После бала» («Après le Bal») получает в гардеробе зимнюю шубу, но никто не возвращает ему партнерш, с которыми он еще недавно кружился в танце:

(5) *J’ai peut-être mis au vestiaire plus que mes vêtements. Je m’avance, allégé, avec trop d’assurance et quelqu’un dans la salle a remarqué mes pas. Les rayons sont pleins de danseuses. Je tourne, je tourne sans rien voir dans les flots de rayons des lampes électriques et je marche sur tant de pieds et tant d’autres meurtrissent les miens. (...) Mais l’orchestre s’est tu, les lampes éteintes ont laissé s’alourdir la fatigue. Au vestiaire, on m’a rendu un chaud manteau contre le gel, mais le reste? Il me manque pourtant quelque chose. Je suis seul et je ne puis lutter contre ce froid* [R. P.–5].

(5’) ‘Я, похоже, сдал в гардероб еще что-то, кроме одежды. Я вхожу, мне невероятно легко, ни в чем никаких сомнений, и в зале заметили мое появление. Лучи света наводнены танцующими. Я вальсирую, я кружусь в волнах света от электрических ламп, ничего не видя вокруг, наступаю все время кому-то на ноги, а другие тем временем оттаптывают мои (...). Но оркестр умолк, и при погашенных лампах навалилась усталость. В гардеробе мне отдали теплую зимнюю шубу, но где остальное? Нет, чего-то мне не хватает. **Я один**, мне не выстоять против этой стужи’ [Р. П.–1].

Поэма (5) оказывается наименее образной, отвечая идее Реверди о «поиске поэзии во внешней реальности» [4, р. 96]. При этом речь идет, разумеется, о характерной для поэта манере вводить в поэзию «элементы повседневной жизни, лиризм реальности», но никоим образом не о реалистичном письме, поскольку Реверди «совершенно невозможно представить себе приверженцем реализма» [Р. П.–1]. И только эксплицитное сравнение (*on m’a rendu un chaud manteau contre le gel, mais le reste ?* ‘мне отдали теплую зимнюю шубу, но где остальное?’) выражает идею одиночества (*Je suis seul* ‘Я один’), замыкаемую единственным образом (холод – разлука). Это одиночество лирический герой предчувствует (*J’ai peut-être mis au vestiaire plus que mes vêtements* ‘Я, похоже, сдал в гардероб еще что-то, кроме одежды’) в самом начале своего повествования – с тем, чтобы полностью осознать в финале.

Следует отметить, что образы, составляющие пространство отсутствия, характерны для поэтики Реверди и на более поздних этапах его творчества [5; 6]. Так, лирический герой стихотворения «Отставший от жизни» («*Tard dans la vie*»), вошедшего в созданный с 1947 по 1955 г. сборник «Свобода морей» («*La Liberté des mers*»), «никогда не спит». Везде, где бы он ни очутился, он находит лишь «свое отсутствие» (*mon absence*), а все его пути неизбежно ведут «в никуда» (*le néant*):

(6) *Et j'ai perdu mon temps / À rêver sans dormir / Partout où j'ai passé / J'ai trouvé mon absence / Je ne suis nulle part / Excepté le néant* [R.P.–6].

(6') 'Бессонницей теряю время / видения без сна приходят / уходят / повсюду, где я прохожу / я **ничего** не нахожу / не ухожу я **никуда** / разве только в **никуда**' [Р. П.–2].

В свою очередь лирический герой стихотворения «Номада» («*Nomade*»), вошедшего в изданную в 1945 г. книгу «Временами» («*Plupart du temps*»), оказывается перед «дверью, которая не открывается» и видит дом, в который нельзя войти:

(7) *La porte qui ne s'ouvre pas / La main qui passe / Au loin un verre qui se casse / La lampe fume / Les étincelles qui s'allument / Le ciel est plus noir / Sur les toits / Quelques animaux / Sans leur ombre / Un regard / Une tache sombre / La maison où l'on n'entre pas* [R. P.–7].

(7') 'Дверь не откроется / рука промахнется стакан разобьется / лампа попыхивает / искорками, что вспыхивают / небо черное самое / под небесами / несколько тварей / не отбрасывающих тени / око / былых преступлений / дом, в котором **никто**' [Р. П.–2].

Как видим, пути, приведшие лирического героя к одиночеству, представлены образными сущностями: *J'aurai peut-être perdu la clé* 'Я, кажется, потерял ключ'; *J'ai peut-être mis au vestiaire plus que mes vêtements* 'Я, похоже, сдал в гардероб еще что-то, кроме одежды'. Последние призваны увести читателя из мира повседневного в мир поэтический и вынуждают самостоятельно искать «реальные» аналоги элементов образной системы.

Кроме того, сама идея одиночества может быть поставлена под сомнение, оказываясь своего рода «читательской иллюзией» (*Il est seul, on le croit seul* 'Рядом с ним никого, или кажется, что никого').

Таким образом, отсутствие, будь-то света (3), звуков (2), воспоминаний (4), близких людей (4) или временных спутниц (5) составляет в поэмах Реверди пространство, обладающее свойствами материи – оно образовано сущностями, которые можно услышать, увидеть, удерживать в объятиях. Кроме того, отсутствие, воплощенное в образах одиночества, тишины, темноты, пустоты, безмолвия, обратимо: его выражение в трех из семи анализируемых фрагментов сопровождается показателями эпистемической модальности. В свою очередь, эпистемическое значение сомнения/предположения может сопровождать как саму идею одиночества/отсутствия (4), так и ее предпосылки, располагая последние в фантастической (1, 5) плоскости, лишая читателя возможности разрешить проблему лирического героя, оперируя реальными сущностями. Очевидно при этом, что дальнейший анализ эпистемических значений может выступать лишь одним из направлений в изучении образов и образных систем, составляющих поэтическое произведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Domínguez González, F.* Pierre Reverdy et l'écriture du moi / F. Domínguez González // *Çédille. Revista de estudios franceses*. – 2008. – № 4. – P. 83–106.
2. *Stout, J. C.* Le poème en prose : genre moderniste hybride / J. C. Stout // *Dalhousie French Studies*. – 2018. – № 111. – P. 77–82.
3. *Gallet, O.* Avant-propos : Pierre Reverdy dans la « tradition moderne » / O. Gallet // *Littérature*. – 2016. – № 183. – P. 5–9.
4. *Audet, J.* « L'acier des minutes » : le temps dans un poème de Pierre Reverdy / J. Audet // *Études françaises*. – 1997. – Vol. 33. – № 2. – P. 91–109.
5. *Edwards, M.* Pierre Reverdy // *Of Making Many Books* / M. Edwards. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 1990. – P. 70–82.
6. *Rothwell, A.* Textual Spaces: the Poetry of Pierre Reverdy / A. Rothwell. – Amsterdam: Rodopi, 1989. – 309 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- R. P.–1 – *Reverdy, P.* Belle Étoile / P. Reverdy [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <https://www.poemes.co/belle-etoile.html>. – Date d'accès : 12.12.2018.
- R. P.–2 – *Reverdy, P.* Le Vent et L'Esprit / P. Reverdy [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <https://www.poemes.co/le-vent-et-lesprit.html> – Date d'accès : 12.12.2018.
- R. P.–3 – *Reverdy, P.* Toujours Seul / P. Reverdy [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <https://www.poemes.co/toujours-seul.html>. – Date d'accès : 12.12.2018.
- R. P.–4 – *Reverdy, P.* Une Apparence Médiocre / P. Reverdy [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <https://www.poemes.co/une-apparence-mediocre.html>. – Date d'accès : 12.12.2018.
- R. P.–5 – *Reverdy, P.* Après le bal / P. Reverdy [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <https://www.poemes.co/apres-le-bal.html>. – Date d'accès : 12.12.2018.
- R. P.–6 – *Reverdy, P.* Tard dans la vie / P. Reverdy [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <https://www.poemes.co/tard-dans-la-vie.html>. – Date d'accès : 12.12.2018.
- R. P.–7 – *Reverdy, P.* Tard dans la vie / P. Reverdy [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <https://www.poemes.co/nomade.html>. – Date d'accès : 12.12.2018.
- P. П–1 – *Реверди, П.* Стихотворения в прозе / П. Реверди; пер. с франц. и вступление Алины Поповой // *Иностранная литература*. – 1999. – № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/12/reverdi.html>. – Дата доступа: 12.12.2018.
- P. П–2 – *Реверди, П.* Отставший от жизни / П. Реверди // *Мини-антология французской поэзии XX века*; пер. с франц. Максима Анкудинова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://algart.net/ankudinov/translate/fr_poetry.html. – Дата доступа: 12.12.2018.

The article analyses the images of *absence* in Pierre Reverdy's *Poèmes en prose* (1915). It shows that correspondences of the absence-related elements in these surrealist texts acquire substantial properties. It also points out that epistemic modals confer openness to the idea of absence.

Поступила в редакцию 20.12.2018

О. А. Судленкова

ВЫМЫШЛЕННАЯ АВТОБИОГРАФИЯ ПЕНЕЛОПЫ ЛАЙВЛИ

В статье анализируется сборник рассказов современной английской писательницы П. Лайвли «Выдуманное» («Making It Up»), представляющих собой альтернативные версии разных эпизодов жизни автора. Анализируя соотношение реальных фактов и вымысла в рассказах, автор статьи приходит к выводу, что «Выдуманное» можно отнести к жанру «автофикшн», суть которого его зачинатель Серж Дубровский определил через оксюморон «изобретение достоверных фактов о себе».

Постмодернистское экспериментирование с формами литературных произведений привело к трансформации и традиционного жанра автобиографии, к возникновению его всевозможных модификаций. Л. Караева, автор статьи об автобиографии в «Энциклопедическом словаре английской литературы XX века», отмечает, что в последнее время этот жанр проявляется в разнообразии форм – «от монтажа отдельных фрагментов, расположенных в обратной хронологической последовательности, до традиционного непрерывного повествования» [1, с. 17].

Одной из модификаций автобиографии явился жанр «автофикшн», ставший предметом горячей полемики, особенно во французском литературоведении. Его инициатором и теоретиком был француз Серж Дубровский, который в 1977 г. использовал этот термин для обозначения жанровой специфики своего романа «Сын», определив его как «вымысел абсолютно достоверных событий и фактов, доверивший язык авантюры авантюре языка» [2].

Концепция автофикшн породила полемику Дубровского с Филиппом Леженом, автором книги «Автобиографический пакт» (1975), который отстаивал чистоту жанра автобиографии. Двенадцатью годами позже к полемике между Леженом и Дубровским подключился Венсана Колонна, написавший диссертацию, а затем опубликовавший книгу «Автофикшн и другие литературные мифомании» (2004). М. Левина-Паркер так определяет различие концепций двух теоретиков автофикшн: «Если Дубровский в своем творчестве приживлял к документальным элементам художественности, то есть, модернизируя автобиографию, принимал ее за основу, то Колонна решительно перенес ударение на вымысел, на сочинение автором самого себя. Он провозгласил принципами автофикшн “изобретение себя” и “олитературирование себя” и, сохранив персону автора в роли героя, исключил всякую возможность исповедальности и референциальности» [2].

Колонна также значительно расширил географические и хронологические параметры автофикшн. Если Дубровский считал автофикшн порождением нового времени и ограничивал его существование рамками модернизма и постмодернизма, то Колонна отмечает наличие характеристик этого жанра и в более ранних произведениях, в том числе в «Божественной комедии» и «Дон Кихоте». Такое расширительное толкование понятия «автофикшн» отвергается многими, так как, по мнению его критиков, включает практически всю литературу, размывая таким образом жанровые границы. Так, Пол Джон Икен, один из ведущих американских теоретиков автобиографии, назвал автофикшн антиавтобиографическим явлением, «которое расша-

тывает границы жанрового определения». Те же, кто разделяет концепцию Колонна, видят в ней отражение динамики литературного процесса, а само явление автофикшн рассматривают как просто новую стадию развития литературы.

В настоящее время нет однозначного определения этого термина. Как пишет М. Левина-Паркер, «в зависимости от того, делается ли акцент на первую или вторую часть сложносоставного слова “автофикшн”, исследователи жанра разделяются на тех, кто вслед за Сержем Дубровским подразумевает под самосочинением литературную переработку (романизирование) достоверного автобиографического материала, и на тех, кто вслед за Венсаном Колонна видит в самосочинении всецело литературное переизобретение автором собственной жизни и реалий» [2]. Такое толкование «автофикшн» как акта правдоподобия, как «сочинения реальных фактов о себе» позволяет считать его приверженцами широкий круг писателей из разных национальных литератур.

Исходя из такого расширительного понимания термина «автофикшн», считаем возможным отнести к нему и вышедшую в 2005 г. книгу лауреата Букеровской премии, английской писательницы Пенелопы Лайвли «Выдуманное». Уже самим названием автор декларирует вымышленный характер своего произведения, однако пояснения, которые она дает в тексте, убеждают читателя в его референциальности, то есть, в соотношении с личным опытом писательницы, в сочетании вымысла с достоверностью.

Книгу составляют восемь рассказов, которые различаются хронотопом: их действие происходит в разных странах и разное время (от Второй мировой войны до современности). Ее можно было бы рассматривать как сборник отдельных рассказов с драматическими, порой трагическими сюжетами, героями которых являются разные люди, если бы не наличие в ней общего авторского вступления, а также предисловий ко всем рассказам и послесловий к большинству из них. Эти обрамляющие внесюжетные элементы меняют формат книги: из традиционного сборника рассказов она превращается в автобиографическое сочинение, ассоциирующееся с личностью самой писательницы и ее жизненной историей. Рассказы охватывают основные этапы жизни писательницы – детство («Мозамбикский канал»), юность («Альберт Холл», «Река Имджин» «Храм Митраса» и «Комета»), зрелость («Трансатлантик», «Дом двенадцать на Шип Стрит» и «Пенелопа»). В рассказах с преобладанием семейной тематики («Альберт Холл», «Пенелопа») поднимается проблема взаимовлияния членов семьи, а также ставятся вопросы соотношения наследственного, стихийного и волевого начал в человеческом характере. Рассказ «Храм Митраса» («The Temple of Mithras») может восприниматься как миниатюрный университетский роман, а «Река Имджин» («Imjin River») – это впечатляющий антивоенный рассказ. Рассказ «Трансатлантик» («Transatlantic») посвящен проблеме инаковости, так как его конфликт основан на различии английского и американского менталитетов. В рассказе «Пенелопа» («Penelope»), названном по имени самой писательницы, представлена краткая альтернативная версия ее семейной жизни.

Сама же писательница, однако, определяет свою книгу как антимемуары и представляет суть изображенных в них эпизодов как своего рода конфабуляцию, заимствуя этот термин из психиатрии, где он означает вымышленные воспоминания, которыми замещаются пробелы в памяти, вызванные какими-нибудь психологическими расстройствами. Заметим, однако, что в последнее время этот термин вошел в литературоведческую терминологию, о чем свидетельствует, например, определение, появившееся в новом издании Oxford Advanced Learner's Dictionary, которого не было в прежних вариантах: «Confabulation – a story that somebody has invented in their mind, the act of inventing a story in your mind» [3, p. 317]. Осмелимся предположить, что этот факт может свидетельствовать о признании «легитимности» автофикшн.

Итак, «Выдуманное» – это сборник миниатюрных альтернативных историй (АИ), каждая из которых, как и принято в произведениях этого жанра, имеет свою точку расхождения (дивергенции), обозначенную самой писательницей во вступлении или в послесловии к каждому из рассказов. В этом авторском дискурсе разъясняется соотношение реального и вымышленного, подлинного и альтернативного «я» писательницы. То есть, суть книги можно определить оксюмором «вымысел реальных фактов о себе». Соотношение вымысла и реальности становится очевидным из сравнения подлинной биографии писательницы с содержанием рассказов. По словам самой П. Лайвли, она прожила довольно спокойную и счастливую жизнь, протекавшую достаточно традиционно – учеба в Оксфорде, раннее и счастливое замужество, рождение детей, литературное творчество. В рассказах же перед читателем предстают очень драматичные, а порой и трагические эпизоды, в которых автор изображает один из возможных поворотов судьбы на разных этапах ее жизни, представляя альтернативный, отличный от реального, исход событий, как бы отвечая на вопрос: «что было бы, если ...».

Во всех рассказах ощущается основное кредо Лайвли, проявившееся, по мнению И. Васильевой, уже в ее ранних романах, – показывать, что «история заключена в рамки микрокосма отдельной личности» [5, с. 226], что человеческие судьбы тесно связаны с историческими событиями. «Personal life is set against the background noise of public events», – говорит писательница в предисловии к рассказу «Река Имджин» [4, p. 112]. Поэтому фоном большинства рассказов служат какие-нибудь реальные события, тенденции или явления мирового или национального масштаба. Вторая мировая война, война в Корее, Карибский кризис, угроза ядерной войны, сексуальная революция, эмиграция – вот те события, которые оказывают воздействие на судьбы вымышленных персонажей Лайвли. Так, первый рассказ сборника «Мозамбикский канал» («Mozambique Channel») повествует о трагически оборвавшемся путешествии маленькой девочки по имени Пенелопа (alter ego самой писательницы), ее матери и няни на военном корабле, направлявшемся в Южную Африку. В 1941 г., после захвата Египта немецкими войсками, семьи многих английских чиновников и служащих вынуждены были бежать из страны. Мать будущей писательницы выбрала Палестину, где они смогли в безопасности переждать военные годы. Многие же другие семьи отправились в Южную Африку, но при плавании вдоль африканского континента

около двадцати британских и союзнических кораблей с гражданскими пассажирами и военными были потоплены японскими субмаринами. Именно такой вымышленный трагический исход составляет канву этого рассказа. Центральным персонажем в этом рассказе выступает, однако, не сама писательница, а ее няня, через восприятие которой и подаются события трагического путешествия, в том числе и гибель ее подопечной, т.е. альтернативная версия судьбы автора книги.

Реальным фоном вымышленной версии молодых лет Лайвли в рассказе «Альберт Холл» («The Albert Hall») стали 1950-е гг. с их зарождающимися идеями вседозволенности и свободной любви. Воплощением этих идей здесь выступает Миранда (с *лат.* ‘чудная’) – альтернативный образ самой писательницы: мать-одиночка, бродяжничающая с себе подобными и в череде любовных приключений мало интересующаяся воспитанием маленькой дочки, родившейся в результате случайной связи после бала в Альберт Холле. В рассказе «Река Имджин» описана гибель юного английского солдата во время войны в Корее в начале 1950-х гг. Изображение военных событий и пояснение автора о реальной жизни молодого человека в те годы – это достоверная информация, в то время как картина трагической гибели героя рассказа является вымыслом, изображающим альтернативную версию судьбы близкого ей человека.

Подобная «правдивовымышленность» характерна для всех рассказов книги «Выдуманное». Рассказ «Пенелопа», на наш взгляд, представляет собой наиболее явный образец самосочинения/автофикшн, так как в нем Лайвли представила «вымысел реальных фактов о себе», оставив героине собственное имя. В данном случае имеет место совпадение субъекта и объекта повествования, что представляется наиболее частым вариантом автофикшн. Но рассказ – это мифологизированная версия альтернативной семейной истории. Все персонажи рассказа – сама героиня, ее муж по имени Орсон, их сын Тоби, побочный сын Тэм от любовницы Кэрол, второй сын Пенелопы, зачатый в отсутствие мужа и родившийся с дефектом ног – восходят к «Одиссее», книге, по словам писательницы, оказавшей самое сильное впечатление на нее в детстве и влияющей на всю ее жизнь. Аналогичность ситуаций и взаимоотношений, сходство или абсолютная идентичность имен призваны подчеркнуть повторяемость, архетипичность ситуаций. Весь сюжет воспринимается как абсолютно правдоподобная и достоверная история, но на самом деле является чистым вымыслом, не имеющим ничего общего с реальной семейной жизнью автора. С одной стороны, здесь имеется то, что, в понимании Ф. Лежена, является неперенным условием классической автобиографии, а именно, идентичность трех фигур – автора, выступающего под реальным именем, повествователя и героини. С другой стороны, неподлинность, вымышленность героини и ее семейной истории не позволяют считать этот рассказ образцом традиционной автобиографии.

Представленные в книге версии разных этапов жизни автора «Выдуманного» далеки от реальности, но их сюжеты представляют собой сочетание вымышленности и референциальности. Их референциальность состоит в том, что в основе лежат обстоятельства жизни самой писательницы, но в какой-то

момент в силу каких-либо причин – случайностей, чьего-либо или ее собственного выбора, или каких-нибудь еще факторов – принявших отличный от реальных поворот. Отправной точкой в сочинении некоторых из альтернативных версий своей судьбы стала какая-то черта характера самой писательницы или какое-то неудовлетворенное желание, которые в определенных обстоятельствах могли бы привести к изображенным ситуациям. Так, в реальной жизни удачно выбранное матерью место для эвакуации не допустило трагедии, представленной в рассказе «Мозамбикский канал»; случайная связь, действительно имевшая место в жизни писательницы, к счастью, не имела последствий, описанных в «Альберт Холл»; учеба в Штатах могла бы привести к ситуации, изображенной в «Трансатлантике». Рассказ «Комета» основан на реальном факте – авиакатастрофе французского самолета «Комета», в котором могла бы оказаться сама автор, если бы отправилась, как планировала, в Египет, преподавать английский язык. А одна из двух героинь рассказа – это воплощение так и неосуществившейся мечты писательницы иметь сестру. Героиня рассказа «Дом двенадцать на Шип Стрит» («Number Twelve Sheep Street») Эстер Лэмпсон, безразличная к унаследованной от отца богатейшей библиотеке, – это вымышленное «я» автора, та личность, какой могла бы стать сама Лайвли, если бы она не обладала прирожденной тягой к знаниям и любовью к художественной литературе.

В упоминавшихся выше прологах и эпилогах к каждому из рассказов не только даются пояснения реальных фактов из жизни писательницы, но и содержатся размышления философского, психологического и литературного плана. Это соответствует тому, что М. Левина-Паркер назвала особенностью современного этапа литературного развития, которую она обозначила как «возрастающий синкретизм, выражающийся не только в комбинировании литературы и теории или в смешении “авто” и “фикшн”, но и в слиянии литературы, автобиографии, теории литературной критики, публицистики в одном универсальном жанре без границ» [2].

Наиболее релевантны для нашего исследования рассуждения Лайвли о факторах, предопределяющих характер человека и его судьбу: наследственность, воспитание, влияние мировых событий и других обстоятельств, роль собственного выбора и т.д. В «Предисловии» писательница говорит о непредсказуемости и причудливости жизненных судеб, которые зависят от произвольного сочетания наследственного, стихийного и волевого начал в человеческом характере: *“Somehow, choice and contingency have landed you where you are, as the person that you are, and the whole process seems so precarious that you look back at those climactic moments when things might have gone differently, when life might have spun off in some other direction, and wonder at this apparently arbitrary outcome”* [5, p. 1].

В «Выдуманном» затрагиваются и вопросы литературного творчества: проблема выбора героя и способы создания его образа, выбор угла зрения и повествовательной техники, различия между действительностью и художественным произведением, влияние на творчество и на саму жизнь читательского багажа писателя. Эти и другие вопросы добавляют металитературный компонент в содержание книги. При этом Лайвли сама демонстрирует

вариативность повествовательных стратегий, смещая порой внимание с главного персонажа, собственного «я», на второстепенного, меняя угол зрения в пределах одного рассказа, вводя двойников, прибегая к интертекстуальности и т.д. В предисловии к рассказу «Трансатлантик» («Transatlantic») Лайвли сравнивает литературное творчество с реальной жизнью. С одной стороны, утверждает она, между ними существует большое различие, так как создание жизненной судьбы в литературном произведении – управляемый процесс, позволяющий автору избегать неоправданных решений, в то время как в реальной жизни человек отнюдь не всегда предпринимает разумные и последовательные шаги. “*Story is navigation; successful story is the triumphant progress down the right paths, avoiding the dead ends, the unsatisfactory turns. Life, of course, is not at all like that. There is no shrewd navigator, just a person’s own haphazard lurching from one decision to another*” [5, p. 136]. С другой стороны, книга сродни жизни – она результат ограниченного выбора из множества возможностей, так как вымысел, лежащий в основе творчества, подобен дереву, от центрального ствола которого расходятся ветки – тропинки конфабуляции, в свою очередь порождающие множество других возможных сюжетных ходов. То есть, литературное произведение является результатом выбора автора и самоограничения, без которого невозможен его законченный вариант.

Таким образом, «Выдуманное» Пенелопы Лайвли представляет собой довольно сложное произведение, жанр которого нельзя определить однозначно, так как каждый из рассказов тематически воспринимается как одна из миниатюрных романских разновидностей (военный, университетский, семейный, метароман и т.д.). А взятые в целом, рассказы представляют собой эксперимент с модификацией жанра автобиографического романа под названием автофикшн, т.е. самосочинения, вымысла реальных фактов о себе, или вымышленной автобиографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караева, Л. Автобиография / Л. Караева // Энциклопедический словарь английской литературы XX века. – М. : Наука, 2005. – С. 13–17.
2. Левина-Паркер, Маша. Введение в самосочинение: autofiction / Маша Левина-Паркер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/le2.html/>. – Дата доступа: 12. 02. 2018.
3. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary. Seventh edition. / A. S. Hornby. – Oxford : Univ. Press, 2005. – 1780 p.
4. Васильева, И. Лайвли Пенелопа / И. Васильева // Энциклопедический словарь английской литературы XX века. – М. : Наука, 2005. – С. 225–226.
5. Lively, Penelope. Making It Up / Penelope Lively. – London : Penguin Books, 2006. – 248 p.

In the article the book – «Making It Up» – by the contemporary English writer P. Lively is discussed in the context of the literary phenomenon of autofiction which its initiator S. Dubrovski defined through the oxymoron “invention of true facts about oneself”.

Поступила в редакцию 17.12.2018

НАШИ АВТОРЫ

Будникова Елена Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка (английский) МГЛУ. Тел. 284-46-18.

Гребень Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Дубасова Анжелика Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры интенсивного обучения иностранным языкам № 2 МГЛУ. Тел. (+37529) 915-60-10.

Дудина Анжелика Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. (+37529) 684-09-84.

Зелезинская Наталья Станиславовна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ФСК БГУ. Тел. (+37529) 723-48-16.

Зиневич Надежда Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Зуевская Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка МГЛУ. ел. (+37529) 771-1 8-11.

Зыгмантович Наталья Викентьевна – старший преподаватель кафедры информатики и прикладной лингвистики МГЛУ. Тел. (+37529) 165-01-58.

Котов Кирилл Алексеевич – преподаватель-стажер кафедры лексикологии английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Курганова Нина Ивановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры межкультурной экономической коммуникации БГЭУ. Тел. 209-79-11.

Ламеко Наталия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной литературы БГУ. Тел. 327-12-94.

Лешкевич Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. (+37529) 696-16-05.

Лойша Марина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Орлова Мария Владимировна – преподаватель кафедры лингвистических дисциплин и межкультурных коммуникаций Международного государственного экологического института им. А. Д. Сахарова БГУ. Тел. 245-31-41.

Ревуцкая Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. 284-81-16.

Сидоревич-Стахнова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романских языков факультета международных отношений БГУ. Тел. 209-57-54.

Соловьёва Мария Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и грамматики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-72.

Суббота Екатерина Игоревна – аспирант кафедры языкознания и лингводидактики БГПУ имени М. Танка. Тел. (+37529) 128-85-95.

Судленкова Ольга Афанасьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Тропец Татьяна Владимировна – преподаватель кафедры итальянского языка факультета романских языков МГЛУ. Тел. (+37529) 765-81-80.

Хомцова Екатерина Валерьевна – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ. Тел. (+37533) 613-24-73.

Чельцова Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. (+37544) 536-46-86.

Черенда Анжелика Эдуардовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка естественных факультетов БГУ. Тел. 209-55-71.

Чистая Светлана Фёдоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Шабашева Людмила Аркадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. (+37529) 260-46-83.

Шилей Елена Валерьевна – преподаватель кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. (+37544) 483-34-33.

Яркова Елена Михайловна – старший преподаватель кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 294-71-14.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 1 (98), 2019

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 25.02.2019. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 10,70. Уч.-изд. л. 12,82. Тираж 100 экз. Заказ 8.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499.
ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172